

Станислав Гроф является одним из основателей трансперсональной психологии и Международной трансперсональной ассоциации. Вместе с женой Кристиной Гроф он разработал холотропное дыхание — уникальный метод самопознания, психотерапии и личностного роста. Автор книг: *Realms of Human Unconsciousness* (1976), *LSD Psychotherapy* (1980), *Beyond Death* (1980, вместе с Кристиной Гроф), *Beyond the Brain* (1985), *The Stormy Search for the Self* (1990, вместе с Кристиной Гроф), *Holotropic Mind* (1992, вместе с Хэлом Беннетом), *Transpersonal Vision* (1998), *The Psychology of the Future* (2000).

Станислав Гроф зарекомендовал себя одним из великих первооткрывателей в психологии двадцатого века. Его предыдущие книги пролили новый свет на такие разнообразные области, как структура бессознательного, измененные состояния сознания, взаимосвязь психотерапии и религии.

Эта книга — его самый замечательный вклад в наше понимание человеческого сознания. Основываясь на обширных клинических данных, Гроф предлагает блестящий синтез психологии и религии.

КОСМИЧЕСКАЯ ИГРА

Станислав ГРОФ

ТЕКСТЫ ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Станислав ГРОФ

КОСМИЧЕСКАЯ ИГРА

Исследование рубежей человеческого сознания

Станислав Гроф зарекомендовал себя одним из великих первооткрывателей в психологии двадцатого века. Его предыдущие книги пролили новый свет на такие разнообразные области, как структура бессознательного, измененные состояния сознания, взаимосвязь психотерапии и религии. Эта книга — его последний и самый замечательный вклад в наше понимание человеческого сознания. Основываясь на обширных клинических данных, обеспечивающих поддержку своих теоретических взглядов, Гроф предлагает блестящий синтез психологии и религии

Станислав Гроф

Космическая игра. Исследование рубежей человеческого сознания

Stanislav Grof
The Cosmic Game
Explorations of the Frontiers of Human Consciousness

Серия “Тексты Трансперсональной Психологии”

Редактор серии
к. филос.н. Владимир Майков

В этой книге я пытаюсь суммировать философский и духовный опыт моего сорокалетнего личного и профессионального пути, включающего исследования неизведанных границ человеческой психики. Это было сложное и нелегкое странствие, порой весьма спорное, и в одиночку я бы в него не отправился. Все эти годы я получал неоценимую помощь, вдохновение и поддержку от многих людей. Некоторые были мне близкими друзьями, другие — учителями, но большинство сыграли в моей жизни ту и другую роль. Я не могу выразить в этой книге свою признательность каждому в отдельности, но все же некоторых хотелось бы поблагодарить особо.

Энджелес Эрриен, антрополог и дочь «визионера» — духовного наставника, продолжателя мистической традиции басков, — в течение многих лет была мне настоящим другом и серьезным учителем. Занимаясь четыре десятка лет духовными традициями, она стала живым примером, показывающим, как объединить в единое целое женские и мужские аспекты человеческой психики и как «идти мистическим путем, не отрываясь от земли».

Грегори Бейтсон, оригинальный и плодовитый мыслитель, с которым за два с половиной года сотрудничества в Эсаленском институте в Биг-Суре (Калифорния) мне посчастливилось многие и многие часы провести в беседах на личные и профессиональные темы, стал для меня учителем и близким другом. Когда наши разговоры касались области мистического, он неизменно проявлял скептицизм, однако неумолимая логика пытливого ума заставляла его резко критиковать механицизм научной мысли, что открывало путь на широкие просторы трансперсонального видения.

Огромную помощь попыткам увязать мои открытия, касающиеся природы и диапазона человеческого сознания, с одной стороны, и точкой зрения современной науки — с другой, внесла работа Дэвида Бома. Его голографическая модель Вселенной оказалась неоценима для моих теоретических разработок. Хотелось бы отметить, что важную роль сыграла при этом и модель мозга, разработанная Карлом Прибрамом также на основе голографических принципов.

Мой старый друг Джозеф Кэмпбелл, блестящий мыслитель, рассказчик и замечательный учитель, научил меня понимать смысл мифологии и ее функцию, ибо мифология — это мост, ведущий в сферы сакрального. Он оказал сильное влияние и на мое мышление, и на мою личную жизнь. Теперь я считаю, что мифология в понимании К.Г. Юнга и Джозефа Кэмпбелла имеет важнейшее значение для психологии, духовности и религии.

Огромное воздействие на мои интеллектуальные изыскания оказала потрясающая книга Фритьофа Капры «Дао физики». Демонстрируя сближение квантово-релятивистской физики с духовными учениями восточной философии, эта книга вселила в меня надежду, что духовность и трансперсональная психология однажды станут неотъемлемой частью всеобъемлющей научной парадигмы будущего. Она во многом помогла мне освободиться от оков академизма в мышлении. На протяжении многих лет наша дружба была для нас обоих источником вдохновения.

Брат Дэвид Стайндл-Рэст, монах-бенедиктинец и философ, помог мне понять различие между духовностью и религией. И, что наиболее ценно, он научил меня понимать сокровенную сущность христианства и природу изначальной миссии Христа, прежде затемненные сложной и запутанной историей христианской Церкви.

Майкл Харнер, в котором уникальным образом соединились академизм ученого-антрополога и шаманизм амазонского посвященного, — один из самых близких моих друзей и одновременно авторитетный учитель. У него я научился теоретически и эмпирически понимать

глубинную суть шаманизма как старейшей религии человечества и целительского искусства, что явилось важным дополнением к моему опыту непосредственного общения с североамериканскими, мексиканскими, южноамериканскими и африканскими шаманами.

Альберт Хофман косвенным образом больше других повлиял на мою личную жизнь и карьеру. Его гениальное открытие мощных психоделических эффектов ЛСД привело в 1956 году меня, тогда еще начинающего психиатра, к первому эксперименту с этим веществом. Этот эксперимент изменил всю мою жизнь и породил глубокий интерес к необычным состояниям сознания.

Джек Корнфилд, мой добрый друг, коллега и духовный учитель, умеет мастерски использовать «хитроумные средства» как в зале для медитаций, так и в повседневной жизни. Ему удалось соединить воедино многолетний опыт буддийского монаха и академизм западного ученого-психолога. Все, кто его знает — и друзья, и ученики, — восхищаются его отзывчивостью, мудростью и чувством юмора. За двадцать лет нашего знакомства мы провели вместе много семинаров и медитаций. Пожалуй, от него я узнал о буддизме и духовности куда больше, чем из всех прочитанных мною книг на эти темы.

Эрвин Ласло, всемирно известный представитель философии систем и теории общей эволюции, оказал очень серьезное влияние на мою профессиональную жизнь. Его книги, в которых ему удалось сформулировать основные принципы науки, объединяющей в себе материю, жизнь и разум, а также личные беседы с ним обеспечили меня прекрасной концептуальной основой, позволяющей осмыслить мои переживания и наблюдения. Благодаря им я смог органически интегрировать свои открытия в целостное мировоззрение, соединяющее духовность и науку.

Ральф Метцнер, психолог и психотерапевт, в котором научная скрупулезность, интерес к природе и будущему человечества сочетаются с неугомонной предприимчивостью, начиная с нашей первой встречи, состоявшейся тридцать лет назад, остается моим другом и соратником. В своей жизни и исследованиях он подавал мне пример душевного равновесия и интеллектуальной трезвости.

Рам Дасс, еще один близкий друг, был для меня одним из самых главных духовных учителей. Являя собой уникальное сочетание джняна-, бхакти-, карма- и раджа-йоги, он играет в нашей культуре роль подлинного духовного искателя, с поразительной откровенностью рассказывающего о своих победах и поражениях в духовных поисках. Из всех наших многочисленных встреч я не помню ни одной, когда бы он не обогатил меня своими уникальными прозрениями и идеями.

Руперт Шелдрейк с необычайной проницательностью и ясностью продемонстрировал мне недостатки традиционной науки. Это помогло мне стать более открытым к новым наблюдениям и научиться доверять собственным суждениям, даже если мои данные противоречат основным метафизическим положениям тех концептуальных основ, на которых я был воспитан. Особенно важным для своей работы я считаю его акцент на необходимости поиска адекватных объяснений формы, структуры, порядка и смысла.

Рик Тарнас, психолог, философ и астролог, а также один из моих самых близких друзей, постоянно является для меня источником вдохновения и новых идей. Когда мы жили и работали в Эсаленском институте в Биг-Суре (Калифорния), а также позднее, когда мы вместе преподавали в Калифорнийском институте интегральных исследований, мы изучали необычные взаимосвязи между холотропными состояниями сознания, архетипической психологией и транзитной астрологией. Своими скрупулезными исследованиями Рик помог мне глубже постичь грандиозный замысел, лежащий в основе творения.

Чарльз Тарт — для меня образец подлинно блестящего ученого, обладающего мужеством,

честностью и цельностью для того, чтобы бескомпромиссно отстаивать свои убеждения и идти в своих исследованиях нетрадиционными путями, даже если они кажутся спорными и неверно принимаются за парапсихологию и спиритизм. Я восхищаюсь им и многому у него научился.

Фрэнсис Воон и Роджер Уолш — первооткрыватели и лидеры в области трансперсональной психологии. Они партнеры как в жизни, так и в работе, и мне хотелось бы поблагодарить эту замечательную пару. Они всегда были для меня неиссякаемым источником вдохновения и поддержки. Их творческое сотрудничество (лекции, семинары, статьи и книги) и частная жизнь стали для меня образцом соединения науки, духовности и здорового образа жизни. Как замечательно, что у меня есть такие друзья и коллеги!

Пожалуй, самый большой личный вклад в создание прочной философской основы грядущего примирения науки и духовности внес Кен Уилбер. Целый ряд его новаторских книг явил читателю поразительный синтез данных, полученных из разнообразнейших отраслей и дисциплин, как восточных, так и западных. Хотя время от времени у нас возникали разногласия по поводу некоторых частностей, его работа послужила для меня богатым источником информации, стимулом и творческим вызовом. Я также высоко ценю его критические замечания, высказанные по поводу этой книги.

Я очень признателен Джону Буканану за вдохновение и юмор, которыми он наполняет нашу жизнь, а также за многолетнюю щедрую поддержку моей работы. И наконец мне хотелось бы искренне поблагодарить Роберта Макдермотта, президента Калифорнийской школы профессиональной психологии, за необычайное благородство и непредвзятость, с какими он поддерживает и поощряет свободный обмен идеями в противоречивой сфере трансперсональной психологии, а также за продуманные и ценные замечания, которые он сделал, прочитав рукопись этой книги.

Особую признательность я выражаю членам своей семьи, которые, разделяя со мной все волнения и превратности моего непростого жизненного пути, постоянно поддерживают меня и ободряют — жене Кристине, брату Полу и покойным родителям. Я также хотел бы особо поблагодарить Кэри и Тэва Спарксов, так как они играют в моей жизни важную роль — как близкие друзья и компетентные, преданные своему делу коллеги.

К сожалению, в этой книге я не могу перечислить имена людей, внесших существенный вклад в ее создание, — я имею в виду те тысячи людей, что на протяжении долгих лет делились со мной своими переживаниями и прозрениями, открывшимися им в необычных состояниях сознания. У меня вызывает глубокое уважение их дерзость в изучении сокровенных сфер реальности, и я особенно благодарен им за открытость и честность, с какой они рассказывали мне о своих удивительных приключениях. Без их участия я не смог бы написать эту книгу.

Глава первая

Введение

Самое прекрасное из всех доступных нам переживаний — переживание непостижимого... Тот, кому незнакомо это чувство, кого ничто более не удивляет и не приводит в трепет, все равно что мертвец.

Альберт Эйнштейн

Эта книга рассматривает ряд фундаментальных вопросов бытия, которыми люди задаются с незапамятных времен. Как возникла наша Вселенная? Является ли мир, в котором мы живем, результатом механических процессов, происходящих в неодушевленной, инертной и реагирующей материи? Управлял ли творением и развитием Вселенной высший космический разум? Можно ли материальную реальность объяснить исключительно в терминах естественных законов, или же здесь действуют силы и принципы, не поддающиеся таким описаниям?

Какова связь между жизнью и материей, между сознанием и мозгом? Как нам осмыслить такие дилеммы, как конечность времени и пространства, с одной стороны, и вечность и бесконечность — с другой? Где во Вселенной берут начало порядок, форма и смысл? Весьма актуальны для повседневной жизни и некоторые другие проблемы, обсуждаемые в этой книге, — например, противоречие между добром и злом, тайна кармы и перевоплощения и вопрос о смысле человеческого бытия.

Как профессиональному психиатру мне известно, что такие вопросы обычно не задают в контексте психиатрической практики или психологических исследований. И все же эти насущные вопросы совершенно спонтанно возникали в умах многих людей, с которыми я работал. Объяснение нужно искать в той области исследований, которая на протяжении сорока лет моей профессиональной деятельности остается главным объектом моих интересов, — в работе с необычными состояниями сознания. Этот интерес вспыхнул весьма неожиданно и ярко в 1956 году, всего через несколько месяцев после окончания медицинского института, когда я добровольно вызвался участвовать в эксперименте с ЛСД, проводившемся на факультете психиатрии Пражского медицинского института. Этот эксперимент глубоко повлиял на мою личную и профессиональную жизнь и стал тем творческим стимулом, благодаря которому я на всю жизнь связал себя с исследованиями сознания.

И хотя меня интересовал весь спектр необычных состояний сознания, мой сугубо личный опыт относится к психоделическим исследованиям, к психотерапевтической работе с людьми, переживающими внезапные психодуховные кризисы («критические состояния духа»), а также к холотропной дыхательной терапии — методу, разработанному мною и моей женой Кристиной. В психоделической терапии необычные состояния сознания вызываются химическими средствами, в психодуховных кризисах они по неизвестным причинам внезапно развиваются в гуще повседневной жизни, а в холотропной дыхательной терапии они стимулируются сочетанием учащенного дыхания, музыки, пробуждающей воспоминания, и особой формы сосредоточенных физических упражнений. В этой книге я затрагиваю все три упомянутых аспекта, поскольку прозрения, которые в них открываются, очень сходны, если не тождественны.

В своих предыдущих публикациях я уже описывал, насколько важно систематическое изучение необычных состояний сознания для понимания природы эмоциональных и психосоматических расстройств, а также для самой психотерапии (Grof 1985, 1992*). Эта книга посвящена более широким и общим вопросам; в ней исследуются необычные философские, метафизические и духовные озарения, имевшие место в ходе моей работы. Переживания и наблюдения, полученные таким образом, открыли важные аспекты и измерения реальности, которые мы в повседневной жизни, как правило, не осознаем.

Многие века эти переживания и сферы бытия, в них открывающиеся, описывались в различных духовных философских и мистических традициях, таких, как веданта, буддизм хинаяны и махаяны, даосизм, суфизм, гностицизм, христианский мистицизм, каббала и прочие сложные духовные системы. Данные моих исследований и вообще результаты современных исследований сознания в целом по сути подтверждают и поддерживают позицию вышеназванных древних учений и потому в корне противоречат основным положениям материалистической науки относительно сознания, человеческой природы и природы реальности. Они четко указывают, что сознание не продукт мозга, но изначальный принцип существования и что оно играет решающую роль в творении чувственного мира.

Эти исследования еще и радикально меняют статус человеческой психики, показывая, что психика индивида в ее самом широком диапазоне по сути соизмерима со всем бытием и абсолютно тождественна космическому творческому принципу. Такой вывод, пусть он и являет собой серьезный вызов мировоззрению современных развитых обществ, вполне согласуется с представлением о реальности, которое содержится в великих духовных и мистических традициях мира, названных у философа и писателя Олдоса Хаксли «вечной философией» (Huxley 1945).

Современные исследования сознания в целом подтвердили базовые тезисы вечной философии. Они раскрыли перед нами грандиозный замысел, лежащий в основе творения, и показали, что высший разум пронизывает все бытие.

В свете этих новых открытий духовность видится важным и законным стремлением человеческой жизни, поскольку она отражает ключевое измерение человеческой психики и всего миропорядка. Зачастую мистические традиции и духовные философские учения прошлого не принимались всерьез и даже становились объектом критики за свою «иррациональность» и «ненаучность». Но такая оценка как нельзя более далека от истины. Многие из великих духовных систем являются продуктом многовекового углубленного изучения человеческой психики и сознания, и в этом они во многом сходны с научными исследованиями.

Эти системы дают подробные указания относительно методов вызова духовных переживаний, на которых они основывают свои философские теории. Достоверность систематически накопленного материала обычно подтверждается многовековым опытом, что и требуется для обеспечения достоверных и надежных знаний в любой области научных исследований (Smith 1976, Wilber 1977). Особенно примечательно, что утверждения различных школ вечной философии теперь могут быть подкреплены данными современных исследований сознания.

Методы самопознания, описанные в этой книге и обеспечивающие такое современное подтверждение, не требуют той же степени самоотдачи и самопожертвования, какая предполагалась древними духовными практиками. Они более доступны и посильны для западного человека, скованного сложностями современной жизни. Использование психоделиков

было скомпрометировано бесконтрольным экспериментаторством и в настоящее время ограничено жесткими административно-правовыми рамками, тогда как холотропная дыхательная терапия — метод, доступный для всех, кого интересует исследование доказательности прозрений, описанных в этой книге. Опыт наших семинаров, проводимых по всему миру, а также сообщения нескольких сот людей, прошедших наш тренинг и научившихся проводить сеансы холотропного дыхания самостоятельно, убедили меня в том, что наблюдения, описанные мною в этой книге, вполне воспроизводимы.

Холотропные состояния сознания

Прежде чем мы обратимся к духовно-философским практикам, мне хотелось бы объяснить, в каком смысле я использую в этой книге термин «необычные состояния сознания». Моя главная задача — сосредоточиться на переживаниях, представляющих собой полезный источник информации о человеческой психике и природе реальности, в частности на таких, которые раскрывают различные аспекты духовного измерения бытия. Я также хотел бы исследовать заложенный в этих исследованиях целительный, преобразующий и эволюционный потенциал. Для этой цели термин «необычные состояния сознания» является слишком общим, поскольку включает в себя широкий спектр состояний, с данной точки зрения неинтересных или неподходящих.

Глубокие изменения в сознании могут быть обусловлены множеством патологических состояний, например церебральными травмами, отравлением ядовитыми веществами, инфекциями, а также дегенеративными и циркуляторными процессами в мозгу. Разумеется, такие состояния могут вызывать глубокие ментальные изменения и нарушать функционирование психики. Однако мы не будем их рассматривать, поскольку они являются причиной «обычного бреда» или «органических психозов» — состояний, весьма важных с точки зрения клиницистов, но для нас неинтересных. Люди, страдающие бредом, как правило, дезориентированы, порой они даже не знают, кто они, и где находятся, и какое сегодня число. Кроме того, у них зачастую наблюдается нарушение мыслительных функций, а выпавшие на их долю переживания заканчиваются потерей памяти.

Вот почему в нашем обсуждении я намерен ограничиться большой и весьма важной подгруппой необычных состояний сознания, для которых в современной психиатрии не существует специального термина. Поскольку я убежден, что они заслуживают выделения в особую категорию, я придумал для них название *холотропные*, что буквально означает «ориентированные на целостность» или «движущиеся в направлении целостности» (от греч. *holos* — «целое» и *trepein* — «двигаться в направлении чего-либо»). Читая эту книгу, вы поймете, что означает этот термин и чем оправдано его использование. Он указывает на то, что, находясь в обычном состоянии сознания, мы не целостны, а раздроблены и отождествляемся лишь с небольшим фрагментом того, что мы есть в действительности.

Холотропные состояния характеризуются особыми трансформациями сознания, связанными с изменениями во всех сферах восприятия, с сильными и зачастую необычными эмоциями, а также с глубокими переменами в мыслительных процессах. Нередко они сопровождаются множеством сильных психосоматических проявлений и неординарным поведением. В сознании происходят чрезвычайно глубокие качественные изменения, но в отличие от бредовых состояний в нем не наблюдается грубых нарушений. В холотропных состояниях мы переживаем вторжение других измерений бытия, которые могут быть очень

интенсивными и даже ошеломляющими. Но при этом мы все же не теряем пространственно-временной ориентации и отчасти остаемся в контакте с повседневной реальностью. Иными словами, мы одновременно присутствуем в двух разных реальностях.

Весьма важным и характерным аспектом холотропных состояний являются необычные изменения в чувственном восприятии. Если глаза открыты, формы и краски внешнего мира обычно резко преображаются, а когда мы закрываем глаза, нас захлестывают образы из нашей личной истории и из коллективного бессознательного. У нас могут возникать и видения различных природных явлений, космоса, мифологических сфер. Иногда все это сопровождается широким диапазоном переживаний, в которых задействованы различные звуки, запахи, физические и вкусовые ощущения.

Эмоции, связанные с холотропными состояниями, охватывают очень широкий спектр и простираются далеко за пределы нашего повседневного опыта — от чувств экстатического восторга, небесного блаженства и непостижимого покоя до чудовищного ужаса, неудержимого гнева, бездонного отчаяния, гложущей вины и других крайних проявлений эмоционального страдания. Интенсивность этих переживаний сопоставима с описаниями адских мук в великих религиях мира. Аналогичным образом поляризованы и сопутствующие физические ощущения — в зависимости от содержания переживания это может быть как ощущение необычайного здоровья и благополучия, оптимального физиологического функционирования и необычайно сильного сексуального оргазма, так и крайний дискомфорт, например мучительные боли, давление, тошнота или чувство удушья.

Особенно интересным аспектом холотропных состояний является их воздействие на процессы мышления. Интеллект не получает повреждений, но работа его весьма отличается от обычного функционального режима. И хотя в таких состояниях мы не можем положиться на свои суждения по обычным практическим вопросам, на нас может буквально обрушиться поток удивительной новой информации, касающейся великого множества других моментов. Нас могут посетить глубокие психологические прозрения, проливающие свет на нашу личную историю, на бессознательные силы, которые движут нами, на наши эмоциональные затруднения и межличностные проблемы. Мы можем также испытать необычайные откровения, затрагивающие различные аспекты природы и космоса и намного превосходящие нашу образовательную и интеллектуальную подготовку. Большинство этих интереснейших прозрений, которые открываются в холотропных состояниях, сосредоточено вокруг философских, метафизических и духовных проблем. Они-то и являются предметом данной книги.

Философские и духовные прозрения, полученные в холотропных состояниях

Холотропные состояния по содержанию чаще всего бывают философскими и мистическими. Находясь в них, мы можем последовательно испытать психодуховную смерть и возрождение или чувства единства с другими людьми, природой, Вселенной и Богом. Перед нами могут предстать воспоминания о прошлых жизнях, мы можем встретиться с могучими архетипическими существами, общаться с развоплощенными сущностями и путешествовать по многочисленным мифологическим сферам. Богатый спектр этих состояний включает также внетелесные переживания, во время которых развоплощенное сознание сохраняет способность оптического восприятия и может с различных позиций в точности наблюдать события, происходящие как в непосредственной близости, так и в отдаленных местах.

Холотропные состояния можно вызвать при помощи целого ряда древних и туземных

способов, так называемых «технологий священного». Эти технологии так или иначе сочетают в себе барабанную дробь, звуки трещоток, колоколов или гонгов, монотонное пение, ритмичные танцы, изменения ритма дыхания и особые формы бодрствования. Они могут также включать длительную изоляцию от общества, сенсорную изоляцию, пост, лишение сна, обезвоживание и даже крайние физические вмешательства, такие, как кровопускание, применение сильных слабительных средств и причинение сильной боли. Особенно эффективной «технологией священного» было ритуальное употребление психоделических растений и веществ.

Эти приемы изменения сознания сыграли важную роль в обрядовой и духовной истории человечества. Индукция холотропных состояний была неотъемлемой частью шаманизма, ритуалов перехода и других церемоний туземных культур. Она представляла собой и ключевой элемент древних мистерий смерти и возрождения, которые проводились в разных концах света и особенно процветали в Средиземноморье. Столь же важную роль холотропные переживания сыграли в мистических ветвях великих мировых религий. Эти эзотерические традиции разработали специфические методы индуцирования таких переживаний. Сюда относятся различные формы йоги, буддийская медитация и сосредоточение, многоголосое монотонное пение, кружение дервишей, христианский исихазм, или «Иисусова молитва», и многие другие методы.

В наше время многообразие приемов изменения сознания значительно расширилось. Клинические методы включают применение чистых растительных алкалоидов с психоделическим воздействием или синтетических психоделических веществ, а также мощные формы эмпирической психотерапии, такие, как гипноз, первичная терапия, высвобождение и холотропное дыхание. Самым популярным из лабораторных методов вызова холотропных состояний стала сенсорная изоляция — прием, основанный на лишении человека сенсорных стимулов, в той или иной степени. Другим известным методом является биологическая обратная связь, позволяющая использовать информацию об изменениях электрических мозговых волн в качестве сигнала направляющего к особым состояниям сознания. Существует множество специальных электронных приборов, использующих принцип «управления» мозговыми волнами при помощи различных акустических и оптических стимулов.

Важно подчеркнуть, что эпизоды холотропных состояний различной глубины и продолжительности могут возникать и спонтанно, без какой-либо явной причины, а зачастую и против воли самого человека. Поскольку современная психиатрия не проводит различия между мистическими или духовными состояниями и психотическими эпизодами, людям, переживающим эти состояния, часто диагностируют психическое заболевание. Их госпитализируют и подвергают обычному фармакологическому лечению. Я и моя жена Кристина высказали мысль, что многие из этих состояний на самом деле являются психодуховными кризисами, или «критическими состояниями духа». Если к этим состояниям относиться правильно, а людям, переживающим их, оказывать квалифицированную поддержку, то переживания такого рода могут привести к излечению психосоматических заболеваний, духовному раскрытию, позитивному преображению личности и эволюции сознания (Grof and Grof 1990).

Древняя мудрость и современная наука

Как видно из вышесказанного, холотропные переживания являются общим знаменателем во многих процедурах, которые на протяжении веков формировали обрядовую, духовную и

культурную жизнь различных народов. Они были главным источником космологических, мифологических, философских и религиозных систем, описывающих духовную природу космоса и бытия, и представляют собой ключ к пониманию духовной жизни человечества, — от шаманизма и священных церемоний туземных племен до великих мировых религий. Но, что самое важное, они содержат ценнейшие практические указания, касающиеся оптимальной жизненной стратегии, позволяющей нам полностью осознать свой творческий потенциал. Принимая во внимание все эти причины, важно, чтобы ученые Запада освободились от материалистических предрассудков и занялись объективным систематическим изучением холотропных состояний.

Все вышеупомянутые категории холотропных состояний сознания вызывали у меня глубокий интерес, и многие из них я пережил на собственном опыте. Однако, как я уже говорил, профессионально я работал главным образом в области психоделической терапии, холотропного дыхания и психодуховного кризиса. И хотя переживания, наблюдаемые в этих трех сферах, различаются по средствам их вызова, они сходны содержанием и духовными и философскими прозрениями.

На протяжении моей профессиональной карьеры я лично провел свыше четырех тысяч психоделических сеансов с такими веществами, как ЛСД, псилоцибин, мескалин, дипропилтриптами́н (ДПТ), метилендиоксиамфетамин (МДА), и присутствовал на более чем двух тысячах сеансов, проведенных моими коллегами. Значительная часть пациентов, участвовавших в этих сеансах, страдала различными эмоциональными и психосоматическими расстройствами, такими, как депрессии, психоневрозы, психосоматические нарушения, алкоголизм и наркомания.

Другую большую группу составляли пациенты, страдающие различными формами рака, главным образом на последней стадии. Здесь нужно было не только облегчить душевные муки и сильные физические боли, вызванные болезнью, но и предложить пациентам возможность достижения мистических состояний, позволяющих уменьшить страх смерти, изменить отношение к ней и трансформировать их опыт умирания. Остальные являлись «обычными добровольцами», среди которых были психиатры, психологи, социальные работники, священнослужители, художники и различные ученые: все они согласились участвовать в психоделических сеансах, потому что искали новых прозрений.

Дыхательные сеансы были включены в долгосрочную программу подготовки специалистов и практические семинары, в которых участвовали люди самых разных специальностей. За многие годы мы с Кристиной провели более тридцати тысяч холотропных сеансов (в основном групповых и только в исключительных случаях — индивидуальных). Помимо экспериментов с психоделиками и с холотропным дыханием, я также много лет работал с людьми, подверженными внезапным психодуховным кризисам, однако эта работа проходила не систематически, в рамках проекта, но велась от случая к случаю, как часть моей личной и профессиональной жизни.

В этой книге я использовал заметки, собранные за сорок с лишним лет работы в области изучения сознания. С этой целью я особенно сосредоточился на тех из них, где описаны переживания и наблюдения, относящиеся к основополагающим онтологическим и космологическим вопросам. К своему удивлению, я обнаружил, что из этих описаний холотропных состояний возникает всеобъемлющая и логически последовательная альтернатива пониманию человеческой природы и жизни, сформулированному материалистической наукой и представляющему официальную идеологию промышленного общества Запада.

У людей, испытывающих холотропные состояния и умеющих включить их в свою жизнь, обычно не развивается своеобразное обманчивое мировосприятие, которое представляет собой

разрозненные искажения «объективной реальности». Они обнаруживают различные аспекты грандиозной картины одушевленной Вселенной, пронизанной высшим космическим разумом, который в конечном итоге соизмерим с их собственными психикой и сознанием. Эти прозрения демонстрируют примечательное сходство с таким пониманием реальности, которое на протяжении истории неоднократно, зачастую совершенно независимо, возникало в различных частях мира. В тех или иных вариантах эта картина реальности предстала перед всеми, кто смог в дополнение к своему повседневному опыту в материальной реальности получить прозрения из холотропных состояний сознания.

Эти данные — добрая весть для миллионов людей на Западе, которые прошли через различные формы холотропных переживаний и не сумели объединить их с традиционной системой убеждений своей культуры. Из-за этого противоречия многие начинали сомневаться, в здравом ли они уме, да и другие люди — включая специалистов в области психических заболеваний, у которых они искали совета и к которым их порой приводили против их желания, — тоже порой считали их безумцами. Изучение холотропных состояний реабилитирует этих людей и вскрывает недостатки современной психиатрии, показывая срочную необходимость в коренном пересмотре нашего понимания человеческой природы и природы реальности.

По мере того как революционные достижения в различных отраслях современной науки развеивают чары устаревшего материалистического мировоззрения, перед нами проступают контуры нового, целостного понимания самих себя, природы и Вселенной. Мы все отчетливее видим, что этот новый, альтернативный подход к существованию объединит науку и духовность и внесет в наш технический мир важные элементы древней мудрости. Даже в настоящее время мы имеем нечто гораздо большее, чем просто пеструю мозаику революционных теорий и смутные очертания нового. Эрвин Ласло (Laszlo 1993) уже представил блестящий синтез самых важных теоретических достижений в различных областях современной науки, а Кен Уилбер создал удивительную междисциплинарную схему, которая обеспечивает философскую основу для такого целостного понимания реальности (Wilber 1995, 1996, 1997).

Когда это новое видение космоса обретет завершенность, оно, безусловно, будет представлять собой не возврат к донаучному пониманию реальности, но целостный творческий синтез всего самого лучшего, взятого из прошлого и настоящего. Мировоззрение, сохраняющее все достижения современной науки и в то же время заново вводящее в западную цивилизацию утраченные ею духовные ценности, могло бы оказать глубокое воздействие на нашу жизнь, как индивидуальную, так и коллективную. Я твердо верю, что переживания и наблюдения холотропных состояний, исследуемые в данной книге, станут неотъемлемой частью этого поразительного нового облика реальности и человеческой природы, который ныне рождается в муках.

Глава вторая

Космос, сознание и дух

Совершенствуясь и пробуждаясь, мы увидим душу в нас самих и во всем окружающем и поймем, что сознание присутствует также в растении, в металле, в атоме, в электричестве — в каждой вещи, принадлежащей физической природе.

Шри Ауробиндо Гхош. «Синтез йоги»

Разница между мною и большинством людей заключается в том, что для меня эти «разделяющие стены» прозрачны.

К.Г. Юнг. «Воспоминания, сны, размышления»

Мировоззрение материалистической науки

Согласно западной науке, Вселенная есть чрезвычайно сложное скопление материальных частиц, которое, в сущности, создало себя само. На космической сцене жизнь, сознание и разум — пришельцы случайные и поздние и мало что значат. Эти три аспекта существования появились в ничтожно малой части безбрежного космоса после миллиардов лет эволюции материи, а жизнь обязана своим происхождением случайным химическим процессам в первозданном океане, которые соединили атомы и неорганические молекулы в сложные органические структуры. Далее в процессе эволюции этот органический материал обрел способность самосохранения, воспроизведения, а также клеточную организацию. Одноклеточные организмы собирались во все более крупные многоклеточные формы и в итоге образовали множество видов, населяющих планету Земля, в том числе *homo sapiens*.

Утверждают, что сознание возникло на более поздних стадиях этой эволюции за счет сложных физиологических процессов в центральной нервной системе. Оно является продуктом мозга, и как таковое размещается внутри черепа. С этой точки зрения сознание и разум суть функции, свойственные лишь человеку и высшим животным. Они определенно не существуют и не могут существовать независимо от биологических систем. Согласно такому пониманию реальности, содержание человеческой психики в большей или меньшей степени ограничено той информацией, которую мы, начиная с момента рождения, черпаем из внешнего мира посредством органов чувств.

Здесь западная наука в своей основе соглашается со старым положением философии британских эмпириков: «В разуме нет ничего такого, чего бы прежде не существовало в органах чувств». Это положение, впервые сформулированное Джоном Локком в XVIII веке, разумеется, исключает возможность доступа к информации, не воспринимаемой органами чувств, т. е. возможность экстрасенсорного восприятия (ЭСВ), такого, как телепатия, ясновидение или переживание нахождения вне тела при четком видении событий, происходящих в отдаленных местах.

Вдобавок природа и степень нашего сенсорного восприятия определяются физическими

характеристиками окружающей среды, а также физиологическими свойствами и ограниченностью наших органов чувств. Например, мы не можем видеть объекты, если отделены от них плотной стеной. Мы теряем из виду корабль, если он уплыл за горизонт, и не можем наблюдать обратную сторону Луны. Точно так же мы не можем слышать звуки, если акустические волны, возбужденные неким внешним событием, не достигают нашего слуха с достаточной силой. Находясь в Сан-Франциско, мы не можем видеть и слышать, что делают наши друзья в Нью-Йорке, если, разумеется, это восприятие не опосредовано какими-либо современными техническими устройствами, например телевизором или телефоном.

Концептуальный вызов со стороны современных исследований сознания

Переживания, имеющие место в холотропных состояниях сознания, бросают серьезный вызов столь узкому пониманию потенциала человеческой психики и пределов нашего восприятия. Переживаемое нами в этих состояниях отнюдь не ограничивается воспоминаниями о нашей нынешней жизни и фрейдовским индивидуальным бессознательным, как нам внушали ученые-материалисты. Холотропные переживания выходят далеко за пределы того, что англо-американский писатель и философ Алан Уоттс в шутку назвал «эго, заключенным в кожу». Они способны вывести нас на широкие просторы психики, которые пока не исследованы западными психологами и психиатрами. В попытках описать и классифицировать совокупность явлений, возможных в этих состояниях, я набросал новую карту человеческих переживаний, расширяющую традиционное понимание психики. Здесь я обрисую эту картографию лишь в общих чертах, более подробное ее описание вы найдете в моих предыдущих книгах (Grof 1975, 1988).

Чтобы учесть все переживания, которые могут возникать в холотропных состояниях, мне пришлось радикально расширить сложившееся на Западе понимание психики, добавив к нему две большие области. Первая из них — это хранилище сильных физических и эмоциональных ощущений, связанных с травмой рождения, таких, как невероятные физические боли в разных частях тела, ощущения удушья, переживание сильной тревоги, безнадежности и ярости. Кроме того, данная сфера содержит богатый спектр соответствующих символических образов, сосредоточенных вокруг рождения, смерти, секса и насилия. Я называю этот уровень психики *перинатальным*, поскольку он связан с биологическим рождением (греч. *peri* — «вокруг, около» и лат. *natalis* — «имеющий отношение к рождению ребенка»). Я вернусь к этому позднее, в главе, посвященной исследованию духовных измерений рождения, секса и смерти.

Вторую новую область, включенную в мою картографию, можно назвать *трансперсональной*, поскольку основная ее характеристика — переживание выхода за пределы обычных для человека границ тела и эго. Трансперсональные переживания необычайно расширяют ощущение персонального тождества, включая в него элементы внешнего мира и других измерений реальности. Например, одна из важных категорий трансперсональных переживаний включает в себя достоверные эмпирические отождествления с другими людьми, животными, растениями, а также со множеством иных аспектов природы и космоса.

Большую группу трансперсональных феноменов можно описать на языке того, что швейцарский психиатр К.Г. Юнг (1959) называл коллективным бессознательным. Этот огромный кладезь родовых, расовых и коллективных воспоминаний содержит все историческое и культурное наследие человечества, а также те изначальные организующие принципы, которые Юнг называл «архетипами». Согласно Юнгу, архетипы управляют как процессами в нашей

психике, так и событиями, происходящими в мире вообще. Они — это творческая сила, стоящая за присущим нашей психике бесконечно богатым миром воображения с его пантеонами мифологических сфер и существ. В холотропных состояниях содержание коллективного бессознательного становится доступно для осознанного переживания.

Тщательное изучение перинатальных и трансперсональных переживаний показывает, что в конечном счете границы между индивидуальной человеческой психикой и всем остальным космосом произвольны и возможен выход за их пределы. Данная работа неоспоримо доказывает, что в конечном итоге каждый из нас соизмерим с полнотой всего бытия. Практически это означает, что все воспринимаемое нами в обычном состоянии сознания как объект в холотропном состоянии сознания может переживаться как соответствующий субъективный опыт. Помимо переживания элементов материального мы также можем переживать и множество аспектов других измерений реальности, например встречи с архетипическими существами и мифологическими сферами коллективного бессознательного.

В холотропных состояниях мы имеем возможность переживать в ярких подробностях все стадии своего биологического рождения, воспоминания пренатальной жизни и даже информацию о зачатии, записанную на клеточном уровне. Трансперсональные переживания могут вывести нас к эпизодам из жизни близких и далеких предков, в сферу расового и коллективного бессознательного, а также обеспечить доступ к эпизодам, которые относятся к воспоминаниям о прошлых воплощениях или даже к следам из жизни наших животных предков. Мы можем испытать полное сознательное отождествление с другими людьми, группами людей, животными, растениями и даже с неорганическими объектами и процессами. В ходе таких переживаний возможно получить совершенно новую точную информацию о различных аспектах Вселенной, включая данные, доступ к которым для нас в настоящей жизни по обычным каналам невозможен.

Когда мы достаточно глубоко проникли в эти измерения, скрытые от обычного восприятия, в нашем понимании жизни и природы реальности, как правило, происходят глубочайшие перемены. И самое главное из всех метафизических прозрений, которые нам открываются, есть осознание того факта, что Вселенная не автономная система, развившаяся в результате механического взаимодействия материальных частиц. Теперь мы уже не можем принимать всерьез предположение западной материалистической науки, что история Вселенной есть не что иное, как история эволюции материи, ведь нам довелось непосредственно и глубоко пережить божественные, священные, или нуминозные, измерения бытия.

Одушевленная Вселенная

Мощные трансперсональные переживания, как правило, расширяют наше мировоззрение, включая в него элементы космологий различных первобытных народов и древних культур. Это развитие совершенно не зависит ни от нашего интеллекта, ни от образования или профессии. Достоверные и убедительные переживания сознательного отождествления с животными, растениями и даже с неорганическими материалами и процессами позволяет легко понять верования анимистических культур, рассматривавших всю Вселенную как существо, наделенное душой. С позиции этих культур не только животные и растения, но и Солнце, луна, звезды, горы, реки являются живыми существами.

Следующее переживание показывает, что в необычных состояниях сознания неорганические объекты могут восприниматься как божественные сущности. Так произошло с

Джоном, умным и образованным американцем, когда он жил со своими друзьями в палаточном лагере в высокогорье Сьерра-Невады. Джон испытал утрату своей обычной идентичности и отождествился с гранитной скалой.

Я отдыхал на большой плоской гранитной плите, погрузив ноги в прозрачный горный ручей. Я грелся на Солнце, всем своим существом впитывая его лучи, и чем больше расслаблялся, тем более глубокая умиротворенность охватывала меня — ничего подобного я прежде не испытывал. Время текло все медленнее и наконец совсем остановилось. Меня коснулось дыхание вечности.

Мало-помалу я утратил ощущение границ и слился с гранитной скалой. Вся внутренняя суэта и болтовня уgomонились и уступили место абсолютной тишине и неподвижности. И я почувствовал себя «дома». Я находился в состоянии абсолютного покоя, где все мои желания и нужды были удовлетворены и на все вопросы были получены ответы. Внезапно я осознал, что этот глубокий, непостижимый покой каким-то образом связан с природой гранита. И пусть это покажется невероятным, но я ощутил, что стал сознанием гранита.

Я вдруг понял, почему египтяне делали статуи божеств из гранита и почему индусы воспринимали Гималаи как полулежащую фигуру Шивы. Ведь они поклонялись невозмутимому состоянию сознания. Прежде чем хотя бы поверхность гранита разрушится под влиянием стихий, проходят десятки миллионов лет. За это время живой органический мир подвергается бесчисленным изменениям: возникают, существуют и вымирают виды; династии создаются, правят и сменяются другими, и тысячи поколений играют свои жалкие драмы. А гранитная скала все стоит и стоит как величественный свидетель, как божество, непоколебимая, безучастная к происходящему.

Мир божеств и демонов

Холотропные состояния сознания позволяют нам глубоко заглянуть в мир, каким его видят культуры, верящие в то, что космос населен мифологическими существами и что им правят мирные и гневные божества. В этих состояниях мы можем обрести непосредственный эмпирический доступ в мир богов, демонов, легендарных героев, сверхчеловеческих существ и духов-проводников, можем посетить мифологические реальности, фантастические ландшафты и обители Запредельного. Образы таких переживаний черпаются из коллективного бессознательного и обладают чертами мифологических персонажей и тем из любой культуры, когда-либо существовавшей в истории человечества. Глубокие личные переживания этой сферы помогают нам осознать, что представления о космосе, обнаруженные в доиндустриальных культурах, основаны не на суевериях или «примитивном магическом мышлении», но на непосредственных переживаниях иных реальностей.

Особенно убедительно о подлинности таких переживаний свидетельствует тот факт, что, подобно другим трансперсональным феноменам, они могут снабдить нас новой и точной информацией о различных архетипических существах и сферах. Природа, масштабы и качество этой информации зачастую намного превосходят наше прежнее интеллектуальное знание той или иной мифологии. Наблюдения такого рода привели К.Г. Юнга к предположению, что помимо фрейдовского индивидуального бессознательного существует также коллективное бессознательное, которое соединяет нас с историческим и культурным наследием всего человечества.

В качестве иллюстрации я приведу здесь одно из интереснейших переживаний из тех,

которые я наблюдал за все годы работы с необычными состояниями сознания. Оно касается Отто — одного из моих пражских пациентов, которого я лечил от депрессии и патологического страха смерти (танатофобии).

На одном из психоделических сеансов Отто пережил чрезвычайно впечатляющие события психодуховной смерти и возрождения. В кульминационный момент переживания перед Отто открылось видение зловещего входа в преисподнюю, охраняемого ужасной свиноподобной богиней. И тут он вдруг ощутил настоятельную необходимость начертить особый геометрический узор.

Несмотря на мою просьбу оставаться во время сеанса в полулежачем положении с закрытыми глазами и сохранять переживания внутри себя, Отто открыл глаза, сел и попросил меня принести несколько листов бумаги и карандаши. Он начертил целый ряд сложных абстрактных узоров, причем, заканчивая очередной рисунок, с огромным недовольством и отчаянием рвал его и тут же принимался за новый. Он все больше и больше огорчался, поскольку никак не мог выразить то, что хотел. Когда я спросил его, что он делает, он ничего не смог объяснить, только сказал, что почувствовал непреодолимое желание рисовать эти геометрические узоры, и был убежден, что вычерчивание правильного узора как бы является необходимым условием для успешного завершения сеанса.

Было очевидно, что данная тема служила для Отто сильным эмоциональным стимулом, и поэтому я считал необходимым в ней разобраться. В ту пору я еще находился под сильным влиянием теории Фрейда и потому изо всех сил старался определить бессознательные мотивы странного поведения Отто по методу свободных ассоциаций. Мы работали над этой задачей очень долго, но, увы, безуспешно. В совокупности все это казалось бессмыслицей. В конце концов процесс лечения сместился в другие сферы, и я перестал думать на эту тему. Весь эпизод долгие годы оставался для меня совершенно загадочным.

И вот, когда я уже переехал в США, как-то в Балтиморе один из моих друзей предположил, что выводы касательно мифологии, к которым я пришел в результате своих исследований, возможно, заинтересуют Джозефа Кэмпбелла, и предложил устроить встречу с ним. Очень скоро мы с Кэмпбеллом стали добрыми друзьями, и он сыграл важную роль в моей личной и профессиональной жизни. Многие считали Джозефа величайшим мифологом XX века, а возможно, и всех времен. Человек блестящего интеллекта, он обладал поистине энциклопедическими познаниями в мировой мифологии. Он проявлял живой интерес к исследованиям необычных состояний сознания, которые, как он считал, весьма актуальны при изучении мифологии (Campbell 1972). На протяжении многих лет у нас состоялось множество удивительных бесед, во время которых я делился с ним различными наблюдениями не вполне понятных для меня архетипических переживаний, с которыми я встречался в работе, и в большинстве случаев Джозеф без труда определял культурные источники тех или иных символов.

Во время одной из таких бесед я вспомнил приведенный выше эпизод и пересказал его Джозефу. «Вот это да! — сказал он ничуть не колеблясь. — Это же Космическая Мать — Ночь Смерти, Пожирающая Богиня-Мать малекулан, народности из Новой Гвинеи». Далее он рассказал, что малекуланцы верят, что им предстоит встретиться с этим божеством в «путешествии умерших». Эта богиня представляла собой устрашающее женское существо с характерными чертами свиньи. Согласно малекуланской традиции, она сидела у входа в «нижний мир» и стерегла сложный рисунок священного лабиринта.

У малекулан существовала детально разработанная система обрядов, включавшая разведение и жертвоприношение свиней. Эта сложная обрядовая деятельность была направлена на преодоление зависимости от человеческих матерей, а в конечном итоге и от Пожирающей

Матери-Богини. Малекуланы тратили огромное количество времени, практикуясь в вычерчивании лабиринтов, ибо данное мастерство считалось необходимым для успешного путешествия к Запредельному. Джозеф, обладая энциклопедическими познаниями, сумел разгадать важную часть загадки, с которой я столкнулся в своих исследованиях. Лишь на один вопрос он ответить не смог: почему мой пациент во время лечебного сеанса встретился именно с божеством малекулан? Но так или иначе, подготовка к посмертному путешествию для человека, страдающего танатофобией, определенно имеет смысл.

К.Г. Юнг и универсальные архетипы

В холотропных состояниях мы обнаруживаем, что наша психика имеет доступ ко множеству пантеонов различных мифологических персонажей и к тем сферам, где они обитают. По К.Г. Юнгу, это манифестации изначальных универсальных моделей, являющихся неотъемлемыми компонентами коллективного бессознательного. Эти архетипические фигуры можно подразделить на две категории. Первая включает в себя божественные или демонические существа, воплощающие специфические универсальные роли и функции. Наиболее известными из них являются Великая Богиня-Мать, Ужасная Богиня-Мать, Мудрый Старец, Вечная Юность (Puer Eternus и Puella Eterna), Любовники, Неумолимый Пожиратель и Обманщик. Юнг обнаружил также, что мужское бессознательное хранит обобщенное представление женского принципа, называемого Анима. Двойником Анимы служит Анимус — обобщенное представление мужского принципа в женском бессознательном. Представление же в бессознательном темного, разрушительного аспекта человеческой личности называется в юнговской психологии Тенью.

В холотропных состояниях все эти персонажи могут оживать в виде сложных изменчивых феноменов, голографически конденсирующих несчетные варианты того, что они собой являют. Здесь я для примера опишу свой собственный опыт встречи с миром архетипов.

На заключительном этапе сеанса мне открылось видение большой, ярко освещенной сцены, казалось расположенной где-то за пределами времени и пространства. Там был великолепный узорный занавес, в орнаменте которого как бы содержалась вся история мира. Я интуитивно понял, что нахожусь в Театре Космической Драмы, где главные роли исполняли силы, формирующие человеческую историю. Я созерцал величественный парад таинственных фигур, которые выходили на сцену, представлялись и медленно исчезали за кулисами.

Я понимал, что наблюдаемое мною суть персонифицированные универсальные принципы (архетипы), которые сложным взаимодействием создают иллюзию явленного мира, ту самую божественную игру, какую индусы называют *лилой*. Это были изменчивые персонажи, собравшие в себе множество личностей, функций и даже сцен. Пока я их наблюдал, они беспрестанно меняли свои формы в чрезвычайно сложном голографическом взаимопроникновении, являясь одним и многим сразу. Я сознавал, что эти фигуры обладают множеством различных граней, уровней и измерений смысла, но никак не мог сосредоточиться на чем-то конкретном. Каждая из этих фигур словно бы единовременно представляла суть своей функции и все конкретные проявления выражаемого ею принципа.

Там были: Майя — завораживающая эфирная фигура, символизирующая мировую

иллюзию; Анима — воплощающая вечное Женское Начало; Воин — схожее с Марсом олицетворение войны и агрессии; Любовники — представляющие все сексуальные драмы и романы всех времен; царственная фигура Правителя, или Императора; удалившийся от мира Отшельник; лживый и коварный Обманщик, и многие многие другие. Проходя по сцене, они кланялись в мою сторону, словно ожидая оваций за свою блистательную игру в божественной драме Вселенной.

Архетипические фигуры второй категории представляют различных божеств и демонов, относящихся к отдельным культурам, географическим пространствам и историческим периодам. Например, вместо обобщенного универсального образа Великой Богини-Матери мы можем созерцать одну из ее конкретно-культурных форм — например, Деву Марию, индуистских богинь Лакшми и Парвати, египетскую Исиду, греческую Геру и многих других. Точно так же конкретными образами Ужасной Богини-Матери, кроме описанной выше свиноподобной Богини малекулан, являются индийская Кали, доколумбовская змееголовая Коатликуэ или египетская львиноголовая Сехмет. Важно еще раз подчеркнуть, что эти образы не ограничены расовым и культурным наследием переживающего их человека. Они могут быть извлечены из мифологии любого народа, даже если переживающему раньше ничего о них не было известно.

Особенно часты встречи или даже отождествления с различными божествами, которые были убиты другими или же сами принесли себя в жертву, а затем вернулись к жизни. Эти персонажи, олицетворяющие смерть и воскресение, имеют тенденцию появляться спонтанно, когда процесс внутреннего самоисследования достигает перинатального уровня и принимает форму психодуховного возрождения. В этот миг у многих людей могут, например, возникнуть видения распятия или они переживают отождествление с муками Иисуса Христа, распятого на кресте. Появление этой темы в евро-американском ареале вполне объяснимо, ибо христианство столетиями играет в западной культуре важную роль.

Впрочем, на семинарах по холотропному дыханию, проводившихся в Японии и Индии, мы также не раз наблюдали интенсивные отождествления с Иисусом. И происходило это с людьми, воспитанными в буддийской, синтоистской или индуистской среде. И напротив, во время психоделических и холотропных сеансов многие англосаксонцы, славяне и евреи отождествляли себя с Шивой, Буддой, воскресшим египетским богом Осирисом, шумерской богиней Инанной или греческими божествами (Персефой, Дионисом, Аттисом и Адонисом). Еще более удивительным в данных обстоятельствах было отождествление с ацтекским божеством смерти и возрождения Кецалькоатлем, или Пернатым Змеем, либо с одним из героев-близнецов майяского эпоса «Пополь-Вух», поскольку эти божества на Западе широко известны.

Встречи с этими архетипическими персонажами производили большое впечатление и давали новую и подробную информацию, которая не зависела ни от расовой, культурной или образовательной среды данного индивида, ни от его прежних знаний о той или иной мифологии. Эти переживания, в зависимости от природы соответствующих божеств, сопровождались чрезвычайно сильными эмоциями — от блаженного экстаза до цепящего метафизического ужаса. Люди, пережившие такие видения, обычно взирали на эти архетипические фигуры с огромным трепетом и почтением, как на существ высшего порядка, наделенных невероятными энергиями и силой и способных формировать события в нашем материальном мире. Иными словами, западные созерцатели смотрели на этих божеств так же, как представители многих доиндустриальных культур, верившие в существование божеств и демонов.

Однако никто из индивидов, переживших встречи с архетипическими персонажами, не воспринимал их как встречи с высшим принципом Вселенной и не обретал чувства полного

понимания бытия. Эти божества сами казались творениями некой высшей, превосходящей силы. Такое прозрение созвучно идее мифолога Джозефа Кэмпбелла о том, что эти божества должны быть «прозрачны для трансцендентного». Они служат мостом к божественному источнику, но их не следует путать с ним. Занимаясь систематическим самоисследованием или духовной практикой, важно не впасть в заблуждение, не сделать какое-либо божество «непрозрачным» и не рассматривать его как абсолютную космическую силу, ибо скорее надо считать его окном в Абсолют.

Принятие архетипического образа за абсолютный источник творения ведет к идолопоклонству — а это ошибка опасная и сеющая раздоры, чему не счесть примеров в истории религии и культуры. Она объединяет людей с одинаковыми верованиями, но настраивает их против других людей, выбравших для себя иное представление о божественном. И тогда зачастую имеют место попытки обратить других в свою веру или покорить их и уничтожить. Напротив, подлинная религия универсальна, всеобъемлюща и всепримиряюща. Она обязана выйти за пределы архетипических образов, привязанных к той или иной культуре, и сосредоточиться на абсолютном источнике всех форм. Поэтому самой важной проблемой в мире религии является природа высшего принципа Вселенной. В следующем разделе мы рассмотрим такого рода прозрения, открывающиеся в холотропных состояниях сознания.

Глава третья

Космический творческий принцип

*О пустота, в которой нет земли,
О пустота, в которой нет неба,
О туманное, бесполезное пространство,
Вечное и безвременное.*

Стань миром, явись!

Таитяньское сказание о творении

*Постигнув того Атмана, что беззвучен, неосязаем, лишен образа,
не гибнет, а также лишен вкуса, вечен, лишен запаха, без начала, без
конца, превыше великого, постоянен, [человек] освобождается из
пасти смерти.*

Катха-упанишада, I.3:15 (Перевод А.Я. Сыркина)

Абсолютное сознание

После того как нам довелось непосредственно пережить духовные измерения реальности, мысль о том, что Вселенная, жизнь и сознание могли развиваться без участия высшего творческого разума представляется нам абсурдной, наивной и несостоятельной. Но, как мы видели, переживания одушевленной природы и встречи с архетипическими персонажами сами по себе не могут полностью удовлетворить наши духовные запросы. Поэтому в рассказах людей, с которыми работал, я искал упоминаний о таких состояниях сознания, которые воспринимались как достижение предельных рубежей человеческого духа. Я старался выяснить, какие именно переживания выражают ощущение встречи с высшим вселенским принципом.

Люди, у которых были переживания Абсолюта, полностью удовлетворившие их духовные искания, как правило, не видели никаких специфических фигуративных образов. Когда они чувствовали, что достигли цели своих мистических и философских поисков, их описания высшего принципа были чрезвычайно абстрактны и поразительно сходны. Всех, кто рассказывал о таком абсолютном откровении, объединяло удивительное сходство в эмпирических характеристиках этого состояния. Они говорили о переживании Высочайшего, которое превосходит все ограничения аналитического ума, все рациональные категории и все узкие места обычной логики.

Это переживание не было сковано обычными категориями трехмерного пространства и линейного времени, какие знакомы нам из повседневной жизни. Оно содержало в неразделимом сплаве все мыслимые полярности и тем самым превосходило дуальности любого вида. Раз за разом люди сравнивали Абсолют с сияющим источником света невообразимой силы, одновременно подчеркивая, что этот свет в некоторых аспектах значительно отличался от других форм света, известных нам в материальном мире. При описании Абсолюта как света полностью утрачивается ряд его сущностных характеристик, в частности тот факт, что он являет собой еще и огромное и непостижимое поле сознания, наделенное бесконечным разумом и созидательной силой.

Высший космический принцип можно переживать двояко. В одних случаях все границы личности растворяются или разом стираются, и мы полностью сливаемся воедино с божественным истоком, становясь неотличимыми от него. В других же случаях мы сохраняем чувство отдельной личности, выступая в роли изумленного наблюдателя, лицезреющего со стороны великую тайну бытия. Или подобно некоторым мистикам мы можем испытывать экстаз восхищенного любящего, переживающего встречу с Возлюбленным. Духовная литература всех эпох изобилует описаниями обоих типов переживаний Божественного.

Суфии говорят, что мы сливаемся с Божественным, подобно тому как мотылек влетает в пламя и становится с ним един. Шри Рамана Махариши, индийский святой и визионер, в одном из своих духовных стихотворений пишет о «сахарной кукле, которая пошла к океану искупаться и полностью в нем растворилась». В противоположность этому испанская женщина-мистик св. Тереза Авильская, а также Руми, великий персидский поэт, воспевавший Запредельное, называют Бога Возлюбленным. Бхакты, индийские адепты йоги преданности, также предпочитают сохранять чувство своей отдельности от Божественного и связи с Ним. Они не хотят становиться сахарными куклами Шри Раманы Махариши, полностью теряющими свою индивидуальность в космическом океане. Однажды великий индийский святой и мистик Рамакришна выразительно заявил: «Я хочу попробовать сахар, но не хочу им становиться».

Люди, пережившие вышеописанное, знают, что они встретились с Богом. Однако большинство из них чувствуют, что термин «Бог» не передает адекватно глубину их переживания, так как традиционные религии и культуры исказили, упростили и дискредитировали его. Даже такие часто используемые понятия, как Абсолютное сознание и Вселенский разум, совершенно не способны адекватно описать огромное потрясение от подобной встречи. Некоторые считают, что переживание Абсолюта лучше всего выразить безмолвием. Для них вполне очевидно, что знающий молчит, а незнающий говорит.

Высший принцип может непосредственно переживаться в холотропных состояниях сознания, но не поддается никаким попыткам описать его или объяснить. Язык, которым мы пользуемся в повседневной жизни, просто неадекватен данной задаче. Люди, пережившие подобный опыт, как правило, согласны в том, что высший принцип невыразим, ибо слова и сама структура нашего языка совершенно не годятся для его описания, особенно если пытаешься донести это до человека, который не сталкивался ни с чем подобным.

В качестве примера таких откровений приведу рассказ Роберта, тридцатисемилетнего психиатра, но прошу учесть вышеупомянутые оговорки.

Это переживание началось внезапно и ярко. На меня обрушился космический гром невероятной мощи, который в один миг потряс и рассеял мою повседневную реальность. Я совершенно потерял контакт с окружающим миром — он исчез как по волшебству. Осознание моего каждодневного бытия, моей жизни, моего имени смутно, точно сновидение, брезжило где-то далеко, на периферии сознания. Роберт... Калифорния... Соединенные Штаты... планета Земля... Я усиленно пытался напомнить себе о существовании этих реальностей, но они вдруг утратили для меня всякий смысл. Архетипические видения божеств, демонов, мифологических сфер, которые преобладали в моих предыдущих переживаниях, на сей раз отсутствовали.

Теперь моей единственной реальностью была исполинская масса вращающейся энергии, которая как бы в совершенно абстрактной форме содержала все Бытие. Она была яркой, как мириады солнц, однако же никак не сопоставима со светом, известным мне из повседневной жизни. Казалось, я встретился с чистым сознанием, вселенским разумом и творческой энергией, которые выходили за рамки всех

разграничений. Это было беспредельное и предельное, божественное и демоническое, ужасающее и благостное, созидательное и разрушительное... и еще много больше. Увиденное не вмещалось ни в какие понятия и категории. Перед лицом такой мощи я был неспособен сохранить ощущение себя как отдельного существа. Моя обычная личность распалась и растворилась; я слился с Истоком воедино. Время вообще потеряло всякий смысл.

Позднее, оглядываясь назад, я пришел к выводу, что, по всей видимости, это было переживание дхармакайи — изначального чистого света, который, согласно тибетской «Книге мертвых» («Бардо тодол»), открывается в момент смерти.

Встреча Роберта с Важнейшим длилась, если смотреть на часы, примерно двадцать минут, хотя в ходе ее время, как измерение, для него не существовало вообще. Переживая это состояние, Роберт не имел контакта с окружающей средой и был неспособен к вербальному общению. Затем он мало-помалу начал возвращаться к повседневной реальности. Вот что он пишет об этом:

Казалось, прошла вечность, и вот в поле моего переживания стали возникать конкретные, но как бы сновидческие образы и представления. Я начал ощущать, что где-то на самом деле существует некая Земля с большими континентами и различными странами, только все это казалось очень далеким и нереальным. Потом постепенно выкристаллизовывались образы Соединенных Штатов и Калифорнии, а позднее я соединился со своей обычной личностью и стал ощущать, как передо мной мелькают образы моей нынешней жизни. Поначалу контакт с этой реальностью был чрезвычайно слабым. Я даже подумал, что умираю и переживаю «бардо» — промежуточное состояние между теперешней жизнью и следующим воплощением, — описанное в тибетских текстах.

По мере восстановления контакта с обычной реальностью я достиг мгновения, когда мне стало ясно, что я останусь жив. Я лежал на кушетке, ощущая блаженство и трепет от того, что мне открылось. На фоне всего этого передо мной мелькали драматические ситуации, имевшие место в различных частях света в разные эпохи. Казалось, мне открывались сцены из моих прошлых воплощений, многие из них были полны опасности и страдания. Когда в этих переживаемых ситуациях мое тело испытывало боль и умирало, то сокращались и содрогались соответствующие группы мышц. Но хотя в моем теле разыгрывалась моя кармическая история, сам я пребывал в состоянии глубокого блаженства, оставаясь абсолютно незатронутым этими драмами.

После этого в течение многих дней я с легкостью достигал в медитациях состояния покоя и безмятежности, и я уверен, что это переживание еще долго будет влиять на мою жизнь. Ведь невозможно испытать такое и не ощутить его преобразующего воздействия.

Насыщенная Пустота

Встреча с Абсолютным Сознанием или отождествление с ним не единственный способ пережить высший космический принцип, или абсолютную реальность. Второй тип

переживаний, которые как будто бы удовлетворяют искателей окончательных ответов, особенно удивителен, ибо не имеет определенного содержания. Это отождествление с Космической Пустотой и Ничто, Небытием, которые описаны в мистической литературе просто как Пустота. Важно подчеркнуть, что отнюдь не все переживания пустотности с которыми мы можем столкнуться в необычных состояниях, можно назвать Пустотой. Люди очень часто используют этот термин, описывая неприятное ощущение отсутствия эмоций, инициативы или смысла. Чтобы это состояние заслуживало называться Пустотой, оно должно отвечать весьма особым критериям.

Когда мы сталкиваемся с Пустотой, мы ощущаем ее как изначальную пустотность космического масштаба. Мы становимся чистым сознанием, воспринимающим это абсолютное ничто, но в то же время испытываем парадоксальное ощущение его сущностной наполненности, насыщенности. Этот космический вакуум являет собой абсолютную полноту, ибо в нем, кажется, присутствует все. Он ничего не содержит в конкретной, явленной форме, но словно бы заключает в себе все бытие в его потенциальной форме. Вот таким парадоксальным образом мы можем выйти за пределы обычной дихотомии между пустотой и формой, или существованием и не-существованием. Однако возможность такого разрешения нельзя адекватно передать словами; постичь ее можно только в переживании.

Пустота превосходит обычные категории времени и пространства. Она неизменна и пребывает за пределами всех дихотомий и противоположностей, таких, как свет и тьма, добро и зло, покой и движение, микрокосм и макрокосм, муки и блаженство, единственность и множественность, форма и пустота и даже существование и не-существование. Некоторые называют ее Сверхкосмической или Метакосмической, указывая на то, что эта изначальная пустота, или небытие, представляет собой принцип, лежащий в основе известного нам феноменального мира и одновременно доминирующий над ним. Этот метафизический вакуум, насыщенный потенциалом всего сущего, есть колыбель всякого бытия, абсолютный исток жизни, а сотворение всех феноменальных миров, следовательно, есть реализация и конкретизация этого потенциала.

Когда мы переживаем Пустоту, у нас возникает чувство, что она, являясь истоком всего бытия, содержит в себе все творение. Иными словами, она представляет собой все бытие, ибо вне ее лона не существует ничего. В терминах наших обычных понятий и логических норм здесь как будто бы заключен ряд фундаментальных противоречий. Ведь не может не показаться абсурдом, что пустота содержит в себе мир феноменов, мир явлений, которые характеризуются прежде всего наличием формы. Аналогичным образом здравый смысл подсказывает, что творческий принцип и творение не могут быть одним и тем же и должны отличаться друг от друга. Однако необычная природа Пустоты выходит за пределы этих парадоксов.

В следующем примере описание переживания Космической пустоты дает Кристофер Бах, философ религии, который много лет занимался непрерывными духовными поисками.

Неожиданно внутри этого мира открылась безмерная Пустота. Для меня она проявилась как искривление моего визуального поля, словно туда поместили невидимую чашу, и все очертания загибались за ее края. Ничто не обрывалось и не разрушалось, но все вытягивалось и останавливалось, обнажая эту подспудную реальность. Казалось, Бог внезапно сделал паузу между вдохом и выдохом, и вся Вселенная, вместо того чтобы раствориться, повисла в вечности, где все остается на своих местах. В бытии разверзлась зияющая пропасть.

Сначала у меня от этого ощущения перехватило дух — и в прямом, и в переносном смысле, — и я замер в ожидании, когда возобновится движение. Но движение не

возобновилось. Я был в полном сознании, только завис в абсолютной неподвижности. Как долго это продолжалось, сказать невозможно. Погруженный в это переживание, я осознал, что то была Пустота, из которой происходят все формы. Живая Неподвижность, дающая начало всему движению. Такое бессодержательное переживание концентрированного сознания, являющего собой до-форму и вне-форму, по всей видимости, было тем, что индийские философы называли «шуньята». Когда движение исподволь возобновилось и формы снова приняли прежний вид, вслед за Пустотой пришло отчетливое ощущение «таковости». Явившись из этой Пустоты, я соприкоснулся с гранями переживаемого существования, «такого, как оно есть».

В нескольких случаях людей, переживавших и Абсолютное Сознание и Пустоту, посещало прозрение, что два этих состояния, несмотря на свою кажущуюся эмпирическую несовместимость по сути тождественны и равнозначны. Эти люди, по их словам, наблюдали, как творческое Космическое Сознание возникало из Пустоты или, наоборот, возвращалось в Пустоту и исчезало в ней. Другие переживали эти два аспекта Абсолюта одновременно — отождествляясь с Космическим Сознанием и в то же время осознавая его сущностную пустоту.

Переживание Пустоты как источника творения также может быть связано с осознанием пустоты, лежащей в основе материального мира. Осознание пустоты повседневной реальности есть главная идея одного из самых важных духовных текстов махаянистского буддизма — «Сутры Сердца Совершенной Мудрости», или «Алмазной Сутры» (Праджняпарамита-сутра). Этот текст начинается с обращения Авалокитешвары к Шарипутре: «Форма есть пустота. Пустота есть форма. Форма не что иное, как пустота; а пустота нечто иное, как форма. <...> Подобно этому ощущения, восприятия, построения ума, сознание также суть пустота».

Любопытно, что понятие вакуума как заполненности и «насыщенной пустоты» существует и в современной физике. Поль Дирак, один из основоположников квантовой физики и «отец» антиматерии, описывает это следующим образом: «Вся материя сотворена из некоего тончайшего субстрата, и <...> творение материи оставляет в этом субстрате «дыру», которая проявляется как антиматерия. Описание данного субстрата как материального неадекватно, поскольку он однородно заполняет все пространство и не существует методов, какими его можно было бы обнаружить. Но именно он является той исключительной материальной формой ничто, из которой создана материя». Покойный американский физик Хайнц Пэйджелс (Pagels 1990) выразил эту мысль еще более отчетливо: «Современная физика утверждает, что вакуум — это первооснова всей физики. Все когда-либо существовавшее или могущее существовать уже присутствует в этом небытии пространства... и это небытие содержит в себе все бытие».

Проводя опыты с высоким ускорением элементарных частиц и их столкновениями, физики наблюдали возникновение из так называемого «динамического вакуума» новых субатомных частиц и их возврат в эту матрицу. Разумеется, сходство здесь только частичное и заходит не слишком далеко. Вопрос космического творения не ограничивается происхождением фундаментальных строительных блоков материи. Он содержит важные аспекты, выходящие за пределы компетенции физики, например проблему происхождения форм, порядка, законов и смысла. Что же до Пустоты, которую мы способны переживать в холотропных состояниях, то она, как представляется, есть не только сырье для феноменального мира, но и отвечает за все аспекты творения.

Все происходящее в нашей повседневной жизни включает сложные цепи причин и следствий. Допущение строгой линейной причинности является для традиционной западной науки необходимой предпосылкой. Еще одна фундаментальная характеристика материальной реальности заключается в том, что все процессы в нашем мире протекают согласно закону

сохранения энергии. Энергия не может быть создана или уничтожена, она может быть только преобразована в другие формы. Такой подход, казалось бы, адекватен для большинства событий макромира. Однако он отказывает, когда мы прослеживаем причинно-следственные цепочки вспять, к истокам Вселенной. Применяя этот подход к процессу космического творения, мы сталкиваемся с огромными проблемами: если все причинно обусловлено, то какова первоначальная причина — причина причин, или перводвигатель? Если энергия должна сохраняться, то откуда она пришла изначально? Каково происхождение материи, пространства и времени?

Вряд ли можно принять в качестве адекватного рационального объяснения глубочайшей тайны бытия популярную ныне космогенетическую теорию «Большого взрыва», гласящую, что материя, время и пространство были одновременно сотворены из лишенной измерений «сингулярности» около пятнадцати миллиардов лет назад. И вообще, у нас в голове не укладывается, что удовлетворительный ответ на этот вопрос может быть каким угодно, только не рациональным. Однако характер и порядок решения этих вопросов в трансцендентных переживаниях совершенно иные. Переживая Абсолютное Сознание, Пустоту и их взаимосвязь, мы получаем возможность выйти за пределы парадоксов, которые ставят в тупик ученых, теоретизирующих по поводу материальной Вселенной, управляемой причинностью и механическими законами. Холотропные состояния могут дать удовлетворительные ответы на все эти вопросы и парадоксы, только ответы эти продиктованы не логикой, а носят эмпирический и трансрациональный характер.

Когда мы переживаем переход от Пустоты к Абсолютному Сознанию или наоборот, у нас не возникает ощущения абсурдности, которое мы испытывали бы в обычном состоянии сознания, рассматривая возможность происхождения чего-то из ничего или, наоборот, бесследного исчезновения в ничто. Напротив, здесь присутствует ощущение самоочевидности, простоты и естественности процесса, и эмпирические прозрения сопровождаются чувством внезапного прояснения, или реакцией: «ну да, конечно». Поскольку на этом уровне материальный мир видится как выражение Абсолютного Сознания, которое, в свою очередь, воспринимается как равнозначное Пустоте, трансцендентальные переживания такого рода дают неожиданное разрешение самых трудных и неотступных проблем, занимающих рациональный ум.

Что касается истока бытия, то в этом пункте прозрения людей, переживших необычные состояния, обнаруживают разительное сходство с прозрениями вечной философии. Я уже приводил описание космической пустоты, данное в Пражняпарамита-сутре. А вот фрагмент древнего произведения «Дао-дэ цзин», написанного китайским мудрецом Лао-цзы.

Прежде чем родилась Вселенная,
было нечто бесформенное и совершенное.
Оно безмятежно. Пусто.
Единично. Неизменно.
Бесконечно. Существует вечно.
Оно — мать Вселенной.
Не ведая лучшего названия,
я назову его Дао, Путь.
Оно протекает через все сущее,
внутри и снаружи, и возвращается
к истоку всего сущего.

А вот что сказал об источнике творения Руми, персидский провидец и поэт-мистик XIII века: «Небытие нетерпеливо кипит, ожидая возможности стать бытием... Ибо кладезь и сокровищница творения Божьего есть не что иное, как небытие, обретающее явленность». Здесь хотелось бы привести для сравнения еще два фрагмента из иудейской мистической традиции. Вот что говорит каббалист XIII века Азриель Геронский: «Возможно, вас спросят: “Как Бог из небытия сделал бытие? Неужели нет огромной разницы между бытием и небытием?” Ответ на это таков: “Бытие присутствует в небытии, выражаясь в форме небытия, а небытие присутствует в бытии, выражаясь в форме бытия”. Небытие есть бытие, а бытие есть небытие». А каббалист XIV века Давид Бен Авраам хе-Лаван пишет: «Айин, Небытие, является более существующим, чем все, что существует на свете. Но поскольку оно просто, а все самое простое по сравнению с самой простой сложно, то оно зовется Айин». По утверждению же христианского мистика Мейстера Экхарта, «Небытие Бога наполняет весь мир: Он пребывает везде и нигде».

Слова для невыразимого

Откровения относительно абсолютных реальностей, переживаемых в мистических состояниях сознания, невозможно адекватно выразить нашим обычным языком. Лао-цзы описал понимание этого факта предельно кратко: «Путь, что может быть “Путь”, не есть вечный Путь. Имя, что может быть “Имя”, не есть вечное имя». Любые описания и определения должны опираться на слова, разработанные для обозначения объектов и действий в материальном мире повседневной реальности. По этой причине, когда мы хотим поведать о переживаниях и прозрениях, посетивших нас в холотропных состояниях сознания, обычный язык оказывается несостоятельным и неадекватным. Это особенно справедливо, когда наши переживания сосредоточиваются на абсолютных проблемах бытия, таких, как Пустота, Абсолютное Сознание и творение.

Люди, знакомые с восточными философскими учениями, при описании духовного опыта и прозрений часто обращаются к словам из различных азиатских языков. Для описания высоких запредельных состояний они используют санскритские, тибетские, китайские или японские термины, такие, как *самадхи* (единение с Богом), *шуньята* (Пустота), *кундалини* (змеиная сила), *бардо* (промежуточное состояние после смерти), *анатта* (не-я), *сатори* (переживание просветления), *нирвана*, *энергия ци*, или *ки*, и *Дао*, а говоря о повседневной реальности, такие слова, как *сансара* (мир рождений и смертей), *майя* (мировая иллюзия), *авидья* (неведение) и т. д. Азиатские языки развивались в культурах, где необычным состояниям сознания и духовным реальностям уделялось особое внимание. В отличие от западных языков в них содержится множество терминов, описывающих тонкости мистических переживаний и сопутствующие им аспекты. Однако и эти слова целиком и полностью способен понять только тот, кто имел соответствующие переживания.

Для передачи сути духовных переживаний и описания трансцендентных реальностей более адекватным и подходящим, хотя и далеко не совершенным средством является поэзия. Поэтому для выражения мистических прозрений многие великие провидцы и религиозные учителя обращались именно к поэзии. Многие люди, с которыми я работал, вспоминали и цитировали фрагменты из произведений различных поэтов, воспевающих Запредельное. Часто они говорили, что после собственных мистических переживаний провидческие стихи, прежде непонятные и даже неинтересные, внезапно обрели ясность и наполнились новым смыслом.

Среди людей, увлеченных духовными поисками, особенно популярны поэты-

трансценденталисты Среднего Востока, такие, мистики, как Омар Хайям, Руми и Халиль Джебран, а также индийские визионеры: Кабир, принцесса Мира Баи и Шри Ауробиндо. В качестве примера я выбрал стихотворение Кабира — индийского мудреца XV века, сына ткача-мусульманина из Бенареса. За свою долгую двадцатилетнюю жизнь Кабир собрал в своем творчестве все лучшее из индуистской и суфийской традиции и выразил свою духовную мудрость в восторженных стихах. Приведенное (в подстрочнике) стихотворение отражает параллели между круговоротом воды в природе и процессом творения, описанным в следующем разделе данной книги:

Я размышлял о различии
между водой и волнами, что ее колеблют.
Вздымаясь, вода остается водой,
и, опадая, она тоже вода.
Подскажи мне, как их тогда различить?

Не потому ли, что некто выдумал слово «волна»,
я должен отличать ее от воды?

Незримый Единый Бог присутствует в каждом из нас,
и планеты всех галактик, словно бусины четок,
скользят сквозь Его пальцы.
Нить бусин — вот на что ты должен взглянуть
ясным взором.

На Западе тоже есть богатая традиция визионерческой поэзии, представленная такими именами, как Уильям Блейк, Райнер Мария Рильке, Д.Г. Лоуренс, Уолт Уитмен, Уильям Батлер Йитс и др. Люди, пережившие мистические состояния, часто ссылаются на этих поэтов и декламируют вслух отрывки из их произведений. Приведу здесь часто цитируемое стихотворение Уильяма Блейка, схватывающее тайну вездесущего божественного:

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка.
(Перевод С.Я. Маршака)

Запредельное внутри

В систематической духовной практике, включающей холотропные состояния сознания, мы можем снова и снова выходить за обычные границы тела-эго и отождествляться с другими людьми, животными, растениями или неорганическими аспектами природы, а также с различными архетипическими существами. При этом мы обнаруживаем, что любые границы в материальной Вселенной и в других реальностях совершенно произвольны и условны. Отбросив ограничения рационального ума и оковы здравого смысла и привычной логики, мы способны

преодолеть множество разделительных барьеров, расширяя наше сознание до невообразимых масштабов и в конечном итоге переживая единство и тождество с трансцендентным источником всего бытия.

Когда мы достигаем эмпирического отождествления с Абсолютным Сознанием, мы сознаем, что наше собственное бытие полностью соизмеримо со всей Вселенной, со всем бытием. Это узнавание нашей божественной природы, нашей тождественности с космическим истоком есть самое важное открытие из всех, какие мы можем сделать в ходе углубленного самоисследования. Именно в этом заключается суть «тат твам аси» — знаменитого утверждения из «Упанишад», древних индийских писаний. Буквальный перевод данной фразы — «ты есть то», что означает «твоя природа божественна» или «ты — Божественное». Здесь обнаруживается, что наше повседневное отождествление с «эго в капсуле из кожи», воплощенным индивидуальным сознанием, или «именем и формой» (*намарупа*) является иллюзией и что истинная наша природа — природа космической творческой энергии (Атман-Брахман).

Это откровение касательно тождественности человека и божественного есть та первичная тайна, что лежит в основе всех великих духовных традиций, хотя и выражается в них по-разному. Я уже упоминал, что в индуизме Атман — индивидуальное сознание и Брахман — вселенское сознание, суть одно. В каких бы вариантах последователи сиддха-йоги ни трактовали основное положение своей школы, суть его остается следующей: «Бог пребывает в тебе таким, каков ты есть». В буддийских текстах можно прочесть: «Загляни внутрь себя, ты есть Будда». Конфуцианская традиция гласит, что «небеса, земля и человек суть единое тело».

То же самое мы находим и в словах Иисуса Христа: «Я и Отец — одно» (Ин. 10, 30), а св. Григорий Палама, один из крупнейших богословов Православной Церкви, писал: «Ибо Царствие Небесное, более того, Царь наш Небесный... внутри нас». Подобно этому, великий иудейский мудрец, каббалист Авраам бен Шемуэл Абулафия учил, что «Он и мы — одно». Согласно Мохаммеду, «тот, кто знает себя, знает своего Бога». Мансур ал-Халладж, суфийский пророк и поэт, известный как «мученик мистической любви», пишет так: «Я узрел Господа моего Оком Сердца. Я спросил: “Кто ты?” Он ответил: “Ты сам”». За свое утверждение «Ана’л Хакк», что означает «Я есмь Бог, Абсолютная Истина, Истинная Реальность», ал-Халладж был брошен в тюрьму и приговорен к смерти.

Божественное и его творение

Теперь мы можем подвести итог сказанному о прозрениях относительно творческого принципа, природы реальности и нашей собственной природы, открывающихся в холотропных состояниях сознания. Как мы видели, эти прозрения повторяют идеи великих духовных традиций мира и наводят на мысль, что мир плотной материи, характеризуемый трехмерным пространством, линейным временем и неумолимой причинностью и переживаемый нами в обычных состояниях сознания, сам по себе не имеет независимого существования. Он не есть единственная истинная реальность, каковым его изображает материалистическая наука, он — творение Абсолютного Сознания.

В свете этих прозрений материальный мир нашей повседневной жизни, в том числе и наше тело, представляется сложным переплетением неправильных восприятий и толкований. Это забавный и до некоторой степени случайный продукт космического творческого принципа, бесконечно изощренная «виртуальная реальность», божественная игра, созданная Абсолютным

Сознанием и Космической Пустотой. Наша Вселенная, содержащая мириады отдельных сущностей и элементов, по своей глубочайшей природе является одним-единственным существом исполинских размеров и невообразимой сложности.

То же справедливо для всех других измерений и сфер бытия, какие мы можем обнаружить в холотропных состояниях сознания. Поскольку между психикой индивида, любой частью творения и самим космическим принципом нет абсолютных границ, то каждый из нас абсолютно тождествен с божественным источником творения. Таким образом, мы — коллективно и индивидуально — суть и драматурги, и актеры в этой космической драме. И поскольку мы в истинной своей природе тождественны с космическим творческим принципом, мы не можем утолить наши стремления какими бы то ни было средствами материального мира. Ничто не способно удовлетворить наши глубочайшие чаяния, кроме переживания мистического единства с божественным источником.

Глава четвертая

Процесс творения

*Как равные друг другу искры тысячами
возникают из пылающего огня,
так, дорогой мой, разные творения возникают
из непреходящего и вновь возвращаются в него.*

Мундака-упанишада, II, 1 (Перевод М. Хельзиг)

*Веревка останется одна,
даже если завязать на ней сотню узлов.*

Руми

Мистерия творческого импульса

Понимание, что все феноменальные миры, включая наш материальный план, суть виртуальные реальности, созданные Абсолютным Сознанием, выдвигает ряд очень интересных вопросов. Для индивида слияние и единство с космическим творческим принципом, описанное в предыдущем разделе, — опыт весьма необычный и желанный. Достижение этого состояния во многих духовных традициях считается конечной целью духовного пути. Однако те, кто действительно обретает единство с Вселенским Разумом, понимают, что ситуация намного сложнее.

Эти люди обнаруживают, что то, что они полагали целью своего духовного пути, есть также источник творения. Им становится ясно, что для сотворения феноменальных миров Божественное должно оставить свое первородное состояние изначального неделимого единства. Учитывая, сколь фантастично для человека переживание тождества с Абсолютным Сознанием, кажется странным, что для творческого принципа мало просто пережить самого себя, что он должен искать этому некую альтернативу или по крайней мере дополнение. Отсюда естественно вытекает вопрос о природе тех сил, которые вынуждают Абсолютное Сознание оставить его изначальное состояние и вступить в процесс творения эмпирических реальностей, подобных миру, в котором мы живем. Что могло побудить Божественное искать разделения, боли, борьбы, несовершенства и непостоянства — словом, именно тех состояний, которых мы пытаемся избежать, отправляясь в духовное путешествие?

Люди, в ходе самоисследования достигающие тождества с Абсолютным Сознанием, часто испытывают поразительные прозрения в динамику творения. Прежде чем анализировать эти прозрения, важно вновь напомнить, что холотропные состояния вообще, а равно переживания, включающие трансцендентные уровни восприятия в частности, передать словами почти невозможно. Какими бы интересными, вдохновляющими или дающими почву для размышлений ни казались описания таких прозрений, мы не должны ожидать от них логических объяснений, которые полностью удовлетворят наш рационалистический ум. Поскольку возможности нашего интеллекта изначально ограничены, попытки понять «причины» или «побуждения» творения

никогда не приведут к удовлетворительному результату. Разум — неадекватный инструмент для анализа трансцендентных измерений бытия и принципов, действующих на очень высоком метафизическом уровне. В конечном итоге истинное понимание этих вопросов возможно только посредством прямого личного переживания.

Рассказывая о переживаниях тождества с Божественным, люди неспособны избежать антропоцентрического взгляда и преодолеть языковые ограничения. Поэтому они зачастую описывают творческий импульс Абсолютного Сознания в терминах конкретных психологических состояний, известных в повседневной жизни, таких, как любовь, страстное стремление или одиночество. Однако, стараясь обозначить, что эти слова выражают не обычные человеческие чувства и состояния, но их трансцендентные аналоги, или «высшие октавы», авторы обычно пишут их с заглавной буквы. Психиатрам такая практика хорошо знакома: так поступают пациенты, когда пытаются описать свои переживания необычных откровений, касающихся трансцендентных аспектов.

Рассказы людей, которые в холотропных состояниях имели прозрения в «побуждение» божественного творческого принципа к порождению эмпирических миров, содержат любопытные противоречия. Одна из групп таких прозрений подчеркивает фантастические ресурсы и неисчерпаемые возможности Абсолютного Сознания. Другая группа наводит на мысль, что в процессе творения Абсолютное Сознание ищет что-то, чего ему недостает в изначальном, девственном состоянии. В холотропных состояниях эти две, казалось бы, противоположные позиции не противоречат друг другу и с легкостью сосуществуют.

Божественный рог изобилия

Побуждение к творению зачастую изображают как стихийную первозданную силу, которая отражает невообразимое внутреннее богатство и изобилие Божественного. Космический источник творения настолько огромен и преисполнен неограниченных возможностей, что не может пребывать в себе и должен выразить весь свой скрытый потенциал. Переживание данного качества Абсолютного Сознания иногда сравнивают с рассматриваемыми крупным планом термоядерными процессами на Солнце, которое для нашей планеты служит животворным началом и источником энергии. Люди, пережившие такой опыт, видят в Солнце самое непосредственное из всех выражений божественного, какие можно переживать в материальном мире, и им становится понятно, почему во многих культурах Солнце почитали как Бога.

Однако эти люди обычно подчеркивают, что это сходство не следует понимать слишком буквально, поскольку между Солнцем астрономическим и Солнцем Космическим — творческим принципом, лежащим в основе творения, существуют важные различия. Физическое Солнце только лишь снабжает жизненные процессы необходимой энергией, тогда как божественный источник привносит в творение Логос, создавая порядок, формы и смысл. Но все же в нашей повседневной жизни наблюдение за солнцем представляется самым точным приближением к переживанию божественного источника творения, имеющему место в холотропном состоянии.

В других описаниях подчеркивается неодолимое желание Вселенского Разума познать себя, исследовать и испытать весь свой потенциал. И осуществить это он может только путем экстериоризации всех своих скрытых возможностей, т. е. в форме конкретного акта творения, для чего требуется разделение на субъект и объект, дихотомия наблюдателя и наблюдаемого. Такие прозрения напоминают толкования процесса творения в некоторых каббалистических

текстах, где говорится, что некогда было состояние небытия, когда «Бог не видел Лица своего», и причиной творения стало то, что «Бог возжелал узреть Бога». А вот что писал об этом великий персидский мистик Джалаледдин Руми: «Я был Тайным Сокровищем, и потому возжелал, чтобы меня узнали... Я создал всю Вселенную, ибо цель моя была — сделать Себя явным...» (Hines 1996).

В описаниях процесса творения часто подчеркивается присутствие в нем ряда важных дополнительных измерений, а именно шаловливость Творца, его наслаждение собой и космический юмор. Эти элементы лучше всего описаны в древних индуистских текстах, где рассказывается о Вселенной и о бытии как о *лиле*, или Божественной Игре. Согласно этой точке зрения, творение — это замысловатая, чрезвычайно сложная космическая игра, которую бог Брахма творит по своей воле и внутри себя. Он — драматург, задумавший игру, а равно ее режиссер-постановщик и все актеры, играющие несчетное множество ролей. Эта космическая игра игр имеет невообразимые масштабы и многие уровни и измерения.

Творение можно также рассматривать как исполинский эксперимент, выражающий безмерную любознательность Космического Сознания — ту страсть, которая подобна одержимости ученого, посвящающего исследованиям всю свою жизнь. Однако космический эксперимент, конечно же, несравненно сложнее любого коллективного замысла всех ученых мира. Все замечательные открытия науки, простирающиеся как в микромир, так и в отдаленные области Вселенной, лишь легкие царапины на поверхности непостижимой загадки бытия. Наука, какой мы ее знаем, лишь все более рафинированными способами исследует природу и содержание конечных продуктов творения, но не раскрывает суть таинственных процессов, лежащих в основе творения идвигающих его вперед.

В необычных состояниях постоянно возникает вопрос о том, в какой мере Божественное контролирует процесс творения. Именно с этой проблемой часто сталкивался Альберт Эйнштейн. Вот что он говорил по этому поводу: «Вот что меня действительно интересует: обладал ли Бог свободой выбора, когда творил мир?» Люди, достигавшие прозрений такого уровня, отвечают на этот вопрос по-разному. Иногда кажется, что Абсолютное Сознание полностью контролирует творение — и в целом, и во всех деталях. В этом случае какие-либо неожиданности в космической игре происходят только с отдельными участниками, причем вследствие того, что завеса неведения неожиданно поднимается и перед ними предстают прежде скрытые важные аспекты божественного знания.

Порой люди, переживающие холотропные состояния, начинают понимать, что этому сценарию есть существенная альтернатива: возможно, что четко определены только основные параметры творения, но в подробностях конечный результат остается непредсказуем даже для Божественного. Эта последняя модель космической игры сравнима с калейдоскопом или игрой в шахматы. Изобретатель калейдоскопа явно сознавал, что в результате вращения трубки, содержащей расположенные особым образом зеркала и кусочки цветного стекла, получатся красивые меняющиеся изображения. Однако он скорее всего не предвидел всех комбинаций, которые могут возникнуть в процессе использования этого прибора.

Точно так же изобретатель шахмат мог знать общий потенциал игры, где фигуры, согласно своим назначенным ролям, должны передвигаться по доске с шестьюдесятью четырьмя черными и белыми клетками. Однако что касается конкретных игровых ситуаций, то здесь, вне всякого сомнения, невозможно предвидеть все несметное число вариантов. Разумеется, сложность творения бесконечно грандиознее, чем калейдоскоп или игра в шахматы. И хотя интеллект Космического Сознания безмерен, вполне допустимо, что космическая драма может выйти из-под его контроля и развернуться самым неожиданным образом.

Это тесно связано с вопросом о нашей роли в космической драме. Если вселенский

сценарий написан Божественным Разумом во всех подробностях, то он не оставляет нам, индивидам, возможности активного творческого участия. Все, что мы можем сделать, — это пробудиться к пониманию того факта, что в прошлом наша жизнь была ненастоящей, ибо мы неправильно представляли себе основополагающие аспекты бытия и нашу собственную природу. Однако, если определенные аспекты развития непредсказуемы даже для Божественного, различные нежелательные тенденции, например текущий глобальный кризис, могут потребовать нашего вмешательства. В таком случае мы могли бы поистине стать для Абсолютного Сознания в его божественной игре активными участниками и ценными партнерами.

Некоторые люди, пережившие прозрения относительно «побуждений» к творению, подчеркивают также его эстетическую сторону. В повседневной жизни нас зачастую восхищает не только красота человеческих творений — произведений искусства и архитектурных памятников, — но и красота, присущая Вселенной и природе. В холотропных состояниях способность оценить эстетическую сторону различных аспектов бытия намного возрастает. Говоря словами Уильяма Блейка, когда «двери восприятия очищены», трудно не заметить удивительной красоты творения. С этой позиции Вселенная, в которой мы живем, а также все эмпирические реальности в других измерениях также видятся совершеннейшими произведениями искусства, а побуждение творить их можно уподобить вдохновению и творческому энтузиазму величайшего художника.

Божественная Тоска

Как я упоминал ранее, в прозрениях относительно сил, лежащих в основе творения, иногда открываются «мотивы», отличные от описанных выше и, казалось бы, им противоречащие. Они отражают не щедрое изобилие, богатство, полную самодостаточность и мастерство космического творческого начала, а определенное чувство недостаточности, нужды или потребности. Например, можно обнаружить, что Абсолютное Сознание, несмотря на безграничность и совершенство своего состояния бытия, чувствует свое одиночество. Это Одиночество находит выражение в беспредельной жажде партнерства, общения и соучастия — своего рода Божественной Тоске. Самая мощная сила, стоящая за творением, описывается тогда как потребность творческого начала в даянии и получении Любви.

Порой рассказывают и еще об одном важном измерении процесса творения — об изначальном стремлении божественного истока к переживанию осязаемого материального мира. Согласно этим прозрениям, Дух испытывает глубочайшее желание пережить то, что противоположно и полярно его природе. Он хочет исследовать все качества, которыми не обладает в своем изначальном состоянии, и стать всем тем, чем не является. Вечный, бесконечный, неограниченный и бесплотный, он тоскует по эфемерному, бrenному, ограниченному пространством и временем, плотному и материальному. Эта динамическая связь между духом и материей отражена в ацтекской мифологии как напряженность между двумя божествами — Тескатлипокой (Дымящимся Зеркалом), символизирующим материю, и Кецалькоатлем (Пернатым Змеем), представляющим дух.

Понимание активной роли сознания в процессе творения необязательно ограничивается религией, философией и мифологией. Как утверждают современные физики, акт сознательного наблюдения превращает вероятность определенных событий в реальность, участвуя таким образом в процессе творения материальной действительности. Физик Фред Алан Вулф в одной из своих лекций, посвященных философским и духовным аспектам квантово-релятивистской

физики, упоминал об активной роли сознания в творении материального мира. Размышляя о механизмах, лежащих в основе этого процесса, он высказал предположение, что окончательной причиной сотворения материального мира могла быть склонность сознания и духа к переживанию материи. По всей видимости, в повседневной жизни именно стремление духа к материи является глубочайшим корнем всех человеческих привязанностей и склонностей.

Еще один «мотив» творения, о котором в данном случае упоминают, — это элемент Однообразия. Насколько безмерным и фантастичным представляется человеку переживание божественного, настолько для самого божественного оно всегда одинаково и однообразно. В этом случае творение можно рассматривать как титаническое усилие, выражающее трансцендентную тоску по изменению, действию, движению, драме и удивлению. Бесчисленные эмпирические реальности в различных измерениях и на различных уровнях предоставляют неограниченные возможности для божественных приключений и забав. В крайних формах творение описывается как акт, нацеленный на преодоление монотонности недифференцированного Абсолютного Сознания и даже на преодоление Космической Скуки. Это опять-таки отражено в средневековых каббалистических текстах, согласно которым одной из причин сотворения Богом Вселенной было преодоление скуки.

Творение различных феноменальных миров дает Абсолютному Сознанию и возможность уйти от невыносимого Вечного Здесь и Сейчас в утешительное и предсказуемое переживание линейного времени, ограниченного пространства и непостоянства. В таком случае это прямая противоположность и зеркальное отражение человеческого страха смерти и непостоянства, лежащего в основе нашей глубинной жажды бессмертия и стремления к запредельному. Для людей, переживших подобный опыт, угроза исчезновения сознания может навсегда смениться осознанием того, что в конечном счете сознание никуда не исчезает.

Все, кому посчастливилось пережить такие глубокие проникновения в суть космической лаборатории творения, как будто бы согласны, что никакие описания этого уровня реальности не отражают должным образом то, чему они были свидетелями. Монументальный импульс невообразимых масштабов, влекущий за собой творение феноменальных миров, по всей видимости, содержит все вышеуказанные элементы, какими бы противоречивыми и парадоксальными они ни казались нашему здравому смыслу, а также множество других элементов. Ясно, что, при всех наших стараниях постичь и описать творение природа творческого начала и процесса творения остается окутанной непостижимой тайной.

Динамика творческого процесса

Помимо откровений относительно «причин» творения в холотропных состояниях людей нередко посещают яркие прозрения, касающиеся особых движущих сил и механизмов процесса творения. Их относят к «технологии сознания», которая порождает переживания с различными чувственными характеристиками и, оформляя их в некую систему, создает виртуальные реальности. И хотя описания этих прозрений различаются в подробностях, языке и метафорах, используемых для их описания, в них четко выделяются два взаимосвязанных и взаимодополняющих элемента, которые вовлечены в творение феноменальных миров.

Первый — это деятельность, раскалывающая первородное недифференцируемое единство Абсолютного Сознания на всё возрастающее число производных единиц сознания. Вселенский Разум вовлекается в творческую игру, включающую сложные последовательности разделений, расчленений и различий. В результате образуются эмпирические миры, содержащие несчетное

множество отдельных сущностей, наделенных особыми формами сознания, ряд из которых осознает себя. По общему мнению, все это приходит к существованию путем многократного деления и подразделения изначально неделимого поля космического сознания. Таким образом, божественное ничего не создает вне себя, оно творит из себя, преобразая то, что находится в нем самом.

Вторым важным элементом в процессе творения является уникальная форма «перегородки», или изолирующего «космического экрана», посредством которого дочерние сознательные сущности все больше утрачивают контакт со своим первородным истоком, а следовательно, и осознание своей изначальной природы. Они также развивают чувство индивидуальной личности и абсолютной отделенности друг от друга. На заключительных стадиях данного процесса между этими расщепленными единицами существуют неосязаемые, но относительно непроницаемые перегородки, которые присутствуют также между каждой из этих единиц и первородным, недифференцируемым резервуаром Вселенского Разума. Важно подчеркнуть, что это ощущение отделенности чисто субъективно и в конечном счете иллюзорно. На более глубоком уровне в основе всего творения по-прежнему остается неделимое и недифференцируемое единство.

Вышеупомянутые термины — «перегородки» и «космический экран» — в данном контексте не вполне годятся, поскольку они предполагают механическое разделение элементов и дробление целого на части. Такие конкретные образы куда больше подходят не для движущих сил, о которых идет речь, но для ремесел, имеющих дело с различными материалами, например для каменщицкого или плотницкого дела. Вот почему многие люди заимствуют термины из психологии и сравнивают данный процесс с такими механизмами, как забвение, вытеснение или диссоциация. Мы говорим здесь о явлении, которое писатель и философ Алан Уоттс назвал «запрет на знание о том, кто ты есть». Как показывают прозрения в различных холотропных состояниях, эти отколовшиеся единицы сознания необязательно люди и животные, это и растения, и элементы неорганического мира, и развоплощенные сущности, и архетипические существа.

Отношения между Абсолютным Разумом и его частями весьма уникальны и сложны и не могут истолковываться в терминах общепринятого мышления и обычной логики. Здравый смысл подсказывает нам, что часть не может одновременно являться целым и что целое как набор частей должно быть больше любого своего компонента. Поскольку же целое представляет собой набор своих составляющих, то мы наверняка сможем разобраться в нем, изучая эти составляющие. До недавнего времени таково и было одно из фундаментальных допущений западной науки. Вдобавок в контексте целого эти части должны иметь определенное расположение и занимать определенную часть его полного размера. Все сказанное выше об отношении целого к его частям кажется очевидным и справедливым в нашей повседневной жизни, но ни одно из этих свойств и ограничений не применимо к космической игре в абсолютном смысле.

В структуре Вселенной отдельные единицы сознания, невзирая на их индивидуальность и особые различия, сохраняют на другом уровне сущностную тождественность своему источнику, а также друг другу. Парадоксальность их природы заключается в том, что они одновременно являют собой как целое, так и его части. Информация о каждой из таких единиц распределена по всему космическому полю, а они, в свою очередь, имеют потенциальный доступ к информации о творении. Это, очевидно, касается людей, поскольку мы имеем возможность непосредственно наблюдать эти отношения в виде целого спектра трансперсональных переживаний.

В трансперсональных состояниях мы способны ощущать себя и некой частью творения, и

самим творческим принципом. То же справедливо и для других людей, которые могут ощущать себя и собой, и кем-то иным, в том числе и для нас самих. В этом смысле каждое человеческое существо есть не только малая составная часть Вселенной, но и целое поле творения. Подобная взаимосвязь, по всей видимости, существует и в царстве животных и растений, и даже в неорганическом мире. Именно в этом направлении указывают наблюдения, касающиеся эволюции видов и различных парадоксов квантовой физики.

Данная ситуация напоминает описания, приведенные в древнеиндийских духовных системах, в частности в джайнизме и в буддийской Аватамсака-сутре. Согласно космологии джайнов, сотворенный мир представляет собой бесконечно сложную систему единиц омраченного сознания, или *джива*, пребывающих на различных стадиях и во множестве аспектов космического процесса. Их первородная природа загрязнена вовлеченностью в материальную реальность, особенно в биологические процессы. Джайны связывают *дживы* не только с органическими формами жизни, но и с неорганическими объектами и процессами. Каждый *джива* вопреки своей кажущейся отдельности остается связан с другими *дживами* и содержит знание о них о всех.

В Аватамсака-сутре для иллюстрации взаимосвязи всех вещей, использован красивый поэтический образ — ожерелье ведического бога Индры: «Говорят, на небесах Индры есть нитка жемчужин, расположенных таким образом, что если взглянешь на одну из них, то увидишь в ней отражения всех остальных. Точно так же всякая вещь в этом мире не просто сама эта вещь, но она включает в себя всякую другую вещь и на самом деле является всем остальным». Схожие концепции можно обнаружить в буддийской школе хуаянь, являющейся древнекитайской версией того же учения. Хуаянь — холистическое видение Вселенной, воплощающее одно из самых глубоких прозрений, какие когда-либо посещали человеческий ум. Сущность этой философии можно вкратце выразить в нескольких словах: «Одно в Одном, Одно во Многом, Многое в Одном, Многое во Многом». Это понятие космического взаимопроникновения, характерное для данной школы, прекрасно отражено в следующей истории.

Императрица У, которая никак не могла понять тонкостей философии хуаянь, как-то попросила Фацзана, одного из основоположников этой школы, привести какой-нибудь простой пример космической взаимосвязанности. Фацзан привел ее в большой зал, всю внутренность которого — стены, потолок и пол — покрывали зеркала. Он зажег свечу, подвесил ее в центре зала к потолку — и в тот же миг и он сам, и императрица У оказались в окружении несметного числа зажженных свечей разного размера, достигающих бесконечности. Вот таким образом Фацзан проиллюстрировал связь Одного и Многого.

Затем он поместил в центр зала маленький кристалл со множеством граней. Все, что окружало кристалл, включая бесчисленные образы свечей, теперь собралось и отразилось внутри этого маленького сверкающего камня. Таким образом Фацзан сумел показать, как в Абсолютной Реальности бесконечно малое содержит бесконечно большое, а бесконечно большое — бесконечно малое, причем без искажений. Прodelав это, он подчеркнул, что показал лишь статическую модель, которая на самом деле весьма ограничена и несовершенна. Она неспособна охватить вечное многомерное движение во Вселенной, беспрепятственное взаимопроникновение Времени и Вечности, а также прошлое, настоящее и будущее.

Людам, пережившим в холотропных состояниях динамику космического творческого процесса и пытающимся описать свои наблюдения, часто недостает средств адекватного словесного выражения. Поэтому они обращаются к различным символическим образам, метафорам и параллелям из повседневной жизни в надежде, что это поможет проиллюстрировать и передать их переживания и идеи. В нижеследующем описании творческого процесса я воспользуюсь таким подходом и прибегну к образам, относящимся к круговороту воды в природе. Отсылки к подобным природным явлениям особенно часты в описаниях тех сеансов, где присутствовали космологические видения.

До начала творения Космическое Сознание являет собой безграничное недифференцированное поле с исполинским творческим потенциалом. Творение начинается внутри этого поля подобно возникновению ряби на воде — как нарушение изначального единства, выражающееся в виде игры воображения и порождения различных форм. Сперва сотворенные сущности сохраняют контакт с источником и разделение присутствует лишь гипотетически, относительно и частично. Если воспользоваться водной метафорой, то изначальное неделимое единство Абсолютного Сознания можно уподобить глубокому и спокойному океану невообразимых размеров. Образ, который лучше всего иллюстрирует начальную стадию процесса творения, — это возникновение волн на океанской глади.

С одной стороны, волны можно рассматривать как индивидуальные и отдельные сущности. Например, можно говорить о волне как о большой, быстрой, зеленой или как о благоприятной либо опасной для тех, кто занимается серфингом. В то же время совершенно ясно, что эта волна, несмотря на свою относительную индивидуальность, есть также неотъемлемая часть океана. Различение волн от океана подобно игре, иллюзорно и неполно. Внезапный ветер может создать волны на океанской глади, но, как только ветер стихает, эти волны возвращаются к своей изначальной тождественности с океаном.

На этой описанной мною стадии источник творения порождает образы, отличные от самого себя, однако данные образы сохраняют связь с истоком и осознают сущностную с ним тождественность. Подлинное творение требует, чтобы его продукты отделились от порождающей матрицы и были четко различимы. В истинном смысле это начинается, только когда связь с истоком прерывается и образуется отдельная сущность. Сперва это может произойти лишь на мгновение, и здесь наиболее подходящий метафорический образ — это волна, разбрызгиваемая ветром или разбивающаяся о берег. Когда единое тело волны разбивается на тысячи мелких брызг, эти летящие в воздухе брызги на миг обретают отдельную сущность независимое существование. Данная ситуация длится очень короткое время — пока все брызги не упадут снова в океан и не воссоединятся с ним.

В следующей фазе это отделение становится намного более определенным: расколотые единицы сознания обретают индивидуальное существование и независимость на значительный период. Это начало дробления, начало создания «космического экрана», или космической диссоциации и забвения. Изначальное единство с истоком временно утрачивается, и божественная сущность забывается. Метафорической параллелью этой ситуации могла бы служить вода, оставшаяся после отлива в углублениях скалистого берега. Вода в луже надолго отделяется от материнских вод, однако во время следующего прилива единство восстанавливается, и отделенная масса воды возвращается к своему истоку.

Развитие процесса индивидуализации приводит к положению, в котором разделение становится завершенным, убедительным и как будто бы перманентным. Происходит

радикальная метаморфоза, и отколовшиеся единицы сознания обретают новое тождество, полностью отличное от прежнего. Изначальное единство затуманивается и перестает быть явным, однако полностью не утрачивается. Эта стадия творения может быть уподоблена массе воды, которая испарилась из океана и сформировалась в облако. Прежде чем стать облаком, вода подверглась глубокому преобразованию. Теперь у этой новой сущности есть особая характерная форма и своя собственная жизнь. Однако мелкие водяные капельки, образующие облако, выдают, каков источник и происхождение данного нового явления. Они легко конденсируются и в виде дождя начинают свой путь к возобновлению единства с океаном.

В заключительной фазе этого процесса разделение завершается, и связь с истоком представляется полностью утраченной. Здесь происходит полное, коренное преобразование, в результате которого изначальная сущность забывается, а новая единица выкристаллизовывается в отчетливую, весьма сложную форму и твердеет. В то же время процесс многократного деления зашел так далеко, что сознание сотворенной единицы представляет собой лишь бесконечно малую часть изначального целого. Хороший пример этой стадии — снежинка, выкристаллизовавшаяся в облаке из воды, которая испарилась из океана. Снежинка представляет собой лишь бесконечно малую часть водной массы океана и обладает весьма специфичной формой и структурой. Удивительное многообразие форм снежинок хорошо иллюстрирует богатство творения, характеризующее феноменальный мир. Снежинка несет очень малое сходство со своим источником, и, для того чтобы она могла воссоединиться с ним, ее структура должна подвергнуться коренным изменениям и утратить независимое существование.

Мы могли бы пойти еще дальше и представить себе кусок льда. Здесь вода подверглась настолько принципиальным изменениям и настолько отличается от своей первоначальной формы, что если бы мы не имели интеллектуального знания о процессе замерзания и его последствиях, то не смогли бы распознать в этом куске льда воду. Ведь в противоположность воде лед плотен, прочен, тверд и жесток. Подобно снежинке, возвращающейся к своему первоначальному водному состоянию, лед должен пройти полную аннигиляцию и утратить все, что составляет его сущностные характеристики.

Аналогичные образы, уподобляющие различные аспекты творения воде, можно найти в мистической литературе всех веков. Вот как описывает Божественное Руми: «Это Океан Единства, где нет ни супруга, ни супруги. Его жемчужины и его рыбы — не что иное, как его волны». <...> «Дух поистине и всегда один, но проявления его на различных планах творения различны. Подобно тому как лед, вода и пар не три разные вещи, но всего лишь три формы одного и того же, Дух один, но его форм множество. В виде тончайшей сущности он пребывает в высочайших запредельных сферах, но по мере нисхождения к более грубым сферам выражается в менее тонких формах».

В предельной ситуации исток не только утрачивается и предается забвению, но отрицается даже само его существование. Для этой стадии творения весьма трудно подобрать образ, связанный с круговоротом воды в природе. Здесь наилучший пример — ситуация атеиста. Вот как один из моих пациентов увидел в холотропном состоянии дилемму атеиста:

Атеист представляет собой крайнее выражение космического юмора. Он — отщепленная единица божественного сознания, посвятившая свое брэнное существование трагикомической борьбе за явно недостижимую цель. Он решительно пытается доказать, что как Вселенная, так и он сам — всего лишь случайные материальные образования и что творец не существует. Атеист полностью забыл о своем божественном происхождении, не верит в существование Бога и даже способен неистово и яростно нападать на всех верующих. Шри Ауробиндо описывал атеиста как «Бога, играющего в прятки с самим собой».

Кроме вышеприведенных образов для иллюстрации характера космического процесса нередко используют полный цикл круговорота воды в природе. В зависимости от погоды можно наблюдать удивительную и загадочную игру волн в океане, подобную игре процессов, происходящих во всей Вселенной. Океанская вода испаряется, образуя облака, которым присуща своя богатая динамика, как внутренняя, так и внешняя. Вода в облаках конденсируется и возвращается на землю в виде дождя, града или снега. Это начало пути к воссоединению. Снег и град тают, капли воды сливаются в струйки, которые затем образуют ручьи, потоки и большие реки. После многократных слияний вся эта вода достигает океана и воссоединяется со своим изначальным истоком.

Макрокосм и микрокосм: что сверху, то и внизу

Еще одна сфера повседневной жизни, обеспечивающая нас удачными образами для иллюстрации процесса творения, — это биология, и в частности связь между клетками, тканями, органами и организмом в целом, с одной стороны, и организмами, видами и экосистемами — с другой. Этот пример демонстрирует, как в процессе творения различные единицы сознания могут одновременно быть и независимыми индивидами, и частями более крупных «целых», и в конечном итоге частями всего мироздания.

Клетки суть структурно разделенные, но функционально объединенные в ткани и органы единицы. В свою очередь, ткани и органы являют собой отдельные формы все более высокого порядка, но при этом они выполняют важную роль как части целостного организма. Оплодотворенное яйцо в определенном смысле содержит целый организм, а эмбриологическое развитие раскрывает его внутренний потенциал. Точно так же дуб можно рассматривать как желудь, раскрывший свой потенциал.

Можно проследить этот процесс в противоположном направлении и заглянуть в микромир. Клетки содержат органеллы, состоящие из молекул, которые образованы из атомов. Атомы распадаются на субатомные частицы, а те, в свою очередь, — на кварки, считающиеся в наше время самыми малыми составляющими материи. Ни в одном из вышеприведенных примеров части не могут рассматриваться как отдельные сущности, независимые от системы, которую они составляют. Они имеют смысл только в контексте более крупных «целых», а в конечном итоге — как части всей полноты творения.

Человеческое тело развивается из одиночного недифференцированного источника — оплодотворенной яйцеклетки, проходящей сложную последовательность делений, в результате которых образуется огромное многообразие клеток, составляющих различные органы. Сформировавшееся человеческое тело имеет иерархическое строение, где каждая часть также является сложным целым. Функциональное единство органов тела обеспечивается сложной системой нервных и биохимических регуляторов, которая выходит за пределы анатомических границ всех уровней. Вдобавок каждая клетка несет в себе набор хромосом, содержащих генетическую информацию о целом организме. Генная инженерия — наука, находящаяся еще в начале своего пути, — уже сумела создать из ядра единственной клетки так называемый клон — точную копию родительского организма. Поскольку каждая часть тела содержит информацию обо всем теле, то здесь вполне уместно сравнение с космическим процессом творения, рассмотренным нами ранее.

В мировоззрении тантризма связь между космосом и человеческим организмом не просто метафора или средство, помогающее понять основные идеи. Древние тантрические тексты

утверждают, что человеческое тело в буквальном смысле является микрокосмом, отражающим и содержащим в себе весь макрокосм. Если бы человек смог тщательно изучить свое тело и психику, он обрел бы знание всех феноменальных миров (Mookerjee and Khanna 1977). Графически это представлено в Пуруша-янтре — образе Космического Человека. В его фигуре материальный мир, в котором мы живем, располагается в области живота, верхняя часть тела и голова представляют различные небесные сферы, а область таза и ноги — преисподние.

Будда описывал связь между телом и Вселенной следующими словами: «Истинно говорю вам, что это человеческое тело заключает в себе весь мир, и его возникновение, и его исчезновение». В каббале десять Сефирот, архетипических принципов, представляющих различные стадии божественной эманации, рассматриваются как божественное тело Адама Кадмона, с головой, руками, ногами и половыми органами. Человеческое тело есть миниатюрная копия этой первичной формы. Аналогичные концепции можно найти в гностицизме, в герметической традиции и в других эзотерических системах.

Эта глубокая связь между отдельным человеческим организмом и космосом, о которой говорится в различных эзотерических традициях, выражена в знаменитых формулировках: «что наверху, то и внизу» или «что снаружи, то и внутри». Наблюдения, полученные в результате современных исследований сознания, пролили новый свет на это древнее мистическое представление, совершенно абсурдное с точки зрения материалистической науки. Трансперсональная психология обнаружила, что в холотропных состояниях возможно эмпирическое отождествление почти с любым аспектом физической реальности, прошлым и настоящим, равно как и с различными аспектами других измерений бытия. Тем самым она подтвердила, что в психике каждого из нас таинственным образом закодирован весь космос и в процессе углубленного систематического самоисследования любой из нас может получить к нему доступ.

Обсуждение иерархического порядка во всей Вселенной можно опять-таки продолжить за пределы индивидуальных организмов, поскольку каждая живая форма образует часть более крупной группы или системы. Животные формируют колонии, стаи, косяки и стада и принадлежат к семействам и видам. Отдельные люди суть части семьи, клана, племени, культуры, нации, расы и т. д. Живые организмы — растения, животные и люди — принадлежат к различным экосистемам, развившимся внутри биосферы нашей планеты. В сложной динамической структуре Вселенной каждая составная часть является как отдельной единицей, так и частью большего целого. Таким образом, здесь имеет место диалектическое объединение отдельной индивидуальности и ее участия в более расширенном контексте.

Часть и целое

Новая связь между целым и его частями, которую открыла современная наука, была исследована и детально описана британским писателем и философом Артуром Кёстлером. Для отражения того, что во Вселенной все одновременно является как целым, так и частью, Кёстлер в своей книге «Янус», озаглавленной по имени двуликого римского бога, вводит термин *holon*. Корень этого слова, *hol* — указывает на полноту и целостность (от греч. *holos* — «целое»), а суффикс *on*, как правило используемый в названиях элементарных частиц, обозначает часть, или составляющую. Переходя с одного уровня иерархической структуры на другой, *холоны*, подобно Янусу, проявляют свое двуличие и могут рассматриваться либо как целое, либо как части, в зависимости от того, откуда на них смотрят — «сверху» или «снизу». (Koestler 1978).

Дальнейшее творческое развитие понятия холонов предпринял недавно Кен Уилбер (Ken Wilber 1995).

Холоны могут объединяться в довольно крупные агломераты. Например, бактерии могут образовывать культуру, а звезды — собираться в галактику. Это социальные холоны, состоящие из элементов одного порядка. Холоны могут также создавать новые холоны — высшего порядка. Например, атомы водорода и кислорода могут объединяться в молекулы воды, макромолекулы — образовывать клетки, а клетки — организовываться в многоклеточные организмы. Это примеры холонов все более высокого порядка. С точки зрения нашего обсуждения важно, что в холотропных состояниях все индивидуальные, а также социальные холоны имеют соответствующие субъективные состояния. Эти состояния дают нам возможность достоверно и убедительно пережить отождествление с любыми аспектами бытия, которые мы, находясь в обычном состоянии сознания, переживаем как нечто отдельное от нас.

Таким образом, мы способны переживать отождествление с атомом, молекулой или особыми клетками тела либо как с отдельными единицами, либо как с представляющими множество. Мы можем не только переживать отождествление с другими отдельными личностями, но также эмпирически отождествляться с целой группой людей, например со всеми матерями, солдатами или христианами мира. Мы можем представить себе как одного волка, так и целую стаю и наблюдать их как объекты. Кроме того, при эмпирическом отождествлении мы можем переживать себя отдельным волком, а также эмпирически отождествляться с сознанием целой волчьей стаи или даже целого вида.

Некоторые люди, пережившие холотропные состояния, рассказывали о своем опыте отождествления с сознанием экосистемы, со всей полнотой Жизни как космического явления или со всей планетой. В трансперсональных состояниях все аспекты бытия, как они проявляются на различных уровнях и в различных сферах реальности, при определенных обстоятельствах могут стать потенциально доступными для осознанного переживания. Это очень важное наблюдение, во многом помогающее понять Вселенную и бытие как божественную игру Абсолютного Сознания.

Нижеследующий отчет — фрагмент сеанса, проведенного с Кэтлин, которая участвовала в программе психоделического тренинга для специалистов в Мэрилендском центре психиатрических исследований. Это пример трансперсонального переживания, охватывающего всю жизнь и отражающего борьбу за выживание на нашей планете. Итогом его стало чувство глубокого сострадания ко всему живому и повышенное осознание экологических проблем.

Мне казалось, что я на очень глубоком уровне соединилась со всей жизнью на планете. Сперва я прошла длинный ряд отождествлений с животными разных видов, но мало-помалу это переживание становилось все более всеохватным. Моя личность распространялась в пространстве не только по горизонтали, включая в себя все формы жизни, но и по вертикали, во времени. Я стала дарвиновским эволюционным деревом со всеми его ответвлениями. И сколь бы невероятным это ни казалось, но я являла собой всю полноту жизни!

Я ощущала космическое качество энергий и переживаний, присущих всем формам жизни, бесконечное любопытство и желание экспериментировать, а также стремление к самовыражению и самосохранению, действующее на различных уровнях. Я осознала, что мы сделали с жизнью и землей, развивая и совершенствуя технику. А поскольку техника тоже продукт жизни, передо мной встал насущный вопрос: сохранится ли жизнь на нашей планете?

Что такое жизнь — жизнеспособный и созидательный феномен или

злокачественный нарост на лице Земли, содержащий в своей основе какой-то роковой изъян и обрекающий себя на уничтожение? Возможно ли, что некая фундаментальная ошибка была допущена в самом проекте эволюции органических форм? Могут ли творцы Вселенных допускать ошибки, как люди? В тот миг эта мысль казалась мне правдоподобной и очень пугала меня. Ведь прежде ничего подобного мне в голову не приходило!

Некоторое время Кэтлин билась над вопросом, возможно ли, что бы творческое начало допустило грубую ошибку в осуществлении творения и не полностью контролировало этот процесс? В конце концов она пришла к выводу, что, по-видимому, так оно и есть и что для сохранения творения Божественное нуждается в помощи человечества. Выбрав теорию творения, описанную мною ранее как теория «калейдоскопа» или «игры в шахматы», Кэтлин решила стать активным партнером Божественного в борьбе за сохранение жизни. Вот чем закончился ее сеанс:

Отождествляясь с жизнью, я пережила и исследовала целый спектр разрушительных сил, действующих в природе и в людях, и увидела их опасное развитие и проекции в современной науке и технике, угрожающие сделать нашу планету необитаемой. Я становилась бесчисленными жертвами современного боевого оружия, узниками концлагерей, умирающими в газовых камерах; рыбой, отравленной промышленными отходами; растениями, убитыми гербицидами, и насекомыми, опрысканными химикатами.

Все это перемежалось трогательными видениями улыбающихся младенцев; очаровательных детей, играющих в песочнице; новорожденных животных и только что вылупившихся птенцов в заботливо построенных гнездах; мудрых дельфинов и китов, плавающих в кристально чистых водах океана, и образов прекрасных лугов и лесов. Я глубоко сопереживала жизни, остро сознавала экологические проблемы и испытывала искреннее желание присоединиться к жизнеутверждающим силам планеты.

Идеи, подобные кёстлеровскому понятию холонов, были высказаны в XVII веке известным немецким философом и математиком Готфридом Вильгельмом Лейбницем. В своей работе «Монадология» он описывал Вселенную как состоящую из элементарных единиц, называемых *монадами*. Этим монадам присущи многие характеристики джайнистских *джива*. Как и в мировоззрении джайнов, в философии Лейбница все знание о целостной Вселенной может быть выведено из информации, содержащейся в любой единичной монаде.

Интересно, что Лейбниц явился также создателем математического метода, который сыграл важную роль в развитии оптической голографии — новой области, впервые обеспечившей прочную научную основу для принципа взаимопроникновения. Оптические голограммы очень четко демонстрируют парадоксальные отношения, которые могут существовать между частями и целым, включая возможность восстановления информации о целом по каждой его части. Возможно, Абсолютное Сознание, создавая феноменальные миры, использует те же принципы, которые находят свое материальное выражение в оптической голографии. В любом случае для мира трансперсональных явлений голографическая модель является наилучшей понятийной схемой.

В холотропных состояниях бытие, человеческая жизнь и мир вокруг нас открываются нам как фантастическое приключение сознания, удивительно сложная и замысловатая космическая драма. Это согласуется с представлениями, которые можно найти в древнеиндийской литературе. Индуистские писания называют эту божественную игру Вселенной *лилой* и говорят о том, что материальная реальность, какой мы ее воспринимаем в повседневной жизни, есть порождение великой космической иллюзии, или *майи*. В нашей жизни искусственными, иллюзорными отражениями реальности служат театр, кино и телевидение. По этой причине данные средства массовой информации, а также различные аспекты относящейся к ним творческой деятельности являют еще один источник метафорических образов, которые часто используются для описания процесса творения.

Между ситуацией актера и нашей ролью в космической игре можно провести очень близкие параллели. Хороший актер, играя на сцене, может в значительной степени потерять контакт со своей настоящей личностью и полностью отождествиться с персонажем, в роли которого он выступает. Во время спектакля он едва ли не верит в то, что он — Отелло, Жанна д'Арк, Офелия или Сирано де Бержерак. Однако актер сохраняет сознание своей личности и полностью возвращается к ней, как только падает занавес и стихают аплодисменты зрителей. Похожий процесс отождествления с персонажем драмы и временная потеря ощущения собственной личности, правда в меньшей степени, могут происходить в зрителях, когда они смотрят хороший фильм или спектакль. У каждого актера и актрисы есть своя глубинная, будничная личность, к которой они возвращаются, когда спектакль окончен. Люди, переживавшие холотропные состояния сознания, часто говорят, что нечто подобное происходит в цепи перевоплощений. В начале каждой своей жизни мы принимаем иную личность и роль, а умирая, прежде чем принять новое воплощение, возвращаемся к своей исконной личности.

С этой точки зрения особенно интересна ситуация драматурга, которую можно использовать для иллюстрации сложности нашей природы, а также проблемы детерминизма как противоположности свободы воли. Поскольку во Вселенной все границы совершенно произвольны, у нас нет фиксированной личности, и каждый из нас является и творцом, и творением. В зависимости от аспекта творения и уровня творческого процесса, с которым мы отождествляемся, степень нашей свободы резко меняется. В похожей ситуации находится и автор театральной пьесы или киносценария. Все действующие лица пьесы рождаются в воображении драматурга, изначально являясь, таким образом, различными аспектами одного творческого сознания. Однако, чтобы эта драма могла произвести впечатление на зрителя, ее действующие лица должны быть представлены как отдельные индивиды.

Из этого следует, что личность автора по отношению к пьесе и ее действующим лицам двойственна. В процессе написания автор располагает большой свободой в создании персонажей и определении хода событий. Но тот же самый автор может также — по своему решению — стать одним из исполнителей своей драмы. Например, Уильям Шекспир мог бы решить сам сыграть роль Гамлета или Рихард Вагнер — спеть партию Тангейзера; тогда они были бы в значительной степени ограничены и обусловлены тем же сценарием, при создании которого, находясь в другой ситуации и на другом уровне, обладали много большей свободой. Аналогично этому каждый из нас, участвуя в божественной драме, выступает в двойной роли — драматурга и актера. Качественное и реалистичное исполнение этой роли требует, чтобы мы на время оставили свою подлинную личность. Мы должны забыть о своем авторстве и следовать сценарию.

Что касается проблемы двойственности нашей личности и нашей роли в космической драме, то здесь следует высказать предостережение. В последние десятилетия этот вопрос зачастую понимали и истолковывали неправильно, особенно в рамках движения «Нью эйдж» и в

упрощенных духовных школах. Но что касается холотропных состояний, то мы в них можем выходить на такие уровни сознания, где представляется вполне правдоподобным, что мы сами выбрали себе родителей и обстоятельства рождения. С другой стороны, можно войти в такое состояние сознания, в котором открывается, что мы по своей сути существа духовные и потому свободны в своем решении воплощаться и участвовать в космической драме. А иногда мы способны пережить очень интенсивное отождествление с самим творческим началом, или Богом. Все эти переживания бывают весьма реальны и убедительны.

Однако же было бы серьезной ошибкой делать из таких прозрений какие-либо выводы относительно нашей обычной личности и нашего воплощенного «я». Разумеется, в такой форме мы не принимали ни одного из вышеописанных решений. Утверждения типа «ты — Бог и сам сотворил свою Вселенную», если их применять к телу-эго, вводят в заблуждение. Я вспоминаю семинар в Эсаленском институте в Биг-Суре (Калифорния), на котором руководитель авторитетно навязывал участникам вышеприведенное утверждение. Одну из женщин в группе очень расстроила, ведь она была матерью умственно отсталого ребенка, а руководитель утверждал, что эту трудность она якобы выбрала и создала себе сама, т. е. что она — та, какой она себя ощущает в повседневной жизни — полностью в ответе за несчастье своего ребенка. Такого рода ситуации обусловлены серьезным смещением уровней рассмотрения и неправильной аргументацией, а значит, здесь налицо «ошибка в логическом моделировании».

Архетипические сущности и сферы

Теперь можно вернуться к динамике космического процесса творения, каким он открывается нам в холотропных состояниях сознания. Я уже подробно рассмотрел наиболее часто встречающиеся прозрения, которые наводят на мысль, что Вселенский Разум посредством сложных комбинаций многократного деления и космической диссоциации и забвения создает виртуальные реальности. Абсолютное Сознание проецирует себя в бесчисленное множество живых существ, каждое из которых ощущает себя как нечто отдельное от других и отчужденное от своего источника. В постоянном динамическом взаимодействии друг с другом эти существа порождают невероятно многообразные эмпирические миры, и, по всей видимости, материальная сфера, в которой мы живем и которую хорошо знаем, является лишь одним из этих миров, самым дальним аванпостом этой творческой активности.

Особенно интересна сфера, находящаяся между нашей повседневной реальностью и недифференцированным Космическим Сознанием. Именно эту мифологическую сферу усиленно изучали и описывали К.Г. Юнг и его последователи. Эта сфера в отличие от материальной реальности недоступна обычному чувственному восприятию; ее можно непосредственно воспринимать только в холотропных состояниях. Юнг говорил о ней как об архетипической сфере коллективного бессознательного. Существа, населяющие ее, наделены экстраординарной энергией и аурой священности, или «нуминозности». По этой причине их обычно представляют и описывают как божества.

События, происходящие в этой мифической сфере, разворачиваются в некоем пространстве и во времени, но эти пространство и время не тождественны нашему переживанию данных измерений на материальном уровне. Архетипическим последовательностям событий не свойственна географическая и историческая целостность, характерная для событий материальной реальности. В отличие от событий в нашем мире, которые можно поместить в конкретные пространственные и временные координаты, мифические последовательности

событий нельзя поместить в целостную пространственно-временную систему. Не составляет труда определить географические координаты Лондона или установить для Французской революции конкретную историческую дату, но это совершенно невозможно по отношению к небесам Шивы или к битве между греческими богами-олимпийцами и титанами. Когда рассказывают истории, повествующие о мифических событиях, то, чтобы отбить у слушателя охоту искать для них географическое и историческое место в знакомом мире повседневной реальности, их обычно начинают словами: «Давным-давно в одной далекой стране...»

Однако отсутствие фиксированных пространственных и временных координат не делает архетипический мир онтологически менее реальным. Встречи с мифологическими существами и посещения мифических краев, переживаемые в холотропных состояниях, могут быть столь же реальны во всех отношениях, как и события нашей повседневной жизни, и даже более того. Архетипическая сфера — это не плод человеческой фантазии и воображения; она существует независимо от нас и в высокой степени автономна. В то же время ее движущие силы, видимо, тесно связаны с материальной реальностью и с человеческой жизнью.

Архетипы явно представляют собой более высокий порядок, нежели события материального мира, они управляют происходящим в повседневной реальности, формируют его и снабжают информацией. Холотропные прозрения относительно данных связей согласуются с идеями, которые мы находим в книгах последователей юнговской психологии. Эти авторы показали, что наши личности, поступки и судьбы можно истолковать в терминах архетипических божественных принципов, действующих через наше бессознательное или в нем (Bolen 1984, 1989), и что в наших повседневных человеческих драмах мы сами разыгрываем различные мифологические темы (Campbell 1972).

Следующее переживание сорокадвухлетнего антрополога Хелен иллюстрирует, как в холотропных состояниях воспринимается архетипический мир и какие прозрения могут нас посетить.

Открывшаяся последовательность была так грандиозна и величественна, что, даже просто вспоминая о ней, я до сих пор ощущаю благоговейный трепет. Это было видение мира, в чем-то сходного с нашей повседневной реальностью, однако никогда прежде я не могла бы и вообразить количество энергии, которым был наделен этот мир, и масштабы его существования. Я видела величавые антропоморфные фигуры, женские и мужские, облаченные в великолепные одеяния и излучавшие невероятную мощь. Все это напоминало древнегреческие описания горы Олимп, где пировали боги, вкушая нектар и амброзию. Но это переживание было намного грандиознее всего, что я прежде связывала с этим образом.

Эти сверхчеловеческие существа находились как бы в некоем социальном взаимодействии, но, казалось, их отношения имели огромную значимость. Я чувствовала, что все происходящее тесно связано с нашей повседневной реальностью и определяет события материального мира. Мне особенно запомнилась одна впечатляющая подробность, которую можно использовать для иллюстрации этой связи и соответствующих измерений. В какой-то миг я увидела на пальце одного из этих божественных существ изумительный перстень с камнем, который показался мне космическим вариантом алмаза. Свет, преломленный одной из его граней, поразил меня ослепительной вспышкой, и я поняла, что он проецируется в наш мир как взрыв атомной бомбы.

Позднее я сопоставила это переживание с кинофильмом, который видела некоторое время назад. По-моему фильм назывался «Золотое руно» и рассказывал о

приключениях Ясона и аргонавтов. События в этом фильме разворачивались на двух уровнях. Один из них изображал мир олимпийских богов, их взаимоотношения, дела, конфликты, разногласия и союзы. Каждое из этих божеств имело в космосе свою сферу влияния. Что же до героев истории, то для одних богов они были любимцами, а для других — мишенями для гнева. Эмоции богов проявлялись на земном плане как динамика природных стихий, внезапных поворотов судьбы или важных столкновений между людьми.

Пережив такой опыт и связанные с ним прозрения, я с сожалением вспоминаю ученое высокомерие, с каким обычно отвергала космологии «примитивных культур», считая их суевериями и магическими измышлениями. Я поняла, что мое высокомерие отражало недальновидную позицию нашего общества по отношению к необычным состояниям сознания. Мне стало совершенно ясно, что, серьезно изучив наблюдения, полученные в таких состояниях, мы не можем не подвергнуть свое материалистическое мировоззрение коренному пересмотру. Нам вовсе не обязательно использовать такие понятия, как «божества» и «демоны», которые характерны для «примитивных» культур; мы могли бы заменить их более приемлемыми терминами, например «архетипические образы». Так или иначе, познакомившись с архетипическим измерением, мы уже не можем игнорировать или отрицать его существование и его важность в мироздании.

Приведенный выше рассказ описывает видения небесных архетипических сфер, однако некоторым людям дано «посетить» сферы, населенные существами тьмы, известными нам из мифологических описаний адов и преисподних в разных культурах. Примером такого переживания служит следующий рассказ, записанный сорокалетним преподавателем Арнольдом.

Очередная последовательность увела меня в мир подземных туннелей, очень похожих на канализационные системы всех мегаполисов — Нью-Йорка, Парижа, Лондона, Токио... Казалось, я непосредственным образом знакомился с инфраструктурами этих городов, необходимыми для их существования, во всех деталях. К собственному удивлению, вдруг обнаружил, что в этих туннелях существовал целый мир, сокрытый от большинства людей и, как правило, ими непонятый. Я все глубже и глубже погружался в систему темных лабиринтов, пока не понял, что сфера, куда я вступаю, более не принадлежит миру нашей повседневной реальности.

И хотя я определенно ощущал, что нахожусь в глубочайших недрах земли, на самом деле это была мифологическая сфера, населенная странными архетипическими созданиями. Мне казалось, я наблюдал инфраструктуру космоса, необходимую для его существования и должного функционирования. Подобно подземному миру городов, она скрыта от глаз. Я видел ее обитателей — гигантских и ужасных хтонических существ фантастических форм. Они были наделены колоссальными энергиями, которые наводили на мысль о тектонических разломах, землетрясениях и извержениях вулканов.

Я невольно почувствовал огромную признательность этим неприхотливыми созданиями, которые живут во мраке, терпеливо делая свою неблагодарную работу — приводя в движение механизмы Вселенной. Они были явно рады моему приходу и польщены моими невысказанными похвалами. Казалось, они привыкли к тому, что их

боятся и отвергают, и проявляли почти детскую жажду любви и понимания.

Эти переживания свидетельствуют о существовании множества измерений реальности, которые не являются частью феноменального мира нашей повседневной жизни. Они представляют собой иные типы и уровни эмпирических реальностей и, если провести аналогию с миром современной электроники, иные «космические каналы». Обычно мы принимаем материальный мир со всеми его чудесами и сложностями как нечто само собой разумеющееся и отвергаем возможность существования других сфер реальности. Однако если вдуматься, то сама по себе тайна бытия (тот факт, что вообще что-то существует и что возможно переживать любые миры) является настолько громадной и ошеломляющей, что вопрос о специфике природы и содержания этих миров начинает звучит попросту банально.

Любование красотой тихоокеанского заката, Большим каньоном или панорамой Манхэттена в широком смысле не менее чудесно, чем встреча с небесами Шивы или египетским царством мертвых. Если мы принимаем существование высшего принципа, или начала, имеющего в своем распоряжении технологию сознания и способного порождать переживания, то представляется вполне возможным, что этот принцип может творить реальности со множеством различных характеристик. Здесь можно провести параллель с задачей съемочной группы, используя существующую технологию, выпускать фильмы или программы на темы не из повседневной жизни, а из мифологии.

Мистерия Вселенной

Поскольку индуистские философы говорят о космическом процессе как о *лиле*, или божественной игре, то, пожалуй, уместно проиллюстрировать холотропные прозрения относительно природы реальности, используя аналогию с кинофильмом, который является современной технической версией магического представления. Намерение режиссеров состоит в создании приемлемого факсимиле, «правдоподобной» версии материальной реальности. Для достижения этой цели они применяют все доступные средства. Обычно зрителю очень легко вообразить, что сцены, разворачивающиеся на экране, представляют собой реальные события в материальном мире. В некоторых случаях фильм оказывает на зрителей такое сильное воздействие, что эмоционально они воспринимают его как реальность. Это происходит вопреки тому, что умом они сознают, что все ими наблюдаемое — просто игра электромагнитных волн различной частоты внутри единого неделимого светового поля.

В холотропных состояниях сознания мы, к собственному удивлению, можем обнаружить, что то же самое применимо к нашему переживанию повседневной реальности. Все, что кажется нам миром плотных объектов, — всего лишь игра вибраций, в сущности пустых. Естественно, мы переживаем мир более полно и богато, нежели кино, поскольку переживание мира включает ряд таких измерений, которые современная киноиндустрия передать не может, например тактильные ощущения, запахи и вкусы. Олдос Хаксли в своем знаменитом научно-фантастическом романе «О дивный новый мир» описал особый вид развлечений будущего — «чувствотеки», где этот недостаток преодолен, так как к визуальному и акустическому переживанию зрителей добавлены и эти ощущения. А современные исследователи в области виртуальной реальности уже экспериментируют со специальными перчатками, которые обогатят переживание визуальных и акустических электронных миров тактильными ощущениями.

Я уже описывал переживание «имманентного божественного», когда материальный мир воспринимается как динамическая игра космической энергии творения. Это переживание раскрывает и неделимое единство, лежащее в основе мира разделения. Оно показывает, что все, с чем мы сталкиваемся в повседневной жизни, суть не дискретные единицы и твердые объекты, а составные аспекты единого энергетического поля. Каким бы абсурдным этот вывод ни казался недалекому реалисту, он полностью согласуется с данными современной физики. Они указывают, что все обычно воспринимаемое нами как плотная материя — в сущности пустота. Таким образом, наука XX века подтвердила ошеломительное заявление индусских мудрецов о том, что наше восприятие мира как состоящего из плотных материальных объектов является иллюзией (*майей*).

Давайте теперь продолжим аналогию между постановкой фильмов и творением материальной реальности несколько дальше. Когда мы просто смотрим фильм, мы не можем полностью понять процесс, в который вовлечены, поскольку ряд важных для нас ответов на вопросы о том, что происходит, найти на экране невозможно. То, что мы видим в кино, как таковое не имеет независимого существования и смысла. Кинофильм — это продукт очень сложного процесса, и его существенные стадии остаются за рамками нашего непосредственного переживания при просмотре. Чтобы по-настоящему понять наблюдаемые события, нам следовало бы заменить наивное зрительское переживание систематическим углубленным анализом процесса их создания.

Во-первых, нам следовало бы отвлечься от экрана, обернуться и обнаружить прибор, который воспроизводит наблюдаемые нами иллюзии. Мы бы заметили, что главным его компонентом является мощный источник света, проецирующий изображение на экран. При ближайшем рассмотрении мы бы обнаружили и целлулоидную пленку, которая определяет видимые нами формы и краски. Эта ситуация разительно схожа со знаменитой притчей о пещере, которую Платон использовал в своем диалоге «Государство» для описания иллюзорной природы материального мира.

В этом диалоге Платон уподобляет человеческое бытие ситуации, в которой некая группа людей оказывается заключенной в подземной пещере. Они жестко прикованы к земле и могут видеть только то, что находится прямо перед ними. Позади этих узников пылает яркий огонь и находится низкая стенка, над которой кукольники показывают марионеток — людей и животных, а также различную утварь. Узники погружены в созерцание теней на стене — единственного аспекта всей ситуации, какой они способны воспринимать. Зачарованные тенями, они совершенно не осознают истинной природы ситуации.

В платоновской притче объекты нашего материального мира уподоблены теням на стене пещеры, в то время как истинная природа реальности остается от нас сокрыта. Платон также делает допущение, что узники пещеры верят в то, что отголоски звуков, идущие сзади, действительно производятся тенями. В нашем примере с кинофильмом мы можем аналогичным образом не только установить источник изображений, но и открыть происхождение звуков, выявив, что они воспроизводятся с магнитной ленты.

Продолжив наше исследование, мы при более подробном изучении процесса проецирования обнаружим, что воспринимаемые нами плавные и непрерывные движения фактически состоят из быстрых последовательностей мелькающих дискретных изображений. Здесь снова напрашиваются параллели с прозрениями необычных состояний сознания относительно природы реальности. Я неоднократно слышал об этом от людей, прошедших через различные формы холотропных переживаний. Такие же прозрения можно найти в традиционных духовных источниках. Например, согласно учению тибетского буддизма, реальность в корне лишена непрерывности. Мир то появляется, то исчезает, подобно вспышкам

света. В один миг он растворяется, в другой — воссоздается вновь. Аналогично этому наша жизнь от рождения до смерти не есть непрерывное существование: мы все время умираем и рождаемся. Современная научно обоснованная версия этой концепции содержится в философии Альфреда Норта Уайтхеда (Whitehead 1929).

Следующий шаг в нашем углубленном исследовании переживания кинофильма вообще уведет нас за пределы кинотеатра. Мы обнаружим, что фильм возник как идея в чьем-то мозгу и что все процессы, необходимые, чтобы сделать эту картину, были мотивированы намерением конкретизировать эту идею в сценарии и преобразовать ее в убедительное, яркое переживание. Реальность, изображенная в фильме, сама по себе не имеет независимого существования. Если вычленить ее из этого широкого контекста, то полностью понять ее станет невозможно. Конечной причиной существования кинофильма является намерение создать особое переживание. Согласно прозрениям, открывшимся в холотропных состояниях, то же самое справедливо относительно нашего переживания материального мира.

Наивный человек, например ребенок или абориген из доиндустриальной культуры, который никогда не сталкивался с современной технологией, может ошибочно принять хороший фильм за реальность. В будущем голографические фильмы с голофоническим звуком, голографическое телевидение и особенно продвинутая технология «виртуальной реальности» сделают это различие еще более трудным. Однако и в настоящее время идея, что космос есть что-то вроде «виртуальной реальности», создаваемой высшим разумом, не кажется столь притянутой за уши, как могло бы показаться сто или даже пятьдесят лет назад.

глава пятая. Пути воссоединения с космическим истоком

Теперь я возвращаюсь назад... к Целому, частью которого являюсь... Какое счастье — вернуться! Да, теперь я, наконец, знаю, кто я такой, кем был с самого начала и кем останусь всегда... Я — часть Целого, мятущаяся, жаждущая вернуться, но живущая, ищущая выражения в действии, творении, созидании, даянии, росте, больше оставляющая, чем берущая, а превыше всего жаждущая принести Целому дары любви... и в этом парадокс полного единства и одновременно существования части. Я познал Целое... Я — Целое... и, даже существуя как часть, являю собой всю полноту...

Роберт Монро. «Великое странствие»

Каждый, кто отделился от истока,
жаждет вернуться к состоянию единства.

Руми

Инволюция и эволюция сознания

В результате процесса творения, описанного в предыдущем разделе, на различных уровнях реальности образуется невероятно богатое разнообразие сущностей: сначала неделимое Абсолютное Сознание, далее пантеоны архетипических существ, а затем несчетное множество индивидуальных единиц, составляющих мир материи. Этот процесс последовательных разделений и все большего отчуждения от истока представляет собой лишь одну сторону космического цикла. Прозрения, посещающие нас в холотропных состояниях, снова и снова открывают нам другую сторону этого процесса, а именно события в сознании, отражающие движение в противоположном направлении — от миров многожертвенности и разделения к исчезновению границ и слиянию в большие целые.

Для краткости я буду называть нисходящую часть космического процесса творения («инволюцию сознания») *хилотропной* или ориентированной на мир материи (греч. *hyle* — «материя», *trepein* — «двигаться в направлении чего-либо»), а восходящий аспект космического творения, отражающий возврат к изначальному неделимому единству («эволюция сознания»), — *холотропным* или движущимся в сторону целостности. Напомню, что последний термин происходит от греч. *holos* (целое) и *trepein* (направляющееся к чему-либо).

Данные прозрения вполне сопоставимы с описаниями этих двух направлений развития космического процесса в различных духовных и философских системах. Основоположник неоплатонизма Плотин говорил о хилотропном процессе как об «истечении» (*efflux*), а о холотропном — как о «возвратном течении» (*reflux*). Согласно неоплатоникам, космос во всем разнообразии иерархических градаций создан божественной эманацией, исходящей от высочайшего Единого. Люди обладают потенциальным доступом к высшим интеллектуальным и

духовным сферам и могут подняться до сознания Мировой Души. Идеи Плотина стали главной темой всех неоплатонических школ, равно как и писания христианских мистиков и немецких философов-идеалистов. Современный творческий синтез идей нисхождения и восхождения можно найти в работах Кена Уилбера (Ken Wilber 1995).

На Востоке сходные представления нашли наиболее отчетливое выражение в работах индийского мистика и философа Шри Ауробиндо Гхоша. Ауробиндо доказывал, что как мир материи Брахман проявляется в процессе *инволюции* Брахман, а затем постепенно осуществляет развитие своих скрытых сил в ходе *эволюции*. Инволюция — это процесс самоограничения и уплотнения, посредством которого вселенское Сознание-Сила поэтапно отгораживает себя и создает планы бытия. На дальних своих рубежах оно принимает видимость бессознательного материального мира. В каждый план включаются все энергии сознания, принадлежащие к более высоким планам, и таким образом весь потенциал изначального вселенского Сознания-Силы оказывается сконцентрирован и сокрыт даже в Бессознательном.

Эволюция — процесс противоположный, когда из видимого космического Бессознательного, являя свои скрытые энергии, вновь возникает Сознание-Сила. Однако важно подчеркнуть, что, по Ауробиндо, эволюция не прямо противоположна инволюции. Она не есть постепенное утончение и разрежение план за планом, которое в конечном итоге приводит к поглощению всего творения в Едином Непроявленном, а постепенное проявление высших сил сознания в материальной Вселенной, ведущее к еще большей манифестации божественного Сознания-Силы в своем творении.

Прозрения, имевшие место в холотропных состояниях, указывают, что вселенский процесс предлагает не только бесконечное число возможностей становления отдельными индивидами, но и великое множество способов растворения границ и слияния, опосредующих эмпирическое возвращение к истоку. Однородные соединяющие переживания дают отдельным единицам сознания возможность преодолеть свою отчужденность и освободиться от иллюзии собственной отдельности. В результате растворения границ, которые прежде казались абсолютными, и последующего слияния возникают все более крупные эмпирические единицы. На заключительных этапах этот процесс уничтожает все границы и осуществляет воссоединение с Абсолютным Сознанием. Последовательности слияний, происходящих во множестве форм и на множестве различных уровней, полностью завершает циклический узор космического танца.

Многообразие переживаний единства

Процессы единения можно наблюдать во всех сферах бытия, но они особенно богаты и сложны в людях. Холотропные состояния позволяют непосредственно и систематически их изучать. К сожалению, западная психиатрия не делает различий между мистицизмом и психозом и склонна рассматривать любые мистические переживания как проявления психических заболеваний. За годы моей профессиональной карьеры я не раз встречал людей, которых объявляли психически больными, пичкали транквилизаторами и даже подвергали шоковой терапии только потому, что они переживали единение с другими людьми, природой, космосом и Богом.

Абрахам Маслоу (Maslow 1964), ныне покойный американский психолог, сыгравший важную роль в создании как гуманистической, так и трансперсональной психологии, опросил сотни людей, которые пережили спонтанные состояния единения, или, как он их называл, «пиковые переживания». Он сумел показать, что мистические переживания не являются

симптомами патологии и не имеют отношения к психиатрии. Зачастую они происходят с людьми, у которых нет никаких серьезных эмоциональных проблем и которые, не будь этих переживаний, считались бы «нормальными». Более того, если эти переживания происходят в благоприятной обстановке и хорошо усваиваются, они могут дать весьма полезные результаты — улучшить жизнедеятельность, повысить творческие способности и «самоактуализацию».

Чаще всего механизмами, вызывающими переживания единства, бывают необычайно красивые творения природы и человека. У одних людей переживание единства может вызвать беспредельное звездное небо, у других — величие гигантских горных хребтов или внушающее трепет безмолвие пустынь. Посещая такие чудеса природы, как Большой каньон, гигантские водопады или всемирно знаменитые сталагмитовые пещеры, и созерцая их величие, люди могут пережить мистический экстаз. Еще один источник «пиковых переживаний» — это океан с его бушующими волнами и величавой тишиной глубин. Любование красивым закатом, чудом северного сияния или наблюдение полного солнечного затмения тоже могут вызывать глубокие переживания единства сознания. Однако, чтобы пробудить мистическое осознание, вовсе не обязательны события такой грандиозности. При соответствующих обстоятельствах это может быть и что-то «обычное», как, например, паук, плетущий свою паутину, или колибри, порхающий вокруг цветка и собирающий нектар.

Подобный эффект могут вызвать и прекрасные произведения искусства. Увлеченный творческой работой композитор, музыкант-исполнитель, а равно и слушатель может иногда утратить ощущение своих границ и в буквальном смысле слиться с музыкой, испытывая чувство, что он — сама музыка. Великие танцоры нередко достигают на сцене такого состояния, когда между ними и исполняемым танцем уже не остается различия. Готические соборы Европы, мусульманские мечети, Тадж-Махал или индуистские и буддийские храмы вызывали своей монументальной красотой мистические состояния у многих тысяч людей. Точно так же на восприимчивых индивидов могут воздействовать великие скульптуры, картины и другие произведения искусства всех веков и культур.

Следует особо упомянуть еще одну область повседневной жизни, которая часто служит источником переживаний единства и которую большинство из нас никак не связывают с мистическими переживаниями. Многие выдающиеся спортсмены рассказывают, что в самые важные моменты своих выступлений они переживали состояния, напоминающие мистические экстазы. Мы склонны приписывать блестящие победы в спортивных соревнованиях сочетанию особой физической одаренности, психологического упорства, безукоризненной дисциплины и усиленных тренировок. Однако некоторые выдающиеся спортсмены говорят, что сами они зачастую видят все иначе. Они относят свои необычайные достижения на счет особых состояний сознания, которые обеспечивают им способности, граничащие с чудесным и сверхъестественным (Murphy and White 1978). Важным аспектом этих состояний, как правило, является чувство утраты индивидуальных границ и слияние с различными сторонами окружающей среды.

Мистический экстаз, переживаемый участниками спортивных соревнований, дает возможность выйти за пределы того, что мы обычно считаем человеческими возможностями. Я лично наблюдал поразительный пример такого экстраординарного выступления, связанный с состоянием единства. Это произошло во время месячного семинара по буддизму и западной психологии, который мы проводили в Эсаленском институте в Биг-Суре. Корейский мастер фехтования на мечах, которого пригласили в качестве гостя, предложил включить в нашу программу свое показательное выступление. Он попросил одного из своих учеников лечь на траву и положил на его голый живот салфетку, а на нее — большой арбуз. Затем он отошел футов на пятнадцать и на несколько минут застыл в медитации. Голову его обтягивал мешок из

толстого черного бархата, а в руке он держал огромный, чрезвычайно острый меч.

Внезапно по всей округе завывали собаки, а мастер фехтования, издав боевой клич, колесом метнулся к спокойно лежащему на траве ученику и сильным взмахом меча рассек лежащий на его животе арбуз пополам. На салфетке остался небольшой след от меча, но на самом ученике не было ни царапины. Изумленные зрители спросили мастера, как он сумел совершить такое. Все предполагали, что мастер с завязанными глазами каким-то образом воспроизвел в памяти все окружающее. Но мастер с улыбкой ответил: «Нет, просто медитируешь и ждешь, пока все не станет одно — и фехтовальщик, и меч, и трава, и арбуз, и ученик, — тогда нет никаких проблем!»

Переживания мистического единства прекрасно отражены в мировой литературе. Вот что, например, рассказывает о своем мистическом переживании океана Эдмунд, герой пьесы Юджина О'Нила «Долгое путешествие в ночь»:

Я лежу на бушприте лицом к корме. Подо мной, разбиваясь в брызги, кипит и пенится вода. Прямо перед глазами вздымаются к небу мачты. Туго натянутые паруса залиты белым лунным светом. Красота и поющий ритм опьянили меня, и на какой-то миг я почувствовал, что меня нет, что брэнная жизнь покинула меня. Наступило состояние полной свободы! Я растворился в море, стал белыми парусами и летящими брызгами, красотой и ритмом, лунным светом, кораблем и высоким звездным небом! Не было ни прошлого, ни будущего — лишь ощущение покоя, гармонии и неистовой радости бытия. Я слился воедино с чем-то неизмеримо большим, чем моя собственная жизнь, или даже жизнь человечества — самой Жизнью! Или с самим Богом — если хочешь, можно и так сказать.

<...> И еще было в моей жизни несколько случаев, когда, купаясь в море далеко от берега или лежа в полном одиночестве на отмели, я испытывал такое же чувство. Я вдруг становился солнцем, раскаленным песком, прикрепившимися к скале зелеными водорослями, которые тихонько колеблет прибой. Это все равно что видение святого, который сподобился познать неземное блаженство. Как будто какая-то незримая рука снимает с твоих глаз пелену и ты видишь самую сущность вещей, а не их привычную внешнюю оболочку! На какой-то миг постигаешь сокровенные тайны бытия и сам приобщаешься к ним. Не какой-то миг тебе открывается смысл жизни!

(Перевод В. Воронина)

Потенциал единения в опыте смерти, секса и родов

Хотя переживания единства чаще всего случаются в ситуациях с преобладанием положительных эмоций, они могут иметь место и в неприятных, угрожающих и критических для человека обстоятельствах. В этом случае эго-сознание скорее разбивается вдребезги и сокрушается, чем растворяется и выходит за свои пределы. Так бывает при тяжелом остром или затяжном стрессе, в период сильных душевных и физических страданий или когда сохранность и выживание тела находятся под угрозой. Люди, находящиеся в глубокой депрессии и дошедшие почти до самоубийства, могут внезапно пережить глубинное духовное раскрытие и выйти за пределы своих страданий. Мистические сферы открываются и тем, кто оказался при смерти в результате дорожных аварий, травм, опасных болезней и операций.

Смерть, завершающее событие нашего индивидуального существования воплощенных самостей логически представляет собой связующее звено с трансперсональной сферой. События, ведущие к смерти, связанные с ней и следующие за нею, нередко служат источником духовного раскрытия. Страдания от неизлечимой болезни или непосредственное общение с умирающими людьми, особенно с близкими друзьями или родственниками, могут заставить человека задуматься о собственной смерти и бренности и способствовать мистическому пробуждению. Обучение буддийских монахов в тибетской традиции ваджраяны требует от них проводить много времени с умирающими людьми. Тантрические традиции индуизма включают медитации на кладбищах, на местах кремаций и в непосредственном соседстве с покойниками.

В средневековые христианским монахам наказывали мысленно представить себе собственную смерть и визуализировать все стадии разложения своего тела, вплоть до полного обращения в прах. «Помни о смерти!», «Прах к праху!» «Смерть неизбежна, неведом лишь час», «Так проходит мирская слава!» — вот девизы таких упражнений. Современные западные люди зачастую толкуют эту практику как патологическое потакание смерти, но она являла собой много большее. Переживание близкой встречи со смертью может стимулировать мистические состояния. Воспринимая преходящность и собственную бренность на глубоком эмпирическом уровне, мы обнаруживаем в себе то, что по сути своей трансцендентно и бессмертно.

Древние «Книги мертвых» донесли до нас подробные описания мощных духовных переживаний, происходящих в момент биологической смерти (Grof 1994). Современные исследования в области танатологии — науки, изучающей смерть и процесс умирания — подтвердили многие важные аспекты этих описаний (Ring 1982, 1985). Оказывается, приблизительно треть из тех людей, что побывали на пороге смерти, переживают мощные провидческие состояния, включающие сжатый обзор жизни, прохождение сквозь туннель, встречу с архетипическими существами, контакт с трансцендентальными реальностями и видения божественного света. Во многих случаях имеют место «достоверные» внетелесные переживания, во время которых развоплощенное сознание индивида в точности воспринимает все, что происходит рядом или на расстоянии. Характерно, что люди, пережившие такие ситуации, коренным образом меняют свои жизненные ценности, проходят глубокое духовное раскрытие и преобразование личности. Кеннет Ринг (1995), изучая в рамках текущего исследовательского проекта присмертные переживания людей, слепых от рождения, подтверждает, что в развоплощенном состоянии, эти люди способны видеть свое окружение.

Говоря о стимулах, вызывающих переживания единства, нельзя упускать особенно важную категорию — ситуации, связанные с человеческими функциями воспроизведения. Многие — как мужчины, так и женщины — рассказывают, что переживали глубокие мистические состояния, занимаясь любовью. В некоторых случаях сильное сексуальное переживание действительно может вызвать то, что описывается в древнеиндийских йогических текстах как пробуждение кундалини, или змеиной силы. Йоги видят в кундалини творческую энергию Вселенной, женскую по своей природе. Она дремлет в сакральной области человеческого тонкого тела до тех пор, пока ее не пробудят гуру, медитативные практики или другие влияния. Тесная связь, существующая между этой духовной энергией и сексуальным влечением, играет главную роль в кундалини-йоге и тантрических практиках.

Для женщин еще одним значительным источником переживаний единства могут стать ситуации, связанные с материнством. Через зачатие, вынашивание и рождение ребенка женщины непосредственно участвуют в процессе космического творения. При благоприятных обстоятельствах священная природа таких ситуаций становится явной и переживается сознательно. Во время беременности, родов и вскармливания грудью вполне естественно ощущать мистическую связь с эмбрионом или младенцем и даже со всем миром. В этой книге

мы еще вернемся к связи мистицизма и триады «рождение—секс—смерть».

Дополнительными важными механизмами, вызывающими состояния единства, и их катализаторами служат мощные методы изменения сознания. Холотропные переживания играли важную роль в духовной и обрядовой жизни человечества, и на протяжении веков люди усиленно разрабатывали различные способы их вызова. Во введении к этой книге я привел краткий обзор древних, туземных и современных «технологий священного», а также различных контекстов, в которых они использовались, — начиная с шаманизма через обряды перехода, мистерии смерти и возрождения, а также различные формы духовной практики и заканчивая современными методами эмпирической терапии и лабораторных исследований сознания.

Имманентное и трансцендентное Божественное

В холотропных состояниях сознания, независимо от того, приходят ли они спонтанно или вызываются древними и современными методами изменения сознания, есть множество способов выйти за пределы индивидуальных границ и воплощенной самости. Такие переживания позволяют нам стать другими людьми, группами людей, животными, растениями или даже неорганическими элементами природы и космоса. В этом процессе время перестает быть препятствием, и события прошлого и будущего легко доступны, как если бы происходили в настоящем.

Подобные переживания обеспечивают весьма убедительное прозрение, что в материальном мире все границы иллюзорны и что вся Вселенная, какой мы ее знаем, как в пространственных, так и в духовных аспектах являет собой в сознании единую вязь событий. Становится совершенно ясно, что космос — это не обычная материальная реальность, но творение мыслящей космической энергии Вселенского Разума. Таким образом, эти переживания раскрывают перед нами «имманентное божественное», *deus sive natura* (Бог или Природа), или Бога, выраженного в феноменальном мире, а также показывают, что каждый из нас, в сущности, соизмерим и со всем творением в целом, и со всеми его частями.

Подобные трансперсональные переживания резко меняют наше понимание природы и повседневной материальной реальности, но существуют и другие переживания, открывающие такие измерения бытия, которые обычно полностью скрыты от нашего восприятия. Эта категория включает развоплощенные сущности, различных божеств и демонов, мифологические сферы, сверхчеловеческих существ, а также сам божественный принцип творения. В противоположность «имманентному божественному» мы можем здесь говорить о «трансцендентном божественном», ибо сферы и существа, с которыми мы сталкиваемся в этих обстоятельствах, не являются частью повседневной реальности. Они принадлежат к иной сфере и иному порядку бытия.

Переживания такого рода свидетельствуют, что космическое творение не ограничивается материальным миром, но проявляется на многих различных уровнях и во многих измерениях. Возможность переживаний единства тоже не ограничивается материальной сферой, но распространяется и на другие сферы. Поэтому мы можем не только встречаться с обитателями архетипических сфер, мы можем и сливаться с ними, и становиться ими, а на самых отдаленных рубежах нашего самоисследования мы можем встретиться с самым творческим принципом и осознать свою тождественность ему.

Переживания имманентного божественного раскрывают священную природу повседневной реальности и единство, лежащее в основе материального мира, который наивный наблюдатель

воспринимает как состоящий из отдельных объектов. Выявляя, что все границы внутри материального мира произвольны, эти переживания открывают нам нашу сущностную тождественность пространственно-временному континууму и в конечном итоге самой творческой энергии. Что же до переживаний трансцендентного божественного, то они не только указывают новые пути понимания и восприятия знакомого мира повседневной жизни, но и делают для нас очевидным существование тех измерений реальности, которые обычно невидимы, или «трансфеноменальны», в частности измерений, которые содержат изначальные космические формы и модели, названными К.Г. Юнгом (Jung 1956) архетипами.

Как мы уже видели, мир архетипов, хотя обычно и не воспринимается нами, все же не отделен полностью от нашей повседневной материальной реальности. Он тесно переплетается с ней и играет решающую роль в ее создании. Таким образом, он представляет собой измерение более высокого порядка, которое формирует переживания нашей повседневной жизни, обеспечивая их информацией. Архетипическая сфера представляет тем самым мост между миром материи и недифференцированным полем Космического Сознания. По этой причине переживание трансцендентного божественного — нечто большее, чем просто переживание очередного «космического канала». Оно также обеспечивает проникновение в суть процесса, посредством которого создана материальная реальность. Как сказал один мой пражский пациент, оно позволяет нам «заглянуть на космическую кухню».

Космический спектакль предоставляет нам много возможностей пережить временный выход из той роли, которая нам предписана вселенским сценарием, познать иллюзорную природу повседневной реальности и обнаружить возможность воссоединения с истоком. Холотропные состояния позволяют понять такие переживания единства, и это понимание диаметрально противоположно позиции классической психиатрии. Эти переживания вовсе не искажения правильного восприятия материального мира, вызванные патологическим процессом в мозгу, они, скорее, влекут за собой глубокие прозрения относительно истинной природы реальности, раскрывая существование феноменов, представляющих промежуточные стадии в процессе творения — между недифференцированным Вселенским Разумом и специфически человеческим восприятием материального мира. Поскольку они включают выход за пределы индивидуальных границ и расширение ощущения личности в холотропном направлении, они служат важными ориентирами на пути к духовному пробуждению.

Загадка пространства и времени

Прежде чем завершить наше обсуждение космического процесса как сложной структуры хилотропных и холотропных переживаний, мы должны обсудить еще один важный аспект космического творения, а именно его связь с пространством и временем. Если мы станем описывать процесс творения как движение от недифференцированного единства к множественности, то привычка мыслить в терминах пространства и времени почти наверняка заставит нас представить себе, что этот процесс должен был начаться в определенном месте и развиваться в линейном времени. Однако важные стадии этого процесса происходят в сферах, за пределами известного нам пространству и времени. Как мы видели, космический творческий принцип выходит за пределы всех различий и полярностей, включая пространство и время.

Все, с чем мы сталкиваемся в нашей повседневной жизни, имеет четкие координаты в пространстве и времени. Наше переживание линейности времени и трехмерного пространства весьма заманчиво и убедительно. В результате мы склонны верить, что эти характеристики

времени и пространства обязательны и абсолютны. Однако, к нашему удивлению, в холотропных переживаниях мы можем обнаружить, что нашему обычному восприятию и пониманию этих двух измерений есть множество альтернатив. В визионерских состояниях мы способны переживать не только настоящее, но и прошлое, а иногда даже будущее. Эти последовательности событий могут оказаться циклическими, разворачиваться по спирали или развиваться в обратном направлении. Время для нас порой останавливается или мы вообще выходим за его пределы. На тех уровнях, где происходит космическое творение, прошлое, настоящее и будущее не следуют друг за другом, но сосуществуют и все этапы процесса одновременны.

Понятие пространства и переживание в холотропных состояниях оказывается равно произвольными. На различных иерархических уровнях может играючи возникнуть сколько угодно различных пространств, которые в своей объективности и реальности ничуть не уступают друг другу. Переход от микрокосма к макрокосму вовсе не обязан происходить линейно. Малое и большое могут случайным и причудливым образом свободно заменять друг друга. Эмпирическое отождествление с отдельной клеткой без всяких усилий может перерасти в отождествление с галактикой, и наоборот. Эти два измерения могут также сосуществовать в эмпирическом пространстве одного и того же человека. Следовательно, непостижимый парадокс конечности и бесконечности, который мы переживаем в обычном состоянии сознания, преодолевается и перестает существовать.

Чтобы проиллюстрировать многосложность переживания времени и пространства в холотропных состояниях, опишу одно из самых необычайных путешествий сознания, пережитых мною за сорок лет самоисследования. Это произошло во время психоделического сеанса с использованием высокой дозы ЛСД. Проводился он в Мэрилендском центре психиатрических исследований в 1967 году, вскоре после моего переезда в США. Вот выдержки из моего отчета об этом сеансе:

Во второй половине сеанса я вдруг обнаружил, что нахожусь в очень необычном состоянии сознания. Я чувствовал безмятежность, блаженство и простоту, смешанные с трепетом перед тайной бытия. Наверное, похожие ощущения испытывали ранние христиане. Передо мною был мир, в котором возможны, приемлемы и правдоподобны любые чудеса. Я размышлял над проблемами времени и пространства и с трудом понимал, как я мог всю жизнь верить в то, что линейное время и трехмерное пространство — обязательные и абсолютные измерения реальности.

Мне представлялось совершенно очевидным, что в сфере духа нет никаких границ, а время и пространство — всего лишь произвольные конструкции психики. Я осознал, что мне незачем сковывать себя пределами времени и пространства и что я вполне свободно могу путешествовать по пространственно-временному континууму. Это чувство было настолько убедительно и ошеломляюще, что мне захотелось проверить его на опыте. Я решил отправиться в дом своих родителей, который находится в Праге, за тысячи миль отсюда.

Определив направление и оценив расстояние, я представил себя летящим в пространстве к месту назначения. И действительно, я переживал движение сквозь пространство с невероятной скоростью, но никак не мог добраться до цели. Я не понимал, почему эксперимент не удался, ибо вполне убедительно ощущал, что такое путешествие в пространстве возможно. И вдруг до меня дошло, что я все еще нахожусь под влиянием своих старых представлений о времени и пространстве. Я продолжал думать в терминах направлений и расстояний и в соответствии с ними подходил к

своей задаче. Мне пришло в голову, что здесь нужно заставить себя поверить, что место, где проходил сеанс, и место, куда я задумал отправиться, на самом деле тождественны. Я сказал себе: «Это не Балтимор. Это Прага. Прямо здесь и сейчас я нахожусь в Праге, в квартире родителей».

Когда я добился поставленной цели, у меня возникли очень странные ощущения. Я оказался в каком-то диковинном месте, заполненном электрическими схемами, лампами, проводами, резисторами и конденсаторами. После некоторого замешательства я понял, что мое сознание заключено в телевизор, который стоял в квартире моих родителей, в углу комнаты. Чтобы видеть и слышать, я каким-то образом пытался использовать динамики и кинескоп. Спустя некоторое время я невольно рассмеялся, так как осознал, что это переживание — что-то вроде символического розыгрыша, насмешка над тем, что я до сих пор в плену давних представлений о пространстве, времени и материи.

Ведь телевизор был для меня единственным способом увидеть те или иные отдаленные места. Разумеется, такая передача ограничена скоростью соответствующих электромагнитных волн. Как только я четко убедился и твердо уверовал, что мое сознание может выйти за пределы любых ограничений, включая скорость света, переживание быстро изменилось. Телевизор «вывернулся наизнанку», и я обнаружил, что хожу по квартире своих родителей в Праге.

В этот момент я не чувствовал никакого воздействия наркотика, и переживание было настолько ярким, словно все происходило наяву. Дверь в спальню родителей была приоткрыта. Я заглянул туда, увидел, как они спят, и услышал их дыхание. Я подошел к окну, посмотрел на часы, что висели на углу улицы. Время, которое они показывали, на шесть часов отличалось от времени проведения эксперимента в Балтиморе. Хотя шестичасовая разница во времени между этими двумя зонами соответствовала факту, я не считал это убедительным доказательством. Интеллектуально я знал об этой разнице во времени, и мой ум легко мог продуцировать это переживание.

Я лег на кушетку в углу одной из комнат и стал размышлять о своем опыте. Кушетка была та самая, на которой я провел свой последний психоделический сеанс перед отъездом в США. Мое первое ходатайство о разрешении поехать в США по научному обмену было отклонено чешскими властями. Свой последний сеанс в Праге я провел, ожидая ответа на повторное ходатайство.

Неожиданно я почувствовал, как на меня нахлынула волна беспокойства. В мозгу возникла странная и жуткая мысль, которая завладела мной с необычайной силой: может быть, я вообще никогда не уезжал из Чехословакии и сейчас возвращаюсь из своего пражского психоделического сеанса? Может быть, положительный ответ на мой запрос, переезд в США, присоединение к балтиморской группе и участие в тамошнем психоделическом сеансе были просто визионерским путешествием, обусловленным неотвязным желанием уехать. Я попался в коварную западню — пространственно-временной порочный круг и был не в состоянии определить свои реальные исторические и географические координаты.

Долгое время я чувствовал себя подвешенным между двумя равно убедительными реальностями. Я не мог сказать, переживал ли я астральное перенесение в Прагу из Балтимора, где проходил сеанс, или это был выход из проводимого в Праге сеанса, в котором я переживал свою поездку в Соединенные Штаты. Мне невольно вспомнился китайский философ Чжуан-цзы, который, пробудившись от сна, долго не мог понять,

кто он: человек, которому снится, что он бабочка, или бабочка, которая во сне видит себя человеком.

Значимые совпадения и синхронности

В этом контексте я хотел бы обсудить еще один важный аспект холотропных состояний, в корне меняющий наше понимание времени и пространства. Трансперсональные переживания часто связаны со странными, многозначительными совпадениями, которые невозможно объяснить в терминах линейной причинности. Во Вселенной, как она описана материалистической наукой, все события должны подчиняться закону причины и следствия. Поэтому любые совпадения, не поддающиеся объяснению в терминах причинности, приписывают тому, что входящие в них явления слишком сложны и что у нас недостаточно знаний о всех составляющих факторах. В силу всех этих неизвестных «скрытых переменных» исход можно предсказать только статистически и без особых подробностей. Однако порой адекватность такого толкования вызывает большие сомнения, так как статистическая невероятность определенных совпадений в нашей повседневной жизни бывает просто поразительной.

Недавно мой друг рассказал мне о совпадении, которое произошло в его семье. Его жена и ее сестра, живущая в другом городе, обе проснулись среди ночи в одно и то же время, потому что в их спальнях находились летучие мыши. На это происшествие они обе отреагировали совершенно одинаково. Несмотря на поздний час, они сразу же позвонили отцу, разбудили его и сообщили о необычном событии. Как известно большинству из нас, ситуации, не подпадающие под статистическую вероятность, встречаются гораздо чаще, чем ожидается. Мне лично довелось переживать множество необычных совпадений. Одно из них было особенно актуальным, поскольку повлекло за собой важные последствия, и его стоит описать.

В 1968 году, когда советские войска вошли в Чехословакию, я стажировался в Соединенных Штатах в Университете Джона Хопкинса в Балтиморе, Мэриленд. После этого вторжения чешские власти предложили мне немедленно вернуться назад, но я решил не подчиниться и остаться в США. В результате я почти двадцать лет не мог посетить родную страну. Все это время я не имел возможности открыто поддерживать контакт с друзьями и коллегами, живущими в Чехословакии. Для них это было политически опасно, поскольку мое пребывание в США считалось нелегальным. После освобождения Восточной Европы правление Международной трансперсональной ассоциации (МТА), где я был президентом, решило провести свою очередную встречу в Чехословакии, и я поехал в Прагу, подыскать место для ее проведения.

В Пражском аэропорту я взял такси и поехал к матери. Сидя в кресле с чашкой чая, я размышлял о своей задаче. По причине долгого отсутствия я потерял все контакты, не знал обстановки и понятия не имел, с чего начать. Минут десять я обдумывал ситуацию, но без толку. Внезапно ход моих мыслей прервал громкий звонок в дверь. Я открыл и увидел Томаса, коллегу-психиатра, который раньше был моим близким другом. Перед моим отъездом в США мы вместе занимались исследованиями необычных состояний, присутствуя на психоделических сеансах друг у друга. Он услышал от знакомых, что я приезжаю в Прагу, и пришел поздороваться.

К своему удивлению, я узнал, что, когда Томас уже собирался выйти из дома, у него зазвонил телефон. Это был Иван Гавел, выдающийся исследователь искусственного интеллекта

и брат президента Чехии Вацлава Гавела. Они с Томасом учились в одной школе и с тех пор дружили. Как выяснилось, Иван Гавел возглавлял группу прогрессивных ученых, которые при коммунистах тайно занимались исследованиями новой парадигмы и трансперсональной психологии.

Эта группа слышала о моей работе на лекции одного из моих друзей, советского ученого-диссидента Василия Налимова. Иван Гавел знал, что мы с Томасом были друзьями, и позвонил ему, чтобы установить контакт между мной и группой. Благодаря этому необычайному стечению обстоятельств мне потребовалось всего лишь десять минут, чтобы получить идеальную поддержку для проведения конференции МТА, связаться с группой высококомпетентных специалистов, живо интересующихся данной темой, а также с главой государства, который, как оказалось, имел глубокую духовную ориентацию. Конференция, состоявшаяся в 1992 году под эгидой Вацлава Гавела, прошла очень успешно.

Возможно, самым знаменитым случаем совпадения является забавная история, которую рассказал французский астроном Фламарион и цитировал К.Г. Юнг. Это история о некоем господине Дешане и об особом пудинге с изюмом. Когда Дешан был мальчишкой, его угостил кусочком этого редкостного пудинга некий господин де Форжибю. С тех пор прошло десять лет, и у Дешана не было возможности еще раз попробовать этот деликатес, пока он не поехал во Францию и не увидел такой пудинг в меню одного из парижских ресторанов. Он заказал официанту принести его. Однако, как оказалось, последняя порция пудинга была уже заказана. И как вы думаете кем? Г-ном де Форжибю, который тоже случился в этом ресторане. Много лет спустя г-на Дешана пригласили на вечеринку, где как особый деликатес подавали этот пудинг. Лакомясь пудингом, г-н Дешан невзначай обронил, что здесь недостает только г-на Форжибю. В этот миг открылась дверь и в комнату вошел пожилой человек, который, казалось, чувствовал себя крайне неловко. Это был г-н Форжибю, который попал на вечеринку по ошибке — ему дали неправильный адрес, а направлялся он совсем в другое место.

Существование таких необычайных совпадений трудно уживается с пониманием вселенной, разработанным материалистической наукой. Легче представить себе, что такие стечения обстоятельств имеют некий глубинный смысл и являются забавами космического разума. Данное объяснение выглядит особенно правдоподобно, когда в совпадениях присутствует элемент юмора, как чаще всего и бывает. Я приведу здесь для иллюстрации подлинную историю из жизни американского астронавта Нейла Армстронга, первого человека, побывавшего на Луне. Астрономическая невероятность того, что нечто подобное может произойти случайно, в сочетании с тонким юмором делает эту историю одним из самых уникальных совпадений всех времен.

Выходя из лунного модуля, прямо перед тем как ступить на поверхность Луны, Нейл Армстронг произнес свои знаменитые слова: «Для человека это маленький шаг, зато для человечества — гигантский». Но куда менее известно, что, покидая поверхность Луны и залезая обратно в лунный модуль, он пробормотал: «Удачи вам, мистер Горски». После возвращения на Землю любопытные корреспонденты допытывались, что бы могло означать это высказывание, но Армстронг отказался его комментировать. Некоторые думали, что оно адресовано кому-то из советских космонавтов, но в их списке никого с такой фамилией не значилось. После множества неудачных попыток выяснить, в чем дело, журналисты об этом забыли.

В прошлом году на одной вечеринке во Флориде кто-то снова вспомнил об этом. На сей раз Нейл Армстронг изъявил готовность раскрыть смысл этого высказывания, поскольку м-р Горски и его жена уже умерли. Когда Нейл был ребенком, семья Горски жила в соседнем доме. Однажды Нейл играл с друзьями в футбол на заднем дворе. Случилось так, что мяч упал в сад Горски, прямо под открытые окна их спальни, и Нейла послали забрать его оттуда. Супруги

Горски как раз ссорились, и, когда Нейл поднимал мяч, миссис Горски закричала: «Что, орального секса захотел? Будет тебе оральный секс — когда соседский мальчишка ступит на Луну!»

Хотя совпадения такого рода чрезвычайно интересны сами по себе, работа К.Г. Юнга добавила к этому загадочному явлению еще одно измерение. Ситуации, описанные выше, содержали весьма неправдоподобные стечения обстоятельств в мире материи. Юнг же описывал множество примеров поразительных совпадений, в которых наблюдалась многозначительная связь между различными событиями общепринятой реальности и интрапсихическими переживаниями, такими, как сны или видения. Юнг назвал такие совпадения «синхронностью».

В своей знаменитой работе «Синхронность: непричинный связующий принцип» (*Synchronicity: An Acausal Connecting Principle*) (1960) Юнг определил синхронность как «одновременное наступление некоего психического состояния и одного или нескольких событий внешнего мира, имеющих существенные параллели с субъективным состоянием на данный момент». Ситуации такого рода показывают, что наша психика может входить в свободное взаимодействие с тем, что вроде бы является миром материи, и тот факт, что это может случиться, стирает границы между субъективной и объективной реальностью.

Среди множества случаев синхронности, имевших место в жизни самого Юнга, особенно известен один, который произошел во время терапевтического сеанса с одной из его пациенток. Эта пациентка очень плохо поддавалась лечению и никак не могла представить себе существование трансперсональных реальностей. Лечение было почти безуспешным до тех пор, пока не произошло следующее событие. Она увидела во сне золотого скарабея. Анализируя этот сон, Юнг услышал легкий стук в окно. Он пошел посмотреть, что там такое, и обнаружил на подоконнике блестящего, похожего на скарабея жука, который пытался пробраться внутрь. Это был очень редкий вид, ближайшая аналогия золотого скарабея в этих широтах. Прежде с Юнгом никогда ничего подобного не случалось. Он открыл окно, взял жука и показал своей пациентке. Эта удивительная синхронность оказала глубокое влияние на процесс выздоровления и знаменовала начало психологического обновления.

Синхронности и внутреннее исследование

Синхронные события особенно часты в жизни людей, которые в медитациях, психоделических сеансах, эмпирической терапии или спонтанных психодуховных кризисах переживают холотропные состояния сознания. Трансперсональные или перинатальные переживания часто связаны с необычными совпадениями. Например, когда мы в самоисследовании приближаемся к переживанию смерти эго, в нашей жизни сразу же накапливаются опасные ситуации и несчастные случаи. Я здесь имею в виду не только события, на которые мы сами каким-то образом повлияли, но и события, причиной которых явились другие люди или независимые факторы. Когда мы в своих внутренних процессах встречаемся со смертью эго и затем переживаем возрождение, то опасные жизненные ситуации, как правило, разрешаются таким же чудесным образом, как и возникли. По всей видимости, вместо буквального физического разрушения нам предоставляется альтернатива внутренней, психологической смерти.

Сходным образом, когда нам случается испытать некое сильное переживание шаманского типа, где участвует животный дух-проводник, это животное вдруг может начать появляться в различных формах в нашей жизни с частотностью, выходящей за рамки разумной вероятности.

Например, в ходе шестидневного дыхательного тренинга одна из участниц, психолог по профессии, пережила холотропное состояние, где важную роль играла сова, животный дух-проводник. В тот же день она принесла с прогулки в лесу останки совы. Возвращаясь домой по завершении цикла, она вдруг заметила на обочине дороги раненую птицу — это оказалась крупная сова со сломанным крылом, которая без сопротивления позволила женщине взять ее в машину. Вылечив сову, она выпустила ее на волю.

Точно так же в период внутреннего столкновения с архетипическими образами Анимуса, Анимы, Мудрого Старца или Ужасной Богини-Матери идеальные фигуры этих персонажей начинают встречаться в физической форме в повседневной жизни. Многие рассказывали, что когда они включаются в проект, вдохновленный трансперсональными сферами психики, то в их жизни учащаются поразительные синхронности, что удивительным образом облегчает их работу. Мой опыт с пражской конференцией МТА, который я описал ранее, определенно подходит под эту категорию.

Когда мы заняты систематическими внутренними поисками, включающими работу с холотропными состояниями, можно со значительной уверенностью ожидать, что рано или поздно нам предстоит встретиться с синхронностями. Иногда мы замечаем только отдельные случайные совпадения, но бывает и так, что на нас сваливается целая серия таких событий. В зависимости от содержания они могут вызывать либо значительный духовный подъем, либо, наоборот, подавленность и страх. Если такие совпадения убедительны и кумулятивны, они в обоих случаях могут привести к серьезным проблемам в повседневной жизни.

Традиционная психиатрия не проводит различий между подлинными синхронностями и ложным психотическим толкованием мира. Поскольку материалистическое мировоззрение является строго детерминистским и не принимает возможности существования «многозначительных совпадений», то любые намеки на необычные синхронности в рассказе пациента автоматически толкуются как бред отношения, т. е. как симптом серьезного психического заболевания. Однако не может быть никаких сомнений в том, что существуют подлинные синхронности, где любой человек, имеющий доступ к этим фактам, должен признать, что данные совпадения выходят за рамки статистической вероятности.

Исследования сознания и современная физика

Юнг прекрасно отдавал себе отчет, что явление синхронности несовместимо с традиционным научным мышлением. Глубоко укорененное убеждение в том, что основным законом природы является причинность, не позволило Юнгу сразу опубликовать свои наблюдения, которые не соответствовали существующему штампу. Он откладывал публикацию своего труда на эту тему до тех пор, пока вместе с другими учеными не собрал буквально сотни убедительных примеров синхронности и не уверился окончательно, что есть все основания рассказать об этом явлении.

Пытаясь разгадать это явление, Юнг заинтересовался открытиями квантово-релятивистской физики и альтернативным мировоззрением, которое она порождала. Он близко познакомился с Вольфгангом Паули, одним из отцов квантовой физики. Юнг понял, что собственные его наблюдения обретают много большее правдоподобие и приемлемость именно в контексте этой новой физической теории. Дополнительная поддержка идеям Юнга пришла ни больше ни меньше как от самого Альберта Эйнштейна, который при личной встрече с Юнгом побудил его к дальнейшему развитию идеи синхронности, ибо тоже полагал, что она полностью согласуется

с новым мышлением в физике (Jung 1973).

Поскольку вышеописанное обсуждение произвольной и двусмысленной природы времени и пространства может показаться человеку, не имеющему трансперсонального опыта, неправдоподобным или даже невозможным, то уместно упомянуть некоторые удивительные альтернативы нашему обычному пониманию реальности, возникшие в этом столетии в современной физике. Фантастические и, казалось бы, абсурдные прозрения холотропных состояний бледнеют рядом с дерзкими гипотезами о микромире и макромире, которые выдвинуты передовыми представителями квантово-релятивистской физики. Благодаря магическим чарам математики самые смелые теории, описывающие природу реальности, принимаются всерьез, если исходят от ученых, занимающихся квантовой физикой, астрофизикой и космологией, тогда как, если источником аналогичных концепций является исследование сознания или трансперсональная психология, их подвергают критике и даже осмеивают.

Согласно ведущей космогенетической теории, около пятнадцати миллиардов лет назад не существовало ни времени, ни пространства. Они были созданы вместе с материей во время «Большого взрыва», когда в результате катаклизма — невообразимо колоссального взрыва безразмерной точки, или сингулярности — родилась Вселенная. И наоборот, через миллиарды лет, когда произойдет сжатие Вселенной, время и пространство, возможно, снова прекратят свое существование. Аналогичный процесс уже идет в космосе в тех местах, где умирающие звезды-гиганты быстро сжимаются, выводят себя из состояния бытия и образуют то, что физики называют «черными дырами». Внутри черных дыр, за определенной границей, которую физики называют «горизонтом событий», пространства, времени и известных нам физических законов более не существует.

В начале нашего века Альберт Эйнштейн, заменив ньютоновское трехмерное пространство и линейное время четырехмерным пространственно-временным континуумом, осуществил концептуальный прорыв беспрецедентных масштабов. Во Вселенной Эйнштейна возможно перемещаться в пространстве-времени таким же образом, как мы обычно перемещаемся в пространстве. Знаменитая формула Эйнштейна гласит, что время замедляется пропорционально скорости движущейся системы и останавливается, когда эта скорость достигает скорости света. Тогда получается, что в системе, движущейся со сверхсветовой скоростью, время должно течь в обратном направлении. Калифорнийский физик Ричард Фейнман, открывший, что частица, движущаяся во времени вперед, тождественна античастице, движущейся во времени вспять, получил за это свое открытие Нобелевскую премию.

Физики-теоретики Джон Уилер, Хью Эверет и Нейл Грэм получили известность, благодаря так называемой «гипотезе множественных миров», согласно которой наша вселенная каждое мгновение раскалывается на бесконечное множество вселенных. Профессор теоретической физики Калифорнийского технологического института Кип С. Торн в своей потрясающей книге (Kip S. Thorn 1994) серьезно обсуждал возможность использования в будущем «червоточин», «лазеек», позволяющих мгновенно перемещаться в различные точки Вселенной, расположенные от нас на расстоянии многих световых лет, и даже возможность путешествий во времени вспять. Согласно Дэвиду Бому (David Bohm 1980), который многие годы сотрудничал с Эйнштейном, мир, как мы его знаем, представляет собой только один аспект реальности, ее «явный», или «развернутый, порядок». Его порождающей матрицей является «скрытый порядок», т. е., как правило, незримая для нас сфера, в которой время и пространство свернуты.

Я включил в эту книгу краткий экскурс в современную физику, ибо образное и творческое мышление в этой дисциплине образует столь разительный контраст по сравнению с уколочным подходом академических психиатров и психологов к проблеме психики и сознания человека.

Безусловно, радует, до какой степени физики, пытаясь понять мир материи, сумели в своих исследованиях преодолеть укоренившиеся представления. Не исключено, что дерзкие гипотезы современных физиков помогут нам без предубеждений подойти к необычным и интересным результатам современных исследований сознания.

Космический танец

Попробуем теперь подвести итог сказанному о холотропных прозрениях, которые описывают бытие как фантастичное эмпирическое путешествие Абсолютного Сознания — нескончаемый космический танец, совершенную игру или божественную драму. Разыгрывая эту драму, творческий принцип, или начало, порождает из самого себя и внутри себя несчетное множество индивидуальных образов, отдельных единиц сознания, обладающих различной степенью автономности и независимости. Каждая из этих единиц предоставляет возможность уникального опыта, эксперимента в глубинах сознания. Испытывая творческую страсть исследователя, ученого и художника, творческий принцип экспериментирует со всеми мыслимыми переживаниями в их бесконечных вариациях и сочетаниях.

В этой божественной игре Абсолютное Сознание находит возможность выразить свое внутреннее богатство, изобилие и огромную способность творить. Посредством своих творений оно на всех вообразимых уровнях переживает бесчисленное множество индивидуальных ролей, встреч, замысловатых драм и приключений. Диапазон этой божественной игры всех игр огромен — от галактик, солнц, планет, движущихся по своим орбитам, и лун, через растения, животных и людей до ядерных частиц, атомов и молекул. В архетипических сферах и других измерениях бытия также разворачиваются драмы, но они недоступны нашему восприятию в обычном состоянии сознания.

В бесконечных циклах творения, сохранения и разрушения Абсолютное Сознание преодолевает чувство однообразия и запредельной тоски. Временное отрицание и утрата его изначального состояния чередуются с эпизодами нового обнаружения и возрождения. Периоды агонии, муки и отчаяния сменяются эпизодами блаженства и экстатического восторга. Когда изначальное, недифференцированное сознание после временной утраты вновь обретает себя, оно переживается как восторг, изумление, свежесть и новизна. Существование агонии позволяет по-новому пережить экстаз, знание тьмы поддерживает правильное понимание света, а степень просветленности прямо пропорциональна глубине прежнего неведения. Вдобавок с каждым экскурсом в феноменальные миры, за которым следует возвращение, Вселенский Разум обогащается опытом различных ролей, участвующих в этом процессе. Конкретно выразив большую часть своего внутреннего потенциала, он увеличивает и углубляет познание самого себя.

Для такого понимания космического процесса необходимо допустить, что Вселенский Разум сознательно переживает все аспекты творения — как наблюдаемые объекты, так и субъективные состояния. Таким образом, он может исследовать не только весь спектр человеческих восприятий, эмоций, мыслей и ощущений, но и состояния сознания всех других форм жизни дарвиновского эволюционного древа. На уровне клеточного сознания он может переживать возбужденную погоню сперматозоида за яйцеклеткой и его слияние с ней во время зачатия, равно как и деятельность клеток печени и нейронов мозга.

Выходя за пределы царства животных и расширяясь в мир растений, Абсолютное Сознание может стать гигантской секвойей, переживать себя как насекомоядное растение, поглощающее

мух, или участвовать в фотосинтезе, происходящем в листьях, и в оплодотворении семян. Аналогично этому интересные эмпирические возможности дают явления неорганического мира, начиная с внутриатомных связей, землетрясений и взрывов атомных бомб и кончая квазарами и пульсарами, а поскольку по своей глубочайшей природе наша психика тождественна Абсолютному Сознанию, то эти эмпирические возможности при определенных обстоятельствах открыты для каждого из нас.

Глядя на реальность с перспективы Вселенского Разума, мы выходим за пределы всех противоположностей, переживаемых в обычном состоянии. Это справедливо для таких категорий, как дух—материя, постоянство—движение, добро—зло, мужское—женское, красота—уродство, мучение—экстаз. Что касается различия между субъектом и объектом, наблюдателем и наблюдаемым, переживающим и переживаемым, творцом и творением, то его в конечном итоге не существует. Все роли в космической драме исполняет один-единственный актер — Абсолютное Сознание. Именно эта простая и важнейшая истина бытия обнаружена в древнеиндийских упанишадах. В наше время она нашла прекрасное художественное выражение в стихотворении вьетнамского буддийского учителя Тхить Нят Ханя «Зовите меня моими истинными именами» (*«Call Me By My True Names»*).

Не говорите, что я завтра уйду,
ибо и сегодня я все еще прихожу.

Глубже всмотритесь, ведь я прихожу каждый миг,
чтобы почкою стать на весеннем побеге,
крошечной птичкой с хрупкими крыльями
и песнь свою спеть в новом гнезде,
чтобы стать гусеницей в сердцевине цветка
или драгоценностью, что таит себя в камне.

Я все еще прихожу, чтоб смеяться и плакать,
чтоб испытывать страх и лелеять надежду,
Ритм моего сердца — это смерть и рождение
всего, что живет.

Я мушка-однодневка, возникающая из куколки
на речной глади,
и я же — птица, что с наступлением весны
прилетает, чтобы съесть эту мушку.
Я лягушка, радостно плавающая
в чистой воде пруда,
и я же — уж, что съедает лягушку,
бесшумно приблизившись к ней.
Я дитя Уганды — кожа да кости,
мои ноги тонки, как побеги бамбука,
и я же — торговец оружием,
продающий Уганде то, что несет смерть.

Глава шестая

Проблема добра и зла

*Следовательно, тот, кто хочет иметь
Правильное без неправильного,
Порядок без хаоса,
Не понимает принципов
неба и земли.
Он не знает, как
вещи связаны друг с другом.
Чжуан-цзы. «Великое и малое»*

Этические вопросы самопознания

Один из важнейших вопросов, который постоянно возникает в холотропных состояниях сознания во множестве различных форм и на различных уровнях, — это вопрос этики. Когда наши внутренние переживания сосредоточены на биографических моментах, этические проблемы обычно выражаются в форме настоятельной необходимости пересмотреть всю нашу жизнь, начиная с детства, и оценить ее с нравственной точки зрения. Как правило, они связаны с проблемами представления о самом себе и самооценки. Пересматривая историю нашей жизни, мы порой испытываем острую потребность проверить, соответствуют ли наша личность и поведение моральным стандартам, будь то наши собственные, укоренившиеся в нашей семье или в обществе. Обычно критерии здесь весьма относительны и имеют свои особенности, поскольку в них непременно присутствует сильный личный, семейный и культурный уклон. Мы, в сущности, судим о нашем поведении в терминах ценностей, которые навязаны нам извне.

Существует и другая форма суждения, когда мы оцениваем наш характер и поведение не на основе устоявшихся каждодневных критериев, а с позиций вселенского закона и космического порядка. Такие переживания бывают в различных холотропных состояниях, но особенно часто — в присмертных ситуациях, как часть обзора жизни. Многие люди, побывавшие на грани смерти, рассказывают о своих встречах со Светоносным Существом и о том, как в его присутствии подвергали свою жизнь беспощадному пересмотру. Эта сильная тенденция человеческой психики к моральной самооценке отражена в эсхатологических мифологиях многих культур — в сценах божественного суда.

По мере углубления процесса самоисследования мы можем обнаружить в себе прежде не осознанные и в высшей степени сомнительные эмоции и импульсы, т. е. темные и разрушительные аспекты бессознательного нашей психики, которые К.Г. Юнг называл Тенью. Такое открытие способно напугать нас и встревожить. Некоторые из этих темных элементов представляют собой наши реакции на неприятные аспекты нашей истории, в частности на травмы младенчества и детства. Кроме того, мощный разрушительный потенциал, по всей видимости, связан с перинатальным уровнем нашей психики, с той сферой бессознательного, которая сформирована травмой рождения. Долгие часы мучительных и угрожающих жизни переживаний, связанные с прохождением через родовой канал, вызывают у плода естественную реакцию ярости. В результате образуется хранилище агрессивных наклонностей, которые мы

будем носить в нашем бессознательном до конца жизни, если, конечно, не предпримем специальных усилий, чтобы увидеть их воочию и преобразовать в некую разновидность эмпирического самопознания.

С позиции этих открытий становится ясно, что грозные двойники в таких литературных произведениях, как «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» Р.Л. Стивенсона, «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда или «Вильям Вильсон» Эдгара По, представляют собой не вымышленных литературных персонажей, но теневые аспекты средней человеческой личности. Люди, сумевшие заглянуть в глубину своей психики, часто рассказывают, что обнаруживали в себе разрушительный потенциал, вполне сопоставимый с разрушительным потенциалом Чингисхана, Гитлера или Сталина. Ввиду столь потрясающих прозрений люди обыкновенно испытывают мучительные опасения по поводу собственной природы и лишь с великим трудом принимают ее.

Когда эмпирическое самоисследование перемещается на трансперсональный уровень, как правило, возникают серьезные этические вопросы касательно человечества в целом, т. е. всего вида *homo sapiens*. Трансперсональные переживания часто отражают яркие исторические события, а иногда представляют даже панораму всей истории. Из них становится ясно, что в человеческой жизни необузданное насилие и ненасытная алчность всегда были чрезвычайно мощными движущими силами. Отсюда вытекает вопрос о человеческой природе и соотношении добра и зла в *homo sapiens*.

Неужели люди по сути своей всего лишь «безволосые обезьяны», и насилие вплетено в структуру человеческого мозга? Как нам объяснить тот аспект человеческого поведения, который психоаналитик Эрих Фромм (Erich Fromm 1973) назвал «пагубной агрессивностью» — порочностью и разрушительностью, которым нет равных в царстве животных? Как объяснить бессмысленное кровопролитие в бесчисленных войнах, массовые убийства эпохи инквизиции, массовое уничтожение евреев фашистами, сталинский ГУлаг, резню в Югославии и Руанде? Что и говорить, трудно найти аналог такому поведению в мире животных!

Текущий глобальный кризис являет нам не слишком воодушевляющий и обнадеживающий образ современного человечества. Постоянно растет насилие — войны, бунты, терроризм, пытки и преступления, — а мощь современного оружия достигла апокалиптических масштабов. Миллионы людей по всему миру живут в нищете и голоде или умирают от болезней, которые излечиваются легко и без особых затрат, и в то же время миллиарды долларов тратятся на безумие гонки вооружений. Страшный суд вполне может стать реальностью — люди сами придумали не один способ погубить себя как вид, а заодно и всю жизнь на планете. Поскольку же все мы склонны считать *homo sapiens* венцом природной эволюции, не содержит ли в себе не только человечество, но и сам феномен жизни некий принципиальный изъян? В холотропных состояниях эти вопросы встают с мучительной требовательностью и яркостью.

Относительность критериев добра и зла

Эти прозрения, касающиеся этических предметов, а также ответы на различные моральные вопросы обычно приходят, когда процесс углубленного самоисследования смещается с одного уровня сознания на другой и мы обретаем доступ к информации, которой прежде не располагали. Наше этическое суждение о каждодневных вещах может до некоторой степени меняться, причем довольно резко, и без прозрений, открывающихся с более высоких уровней сознания, а просто благодаря получению новой информации. Из-за нашей недалековидности эти

кажущиеся благословения могут впоследствии оказаться сущими бедствиями. Когда мы глубоко вникали в ситуацию, действия, которые раньше выглядели полезными, нередко предстают перед нами в весьма зловещем облике.

Для примера возьмем изобретение инсектицида ДДТ вскоре после второй мировой войны. Сначала ДДТ очень хвалили как эффективное оружие против болезней, переносимых насекомыми. С целью искоренения желтой лихорадки и малярии тысячи тонн этого вещества было свалено в болота в различных странах мира. В то время проект, по близорукости, признали ценным и достойным одобрения. Разработку ДДТ сочли столь позитивным вкладом, что в 1948 году его изобретатель Пауль Мюллер был удостоен Нобелевской премии в области физиологии и медицины. Однако, как оказалось, мечта эпидемиологов обернулась экологической катастрофой.

Было обнаружено, что ДДТ не подвержен биологическому распаду и огромные его количества так и остаются в природе. Вдобавок вследствие особого сродства ДДТ с жирами, он стал накапливаться в живых организмах, двигаясь по пищевой цепочке от планктона к мелкой и крупной рыбе, птицам и млекопитающим. В тканях птиц концентрация ДДТ часто была настолько высока, что снижала их способность вырабатывать достаточно прочную яичную скорлупу и ставила под угрозу жизнь эмбриона. Теперь мы знаем, что именно ДДТ привел к исчезновению в некоторых местах пеликанов, бакланов, соколов и орлов. Географически он захватил даже Арктику и Антарктику, будучи обнаружен в жировых тканях пингвинов. ДДТ проник и в молочные железы и молоко кормящих матерей, и, хотя его много лет назад сняли с производства, недавно выяснилось, что он принадлежит к числу факторов, обуславливающих рак молочной железы.

К проблеме относительности добра и зла обращался в своей пьесе «Дьявол и Господь Бог» Жан-Поль Сартр (Sartre 1960). Главный герой этой пьесы — Гёц, порочный и безжалостный военный лидер, совершающий в силу своих необузданных амбиций множество преступлений и злодеяний. Однако, воочию увидев ужасы чумы, вспыхнувшей в городе, осажденном и захваченном его войсками, он преисполняется страхом смерти и дает Господу обет стать другим человеком, если Господь спасет ему жизнь. В этот момент чудесным образом появляется некий монах и помогает ему уйти из города через потайной подземный ход. Гёц сдерживает свое слово — отныне жизнь его неуклонно направлена к добру. Но, оказывается, эта новая жизнь приносит еще больше зла, чем бывшие жестокие битвы. Эта пьеса, безусловно, была сартровским комментарием к истории христианства, которая являет собой ярчайший пример того, как безжалостное насаждение проповеди любви может привести к злодеяниям и стать причиной огромных страданий.

В моральных кодексах различных культур проблема этики трактовалась по-разному. Например, одни общества подчеркивают ценность человеческого тела и даже считают его священным, тогда как другие убеждены, что все связанное с телом и его физиологическими функциями априорно порочно и несет в себе зло. Одни культуры не придают значения наготы и полагают ее естественной, другие же требуют, чтобы женщины полностью закрывали свое тело и частично лицо. У одних народов прелюбодеяние каралось смертью, а вот по древнему эскимосскому обычаю хозяин дома по долгу гостеприимства предлагал свою жену всякому гостю-мужчине. И полигамия, и полиандрия практиковались в истории различных культур как социально приемлемые альтернативы. В одном из племен Новой Каледонии убивали близнецов, если один был мужского пола, а другой женского, ибо считалось, что они совершили кровосмешение уже в чреве. В противоположность этому в Древнем Египте и в Перу закон требовал, чтобы в семьях правителей братья женились на сестрах.

В Японии самоубийство часто не только рекомендовалось, но в определенных ситуациях,

дабы избежать позора, практически требовалось. В Китае и в других местах, когда умирал правитель, его жен и слуг убивали и хоронили вместе с ним. Согласно индийскому обычаю сати, вдова следовала за покойным мужем на погребальный костер. Обычай сати, а также умерщвление младенцев женского пола практиковались в Индии еще долгое время после того, как англичане в XVIII веке наложили на это запрет. Ритуальные человеческие жертвы имели место у многих народов, и каннибализм был принят в таких развитых культурах, как ацтеки и маори. Таким образом, с межкультурной и трансперсональной позиции жесткое соблюдение обычаев и правил, продиктованных различными психобиологическими и социальными аспектами, можно рассматривать как преднамеренный эксперимент космического сознания, в котором систематически исследуются все возможные эмпирические варианты.

Зло как неотъемлемая часть творения

Одна из самых трудных этических проблем, которые предстают перед нами в холотропных состояниях сознания, — необходимость примириться с тем, что агрессия неразрывно вплетена в природный порядок и что выживание одних форм жизни возможно только ценой гибели других. Голландский микробиолог и изобретатель микроскопа Антони ван Лёвенгук так выразил эту мысль: «Одна жизнь существует за счет другой, это жестоко, но такова воля Божия». Английский поэт Альфред Теннисон говорил о природе, что ее «зубы и когти обагрены кровью». Джордж Уильямс (Williams, 1966), размышляя о дарвиновском мировоззрении, высказался еще резче: «Мать-Природа — злая старая ведьма», а маркиз де Сад, давший свое имя садизму, охотно ссылался на жестокость природы, оправдывая собственное поведение.

Даже ведя самый совестливый образ жизни, мы все равно не избежим этой дилеммы. Алан Уоттс в статье «Убийство на кухне» рассмотрел с данной позиции дилемму мясоедства и вегетарианства. Тот факт, что «кролики кричат громче, нежели морковь», не показался ему достаточной причиной, чтобы сделать выбор в пользу последней. По-своему сформулировал эту мысль Джозеф Кэмпбелл в своем определении вегетарианца как «человека, которому недостает чувствительности, чтобы слышать, как плачет помидор». Поскольку жизнь должна питаться жизнью, хоть животной, хоть растительной, Уоттс рекомендовал в качестве решения подход, который обнаруживается во многих туземных культурах — как в общинах охотников/собираателей, так и в земледельческих обществах. Эти группы прибегают к ритуалам, выражающим благодарность за съеденное, а также покорное согласие с собственным участием в пищевой цепи в обеих ролях.

Этические вопросы и их решения особенно усложняются, когда соответствующие прозрения и информация поступают с таких уровней сознания, которые обычно не всегда доступны, в частности из духовных измерений. Если вводить духовные критерии в ситуации повседневной жизни, причем в экстремальной форме, без учета соображений целесообразности, то последствия могут быть весьма печальными. Здесь в качестве примера можно упомянуть эпизод из жизни знаменитого немецкого врача, музыканта, филантропа и философа Альберта Швейцера. Однажды Альберт Швейцер лечил в своем госпитале в джунглях Ламбарене коренного африканца, страдающего от заражения крови. И вот, стоя возле этого африканца со шприцем, наполненным антибиотиком, Швейцер внезапно спросил себя, кто дал ему право уничтожать миллионы жизней микроорганизмов, чтобы спасти одну человеческую жизнь. Иными словами, согласно каким критериям мы считаем себя вправе полагать человеческую жизнь высшей по отношению к жизни других видов.

Джозефа Кэмпбелла однажды спросили, как можно примирить наше духовное мировоззрение с необходимостью принимать в повседневной жизни практические решения, включая убийство ради спасения жизни. В качестве примера он описал ситуацию, где маленькому ребенку грозит укус змеи, яд которой смертелен. Вмешиваясь в такую ситуацию и убивая змею, мы отнюдь не говорим «нет» змее как неотъемлемой части устройства Вселенной, как значимому элементу космического порядка. Это не отрицает права змеи как части творения на существование и вовсе не означает, что мы не принимаем ее существование. Такое вмешательство не жест абсолютной космической значимости, но наша реакция на конкретную ситуацию.

Божественные корни зла

Когда мы открываем мир архетипов и начинаем постигать воздействие его движущих сил на события материального мира, средоточие этических вопросов смещается с личного и культурного уровней в трансперсональную сферу. Здесь критической проблемой является дихотомия, заложенная в основу архетипической сферы. Мы осознаем, что пантеон архетипических существ содержит как благотворные, так и пагубные начала и силы, или, в терминологии доиндустриальных культур, благие и гневные божества, которые и в ответе за события материального мира. Однако рано или поздно становится ясно, что сами эти сущности не автономны. Они суть создания или проявления еще более высокого принципа, который пронизывает их и правит ими. Исходя из этого, вопрос морали находит новое средоточие — направляется к самому принципу творения.

Это, естественно, порождает совершенно новый ряд вопросов. Существует ли один источник творения, выходящий за пределы противоположностей и ответственный за добро и зло? А может быть, Вселенная — это поле сражения, где ведут свою битву две космические силы — добро и зло, как гласят зороастризм, манихейство и христианство? Если так, то какой из этих принципов сильнее и в конечном счете одержит верх? Если Бог, как утверждает традиционное христианство, благ и справедлив, всеведущ и всемогущ, то каким образом можно объяснить огромное зло, существующее в мире? Как это возможно, что миллионы детей гибнут от руки жестоких убийц или умирают от голода, рака и инфекционных болезней, не успев совершить в своей жизни никаких грехов? Здесь христианская теология обычно предлагает следующее объяснение: Бог карает этих людей заранее, ибо предвидит, что из них вырастут грешники. Что говорить, звучит это не слишком убедительно.

Понятие кармы и перевоплощения, существующее в некоторых религиях, несколько лучше объясняет эту ситуацию. Оно учитывает также чудовищные несправедливости среди взрослых и различия в их судьбах. Ниже мы коснемся существования аналогичных концепций в раннем христианстве, особенно у гностиков. Во II веке церковь признала гностическое христианство ересью, а в IV веке при поддержке императора Константина подвергла его суровым гонениям. В 553 году Константинопольский собор исключил из христианского вероучения идеи перевоплощения души, и христианство осталось с проблемой всемогущего, справедливого и благого Творца, создавшего мир, полный несправедливости и зла. Вера в перевоплощение может дать ответ на самые насущные вопросы, касающиеся темной стороны жизни, но она не обращается к вопросу об источнике кармической цепи причин и следствий.

В холотропных состояниях сознания важнейшие этические вопросы, касающиеся природы и происхождения зла, причины его существования и его роли в структуре творения, возникают

спонтанно и весьма требовательно. Проблема нравственности творческого принципа, который непосредственно отвечает за все страдания и ужасы бытия или допускает и терпит зло, поистине огромна и трудноразрешима. Наша способность принять творение таким, каково оно есть, включая его теневую сторону и нашу собственную роль в нем, — одна из самых больших трудностей, с которыми мы можем столкнуться в углубленных философских и духовных исканиях. Поэтому интересно проанализировать, какими эти проблемы предстают перед людьми, которые встречаются с ними в своем путешествии в глубины сознания.

Переживания отождествления с Абсолютным Сознанием, или с Пустотой, включают выход за пределы всех противоположностей, в том числе добра и зла. Они содержат весь спектр творения: от самых благих аспектов до самых жестоких — но в непроявленной форме, как чистый потенциал. Поскольку этические суждения применимы только к миру проявленных феноменов, включающему противоположности, то проблема добра и зла тесно связана с процессом космического творения. С точки зрения нашего обсуждения очень важно понять, что этические ценности и нормы сами являются частью творения и потому не имеют абсолютно независимого существования. Вот что сказано об этом в древнеиндийском священном тексте Катха-упанишада:

Как солнце, глаз всего мира,
не омрачается изъянами, [существующими] вне глаза,
так и единый атман во всех существах
не омрачается изъяном мира, оставаясь вне их.
(Перевод В. В. Шеворошкина)

Роль зла во вселенском порядке

Окончательное понимание и философское приятие зла, похоже, всегда включает признание, что в космическом творении ему отведена важная, даже необходимая роль. Например, глубокие эмпирические прозрения абсолютных реальностей, доступные нам в холотропных состояниях, зачастую показывают, что зло играет важную роль во вселенской драме. Поскольку космическое творение является *creatio ex nihilo*, «творением из ничего», оно должно быть симметрично. Все, что возникает, обретая существование, должно уравниваться своею противоположностью. С этой позиции существование любых противоположностей есть совершенно необходимая предпосылка творения феноменальных миров. Аналогом этому являются эксперименты и теории современных физиков по поводу материи и антиматерии. Ныне полагают, что в самые первые моменты существования вселенной частицы и античастицы были представлены в равном количестве.

Выше мы говорили о том, что один из «мотивов» творения — это, возможно, «необходимость» для творческого принципа познать себя, чтобы «Бог мог увидеть Бога» или «Лицо могло узреть Лицо». Коль скоро божественное творит, желая исследовать свой внутренний потенциал, то неполное выражение этого потенциала означало бы неполноту самопознания. А коль скоро Абсолютное Сознание еще и абсолютный Художник, Экспериментатор и Исследователь, оно скомпрометирует богатство творчества, если опустит некоторые важные варианты. Художники не ограничивают себя только красивыми, этическими и вдохновляющими темами. Они изображают любые стороны жизни, где присутствуют

интересные образы и интригующие истории.

Существование теневой стороны творения усиливает его светлые аспекты, обеспечивая контраст и придавая вселенской драме необычайное богатство и глубину. Конфликт между добром и злом во всех сферах и на всех уровнях бытия служит неистощимым источником множества захватывающих историй. Однажды один ученик спросил Рамакришну, великого индийского провидца, святого и духовного учителя: «Свамиджи, для чего в мире существует зло?» Немного подумав, Рамакришна кратко ответил: «Чтобы жить было интереснее». Такой ответ может показаться циничным, если взглянуть на природу и масштабы страданий в мире, конкретных страданий, ведь это смерть миллионов детей от голода и болезней, безумие войн на протяжении всей истории, несчетные жертвы пыток и разрушительность стихийных бедствий. Однако мысленный эксперимент может помочь нам встать на другую позицию.

Давайте на миг представим себе, что мы можем устранить из миропорядка все, что обычно считается дурным или злым, — все элементы, которые, как нам кажется, не должны быть частью жизни. Поначалу может создаться впечатление, что тем самым мы сотворим идеальный мир — подлинный рай на земле. Однако далее мы замечаем, что ситуация гораздо сложнее. Допустим, мы начинаем с уничтожения болезней, которые, несомненно, принадлежат темной стороне жизни, и представляем себе, что их никогда не существовало. Вскоре мы обнаружим, что это вовсе не изолированное вмешательство, которое искореняет только один выбранный нами аспект мирового зла, оно глубочайшим образом воздействует на многие позитивные аспекты жизни и творения, нами высоко ценимые.

Вместе с болезнями мы уничтожаем всю историю медицины — медицинские исследования и полученные таким образом знания, открытие причин опасных болезней, а также замечательные средства для их лечения, такие, как витамины, антибиотики и гормоны. Нет больше чудес современной медицины — операций, спасающих людям жизнь, трансплантаций органов и генной инженерии. Мы теряем всех первооткрывателей этой науки — Вирхова, Земмельвайса, Пастера, — героев, посвятивших всю жизнь страстному поиску решения проблем медицины. Нет нужды в любви и сострадании всех тех, кто заботится о больных, начиная от врачей и медсестер и кончая множеством добросердечных людей. Мы теряем мать Терезу вместе с ее заслугами, за которые ей была присуждена Нобелевская премия, теряем шаманов и туземных знахарей с их красочными ритуалами и знанием целебных трав, чудеса Лурда и филиппинских хилеров!

Еще один очевидный аспект тьмы и зла в творении — это существование репрессивных режимов, тоталитарных систем, геноцида и войн. Если мы сосредоточим свои усилия на санации этой сферы, то уничтожим значительную часть человеческой истории и потеряем все героические подвиги борцов за свободу, которые во все времена жертвовали жизнью ради справедливости в своих странах и свободы соотечественников. Нет больше триумфальных побед над империями зла и упоения вновь обретенной свободой. Исчезнут и укрепленные замки всех времен и народов, а также музеи, где представлены уникальные изделия оружейников, образцы фортификационного искусства и разнообразная военная амуниция. Устранение насилия из космической драмы, естественно, сильно отразится и в мире искусства. Библиотеки, художественные музеи, музыкальные коллекции и киноархивы значительно обеднеют, если мы уберем из них все произведения, вдохновленные насилием и борьбой против него.

Отсутствие метафизического зла значительно уменьшит необходимость религии, ведь без мощного противника Бог станет таким само собой разумеющимся, гарантированным удобством. Все связанное с обрядовой и духовной жизнью человечества будет изъято из миропорядка, и исторические события, вдохновленные религией, будут стерты, как будто их и не было. Незачем говорить, что мы также потеряем ряд лучших произведений искусства —

литературы, музыки, живописи, скульптуры и кинематографа — рожденных конфликтом между божественным и демоническим. В мире не станет величественных готических соборов, мусульманских мечетей, синагог, индуистских и буддийских храмов и многих других шедевров архитектуры, вдохновленных религией.

Если мы продолжим дальше этот процесс очистки от вселенской «тени», творение утратит свою огромную глубину и богатство, и в конечном итоге мы придем к чрезвычайно блеклому и неинтересному миру. Поставь Голливуд фильм, отражающий такую реальность, кинотеатры наверняка были бы пусты. В весьма популярном пособии для сценаристов подчеркивается, что напряжение, конфликт и драма суть необходимая предпосылка успеха фильма. Фактически это предостережение касательно того, что фильму о «жизни в счастливом городке» наверняка гарантирован провал и банкротство.

Режиссеры, которые свободны выбирать для своих фильмов любые темы, обычно не останавливаются на слащавых бессобытийных историях со счастливым концом. В их фильмах, как правило, присутствуют приключения, опасности, трудности, серьезные эмоциональные конфликты, секс, насилие и зло. И разумеется, на самих создателей фильмов в значительной степени влияют вкусы и требования зрителей. И коль скоро Бог сотворил людей по своему образу и подобию, было бы не удивительно, если бы космическое творение следовало тем же принципам, что управляют творческой деятельностью и развлечениями в нашем мире.

В процессе глубокого эмпирического самоисследования мы обнаруживаем эту дихотомию творения на всех уровнях, где присутствуют формы и отдельные явления. Абсолютное Сознание и Пустота, существуя за пределами мира явлений, выходят за пределы всех противоположностей. Добро и Зло как отдельные сущности обретают существование и проявляют себя на начальных стадиях творения, когда из недифференцированной матрицы Пустоты и Абсолютного Сознания возникают темные и светлые аспекты Божественного. Представляя собой полярные противоположности и будучи антагонистами по отношению друг к другу, оба этих аспекта существования суть необходимые элементы творения. В сложном и причудливом взаимодействии они порождают бесчисленное множество действующих лиц и событий на различных уровнях и в различных измерениях реальности, составляющих космическую драму.

Два Лица Бога

В холотропных состояниях мы можем непосредственно переживать не только единый творческий принцип, но и его благую или злую форму по отдельности, как две дискретные единицы. Когда мы сталкиваемся с благой формой Бога, мы избирательно настраиваемся на позитивные аспекты творения. В этот момент мы не отдаем себе отчета в теневой стороне бытия и видим космическую пьесу в ее полноте, как нечто сияющее и блаженное. Зло представляется эфемерным или почти отсутствующим во вселенском устройстве.

Ближе всего к пониманию природы этого переживания можно подойти с позиций древнеиндийской концепции *сам-чит-ананды*. Это сложное санскритское слово состоит из трех корней: *сам* («сущее», «существование») *чит* («сознание») и *ананда* («блаженство»). В нашем переживании мы отождествляем себя с сияющим, безграничным и безмерным принципом, или состоянием сущности, бытие которой бесконечно и которая обладает бесконечным сознанием или мудростью и переживает бесконечное блаженство, обладая также бесконечной способностью творить из самой себя формы и эмпирические миры.

У этого переживания *сам-чит-ананды*, или Сущего-Сознания-Блаженства, есть обратная

сторона — космический принцип, объемлющий весь отрицательный потенциал Божественного. Он являет собой перевернутое зеркальное отражение принципа *сам-чит-ананды*, или диаметрально противоположность его основополагающим качествам. Здесь стоит вспомнить одну из начальных сцен «Фауста» Гёте, где Мефистофель представляется Фаусту: «Я отрицаю все — и в этом суть моя»* («Ich bin der Geist, der verneint»). Если посмотреть на явления, которые мы считаем дурными или вредными, можно увидеть, что они распадаются на три разные категории, каждая из которых есть отрицание одного из основополагающих качеств *сам-чит-ананды*.

Первое из этих трех основополагающих качеств положительного Божественного — это *сам*, сущее или бесконечное бытие. Соответствующая ему категория зла связана с понятиями и переживаниями ограниченного существования, прекращения существования и несуществования. В ней наличествуют недолговечность, правящая в феноменальном мире, и неизбежная перспектива окончательного уничтожения всего сущего. Это подразумевает нашу собственную кончину, смерть всех живых организмов и окончательное разрушение Земли, Солнечной системы и вселенной. Здесь можно вспомнить о горести и печали Будды Гаутамы, когда он, выезжая из отцовского дворца на прогулки, столкнулся с болезнью, старостью и смертью. В нашей традиции христианское средневековье придумало много афоризмов, напоминающих народу об этом аспекте существования: «Прах к праху, и во прах возвратишься», «Помни о смерти», «Так проходит слава мира» или «Смерть неизбежна, неведом лишь час».

Второй важный аспект *сам-чит-ананды* — это *чит*, или безграничное сознание, мудрость и разум. Соответствующая категория зла связана с различными формами и уровнями ограниченного сознания и неведения. Она покрывает широкий спектр явлений — от вредоносных последствий невежества, неадекватной информации и неправильного понимания вопросов повседневной жизни до самообмана и основополагающего неведения, касающегося природы бытия на высоком метафизическом уровне (*авидья*). Этот тип неведения описан Буддой и другими духовными учителями как один из главных корней страдания. Форма знания, которая может проникнуть сквозь завесу этого неведения и привести к освобождению от страдания, на Востоке называется *праджня-парамита* или запредельная мудрость.

Третья категория явлений, переживаемых как вред или зло, включает элементы, представляющие отрицание третьего основополагающего качества *сам-чит-ананды* — элемента безграничного блаженства, или *ананды*. Переживания данной категории и их причины наиболее непосредственно, очевидно и наглядно отражают темную сторону, поскольку препятствуют переживанию блаженства бытия. Они объемлют целый спектр тяжелых эмоций и неприятных физических ощущений, полностью противоположных божественному блаженству, таких, как физическая боль, тревога, стыд, чувство неполноценности, подавленность и вина.

Принцип зла, присущий творению, перевернутое зеркальное отражение *сам-чит-ананды*, может переживаться либо в чисто абстрактной форме, либо как более или менее конкретная манифестация. Одни люди описывают его как Космическую Тень, гигантское поле зловещей энергии, наделенной сознанием, разумом, разрушительным потенциалом и чудовищным стремлением к порождению хаоса, страданий и разрушений. Другие переживают вселенский принцип зла как исполинскую антропоморфную фигуру, символизирующую всепроникающее вселенское зло, или Бога Тьмы. Встреча с теневой стороной бытия может также принимать формы, связанные с той или иной культурой, например выступать в образах таких божеств, как Сатана, Люцифер, Ариман, Гадес, Лилит, Молох, Кали или Коатликуэ.

Для иллюстрации приведу здесь выдержку из рассказа тридцатипятилетнего психолога Джейн, пережившей в своем тренировочном сеансе потрясающее столкновение с темной стороной бытия, кульминацией которого была встреча с чудовищной персонификацией

Мне казалось, что вплоть до этого мгновения я смотрела на жизнь сквозь розовые очки, которые мешали мне увидеть всю ее чудовищность. Теперь я видела несчетные образы различных форм жизни, существующих в природе, они нападали и пожирали друг друга. Вся цепь жизни — от самых низших организмов до самых высокоразвитых — вдруг предстала передо мной как жестокая драма, где большие и сильные поедали маленьких и слабых. Это переживание обрушилось на меня с такой сокрушительной силой, что я толком не могла увидеть другие аспекты, например красоту животных или изобретательность и творческий разум жизненной силы. Это была поразительная иллюстрация факта, что насилие есть подлинная основа жизни: жизнь неспособна выжить, не питаясь собою же. Травоядное животное — лишь менее явный и смягченный пример хищника в этом биологическом геноциде. Выражение «природа преступна», которым маркиз де Сад оправдывал собственное поведение, внезапно наполнилось новым смыслом.

Другие образы увлекли меня в путешествие по человеческой истории, и я убедилась, что в ней господствовали насилие и алчность. Я видела жестокие битвы пещерных людей, сражавшихся примитивными дубинками, видела и массовое истребление с помощью все более совершенного оружия. За видениями монгольских орд Чингисхана, прокатившихся по всей Азии, сея бессмысленное убийство и сжигая деревни, последовали ужасы нацистской Германии, сталинской России и африканского апартеида. Были и образы, отражавшие ненасытную алчность и безумие нашего промышленно развитого общества, которое ставит под угрозу всю жизнь на планете.

Предельной иронией и жестокой шуткой в этом мрачном портрете человечества выглядела роль великих мировых религий. Было ясно, что эти институты, сулящие установить контакт с божественным, на самом деле зачастую служили каналом зла. От истории ислама, который насаждался огнем и мечом, христианских крестовых походов и жестокостей инквизиции до более поздних злодеяний с религиозной подоплекой религия всегда являла собой не решение проблемы, но ее часть.

Вплоть до этого момента сеанса Джейн наблюдала выборочный показ теневых аспектов жизни как в природе, так и в человеческом обществе, и ее не посещали прозрения относительно причин алчности и насилия. На следующей фазе переживание вывело ее прямо к тому, что казалось метафизическим источником мирового зла.

Внезапно переживание сменилось, и я встретила лицом к лицу с сущностью, отвечающей за все, что я видела. Это был образ, воплощающий квинтэссенцию вневременного Зла, — огромная, невероятно зловещая фигура, излучающая невообразимую мощь. И хотя я не могла точно оценить ее размеры, она казалась колоссальной, быть может объемлющей все галактики. Она была как бы антропоморфной, но все же не имела совершенно четкой формы, и я могла лишь грубо различать отдельные части ее тела.

Она состояла из быстро сменяющихся, текучих динамических образов, которые голографически пронизывали друг друга. Проявляясь в соответствующих частях тела этого Бога Зла, они отражали различные формы зла. Так, его живот изобилдовал сотнями образов жадности, ненасытности и отвращения, область гениталий вмещала в

себя половые извращения, изнасилования и сексуальные убийства, руки — насилие, совершенное мечами, кинжалами и огнестрельным оружием. Я испытывала трепет и неопиcуемый ужас. В моем мозгу мелькали имена Сатаны, Люцифера и Аримана, но это были до смешного мягкие названия тому, что я переживала.

Разделяющая сила зла

Некоторые из тех, кому довелось переживать личную встречу с Космическим Злом, имели интересные прозрения относительно его природы и функции в миропорядке. Они видели, что этот принцип тесно вплетается в фактуру бытия и, принимая все более конкретные формы, пронизывает все уровни творения. Его различные проявления суть выражения энергии, которая заставляет отколовшиеся единицы сознания чувствовать себя отдельными друг от друга. Принцип зла отчуждает их и от их космического источника — недифференцированного Абсолютного Сознания. Таким образом, Космическое Зло мешает отколовшимся единицам осознать их сущностную тождественность с этим источником, равно как и основополагающее единство друг с другом.

С такой точки зрения зло тесно связано с движущими силами, о которых я говорил ранее как о «космической перегородке», «экране» или «забвении». Поскольку божественную игру, т. е. космическую драму, невозможно представить себе без действующих лиц, без отдельных различающихся сущностей, то в творении мира, каким мы его знаем, существование зла совершенно необходимо. Эта концепция в основе своей согласуется с идеей, высказанной в трудах ряда христианских мистиков; согласно этой идее, падший ангел Люцифер (букв. — «Носитель Света») как представитель противоположностей рассматривался как своего рода демург. Люцифер увлекает человечество в фантастическое путешествие в мир материи. Подходя к этой проблеме с другой позиции, мы можем сказать, что зло и страдания в конечном итоге основываются на ложном представлении о реальности, в частности на вере живых существ в свое отдельное индивидуальное «я». Это прозрение составляет важную часть буддийской доктрины *анатты* (не-я).

Постижение того, что зло во Вселенной является силой разделяющей, помогает понять и ряд типовых эмпирических шаблонов и последовательностей событий в холотропных состояниях. Так, экстатическим переживаниям воссоединения и расширения сознания часто предшествуют наводящие ужас встречи с силами тьмы, представленными в виде архетипических фигур зла или в виде прохождения сквозь демонические препоны. Обычно это связано с чрезвычайными душевными и физическими страданиями. Самым ярким примером, иллюстрирующим эту связь, является процесс психодуховной смерти и возрождения, в котором переживания агонии, ужаса и уничтожения гневными божествами сменяются чувством воссоединения с духовным источником. Эта связь находит конкретное выражение в буддийских храмах Японии, например в прекрасном храме Тодайдзи в Наре, где человек, прежде чем войти внутрь и увидеть сияющее изображение Будды, должен миновать устрашающие фигуры гневных защитников.

Всякая попытка применить этические ценности к процессу космического творения должна учитывать один важный факт. Согласно прозрениям, описанным в этой книге, все воспринимаемые нами во вселенной границы произвольны и в конечном счете иллюзорны. По своей глубочайшей природе весь космос является единичной сущностью невообразимых размеров — Абсолютным Сознанием. Все роли в космической драме исполняет один-единственный актер, о чем и говорит приведенное выше прекрасное стихотворение Тхить Нят Ханя. Во всех ситуациях, где присутствует элемент зла, например ненависть, жестокость, насилие, лишение и страдание, творческий принцип играет в сложную игру сам с собой. Агрессор тождествен своей жертве, диктатор — угнетенному, насильник — изнасилованному, убийца — убитому. Больной, зараженный инфекцией, не отличаются ни от бактерий, проникших в его организм и вызвавших заболевание, ни от врача, который лечит его антибиотиками, чтобы устранить инфекцию.

Яркой иллюстрацией ошеломительного осознания нашей сущностной тождественности космическому разуму служит выдержка из описания сеанса с Кристофером Бахом, профессором философии и религиоведения. Ранее я уже цитировал его описание встречи с Пустотой.

Не передний план мало-помалу выдвинулась тема секса. Сначала секс возник в своей приятной форме, как обоюдное наслаждение и эротическое удовлетворение, но вскоре перешел в агрессивную форму, приняв вид насилия, подавления, травмы и боли. Силы сексуальной агрессии стали проникать и в смежные сферы человеческой жизни. Я стоял лицом к лицу с этими жестокими силами, заслоняя собой ребенка. Я пытался защитить ребенка от этих сил, не допустить, чтобы они настигли его. Мой ужас возрос, когда ребенок превратился в мою трехлетнюю дочку. Это была и она, и все дети мира сразу.

Я продолжал защищать свою дочь, пытаясь сдержать натиск надвигающейся силы, и все же знал, что в конечном итоге мои попытки закончатся провалом. Чем дольше я удерживал эти силы, тем мощнее они становились. Здесь «я» было не просто моим личным «я», в нем присутствовали «я» многих тысяч людей. Ужас был неопишуем. Оглядываясь назад, я ощущал поле, создаваемое испуганным невинным существом, но вот добавился еще один элемент — мотив мистических обьятий. На ребенка наложился образ Первичной Женственности, самой Богини-Матери. Она манила меня к себе, чтобы я обнял ее, и я инстинктивно знал, что нигде больше не найду такого упоения, как в ее обьятиях.

Удерживая могучий сексуальный натиск, я удерживал себя и от мистических обьятий Богини, ибо, несмотря на сладостные обещания искупления, я не мог изнасиловать и убить собственного ребенка. Это безумие нарастало до тех пор, пока я не повернулся лицом к своей жертве. Все еще сдерживая ужасный натиск сил, толкающих на убийство, я теперь стоял перед своей жертвой и разрывался между страстью и защитой. Моей жертвой одновременно была собственная дочь, беспомощная, невинная и хрупкая, и Изначальная Женщина, приглашающая меня к половому акту космических масштабов.

После долгой мучительной битвы с ужасным натиском импульсов насилия Крис стал мало-помалу уступать, позволяя им себя проявить. Мучительная ситуация разрешилась, когда он сумел обнаружить, что за отдельными лицами, участвующими в этих сценах насилия, стояла одна и та же сущность — он сам как творческий принцип.

При всем моем упорном сопротивлении меня тянуло выпустить ярость на свободу. В ужасе и слепой жажде я начал нападать, насиловать, убивать, продолжая в то же время изо всех сил бороться с происходящим. Эта борьба выводила меня на все более глубокие уровни интенсивности до тех пор, пока вдруг что-то не распахнулось и я не пришел к ошеломительному осознанию, что, оказывается, я убиваю и насилую себя самого. Это открытие таило в себе множество измерений и тем привело меня в замешательство. Интенсивная борьба подвела меня к некоему переломному моменту, где я внезапно постиг, что являюсь одновременно убийцей-насильником и жертвой. Эмпирически я понял, что мы — одно. Глядя в глаза своей жертвы, я обнаружил, что смотрю в глаза себе самому, и в слезах повторял: «Я же это делаю самому себе!»

Это была не кармическая инверсия, не переключение в прежнюю жизнь, где жертва и злодей поменялись местами. Скорее это был квантовый переход на эмпирический уровень, где все двойственности растворялись в едином всеохватном потоке. Это «я», которым я теперь стал, никоим образом не было моим личным, но являло собой единство, лежавшее в основе всего и включавшее всех людей. Охватывая весь человеческий опыт, оно было коллективным и в то же время крайне простым и неразделенным. Я был одно. Я был агрессором и жертвой, насильником и изнасилованным, убийцей и убиенным. Я делал все это с самим собой. На протяжении всей истории я делал это с самим собой.

Боль человеческой истории была моей болью. Там не было жертв, помимо меня. Ничего не происходило вне меня: все происходило во мне и со мной. Я был в ответе за все, что переживал, за все, что когда-либо происходило. Я смотрел в лицо своему творению. Я делал это. И делаю. Таков мой выбор. Я сам решил создать все эти ужасные миры.

Формы пустоты и пустота форм

В любой метафизической дискуссии о существовании зла мы должны учитывать еще один важный фактор. Тщательный анализ природы реальности, будь то эмпирический, научный или философский, откроет нам, что материальный мир и все происходящие в нем события — по сути пустота. Тексты различных буддийских школ предлагают медитативные практики, посредством которых можно открыть пустоту всех материальных объектов и отсутствие в нашем существе отдельного «я». Следуя наставлениям по духовной практике, мы можем достичь эмпирического подтверждения основного догмата буддизма — форма есть пустота, а пустота есть форма.

Это утверждение, в обычном состоянии могущее показаться нам парадоксальным или даже абсурдным, открывает глубокую истину о реальности, существование которой подтверждено современной наукой. В первые десятилетия XX века физики проводили систематические исследования с целью узнать состав материи вплоть до субатомного уровня. В ходе исследований они все больше убеждались в том, что в основе материи, которую они всегда считали плотной, на самом деле лежит пустота. В итоге вообще все отдаленно напоминающее плотное «вещество» полностью исчезло из картины и было заменено абстрактными вероятностными уравнениями.

Этот факт, обнаруженный буддистами эмпирически, а современными физиками

экспериментально, по сути согласуется с метафизическими рассуждениями Альфреда Норта Уайтхеда (Whitehead 1967), одного из величайших философов нашего века. Уайтхед называет веру в устойчивое существование отдельных материальных объектов «обманчивостью мнимой плотности». По Уайтхеду, Вселенная состоит из бесчисленного множества прерывистых всплесков эмпирической деятельности. Основным элементом, составляющим Вселенную, является не устойчивая субстанция, но момент переживания, называемый в его терминологии *действительным событием*. Этот термин применим к явлениям на всех уровнях реальности — от субатомных частиц до человеческих душ.

Как вытекает из сказанного выше, ни одно из событий нашей повседневной жизни, а значит, и ни одна из ситуаций, включающих страдание и зло, не является окончательно реальным в том смысле, в каком мы его обычно воспринимаем и переживаем. Чтобы это проиллюстрировать, я вернусь к уже упомянутой аналогии с кинофильмом. Когда мы смотрим фильм или телевизионное шоу, действующие лица, которых мы видим на экране, на самом деле являются различными аспектами одного и того же неделимого светового поля. В толковании происходящего у нас есть выбор: мы можем воспринимать его как сложную реальную драму жизни или как танец электромагнитных и акустических волн различной частоты, которые с целью создания специфического эффекта особым образом синхронизированы. В то время как неискушенный человек или ребенок может по ошибке принять кино за реальность, искушенный зритель прекрасно отдает себе отчет в том, что участвует в виртуальной, мнимой реальности.

Мы истолковываем игру света и звука как реальную историю, а действующих лиц — как отдельные сущности потому, что нам интересно переживание, к которому приводит подобная стратегия. Мы активно ищем таких переживаний и фактически делаем добровольный выбор, приходя в кино и покупая билет. В то же время, решив реагировать на ситуацию как на реальность, мы на другом уровне вполне сознаем, что герои фильма вымышлены и их играют актеры. С точки зрения нашего обсуждения особенно важно, что кинозритель знает: люди, убитые в фильме, на самом деле не умерли.

В соответствии с прозрениями, описанными в этой книге, человеческое заблуждение очень похоже на заблуждение кинозрителя. Поскольку нас привлекают переживания, которые предоставляет нам материальная реальность, то на некоем другом уровне реальности мы принимаем решение воплотиться. В космической драме отдельная личность действующего лица, включая нашу собственную, есть иллюзия, а материя, из которой, казалось бы, сделана Вселенная, в сущности пуста. Мир, в котором мы живем, реально не существует в той форме, в какой мы его воспринимаем. Духовные писания Востока сравнивают наше повседневное переживание мира со сном, от которого мы можем пробудиться. Фритьоф Шуон (Schuon 1969) выразил это весьма лаконично: «Вселенная — это сон, сотканный из снов, — бодрствует одна самость».

В космической драме, как и в кино или в театральной пьесе, на самом деле никого не убивают и никто не умирает, поскольку актер после исполнения своей роли вновь возвращается к своей большей, глубинной личности. В определенном смысле ни драмы, ни ее действующих лиц не существует вовсе, или они существуют и не существуют одновременно. С этой точки зрения винить Вселенский Разум за существование зла в мире было бы так же абсурдно, как выносить приговор режиссеру за преступления и убийства, совершенные на экране. Конечно, между живыми существами и персонажами кино есть одно важное различие. Даже если существа в материальном мире не таковы, какими они кажутся, переживание физической боли и душевных страданий, связанное с их ролью, реально. С киноактерами, понятно, обстоит совершенно иначе.

Такой взгляд на творение способен привести в сильное замешательство, даже несмотря на

то что основан он на весьма убедительных переживаниях людей, находившихся в холотропных состояниях, и в целом согласуется с научными данными, касающимися природы реальности. Эти проблемы становятся очевидными, как только мы начинаем задумываться о практических последствиях такого видения, например о том, какие перспективы это открывает для нашей жизни и для нашего повседневного поведения. На первый взгляд видение мира как «виртуальной реальности», а человеческой жизни как кинофильма тривиализирует нашу жизнь и не принимает во внимание глубину человеческих лишений. Может показаться, что такое понимание творения отрицает серьезность человеческих страданий и воспитывает в нас циничное безразличие: дескать, по сути ничто не имеет значения. Аналогичным образом принятие зла как неотъемлемой части творения и понимание его относительности может оправдать устранение всяких этических норм и неограниченное стремление к эгоистическим целям, т. е. опять-таки делает якобы бессмысленной всякую борьбу со злом в мире.

Однако в этом смысле ситуация гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Во-первых, практический опыт показывает, что осознание пустоты, стоящей за всеми формами, вовсе не означает отрицания любви ко всему творению. На самом деле трансперсональные переживания, ведущие к глубоким метафизическим прозрениям относительно природы реальности, порождают глубокое уважение ко всем живым существам и ответственное отношение к процессу жизни. Нашему состраданию не требуются материальные объекты: можно просто направлять его живым существам, являющимся единицами сознания.

Осознание пустоты, лежащей в основе мира форм, может значительно помочь и в преодолении трудных жизненных ситуаций. В то же время оно никоим образом не делает жизнь менее значительной и не мешает нам наслаждаться приятными моментами жизни и восхищаться ее красотой. Глубокое сострадание и восхищение творением вполне совместимо с пониманием того, что материальный мир не существует в той форме, в какой мы его переживаем. Ведь, так или иначе, мы способны эмоционально откликаться на великие произведения искусства и глубоко проникаться их образами! Но в отличие от произведений искусства в жизни все переживания действующих лиц реальны.

Влияние холотропного процесса на этические ценности и поведение

Прежде чем полностью оценить этические последствия трансцендентальных прозрений для нашего поведения, мы должны учесть ряд дополнительных факторов. Эмпирическое исследование, дающее доступ к таким глубинным прозрениям, как правило, раскрывает в нашем бессознательном важные биографические, перинатальные и трансперсональные источники насилия и алчности. Психологическая проработка этого материала ведет к значительному уменьшению агрессивности и к увеличению терпимости. Мы также сталкиваемся с широким спектром трансперсональных переживаний, в которых отождествляем себя с различными аспектами творения. Это порождает глубокое уважение к жизни и сочувствие ко всем живым существам. Таким образом, тот же процесс, что позволяет нам постичь пустоту форм и относительность этических ценностей, значительно уменьшает нашу склонность к аморальному и антисоциальному поведению и учит нас любви и состраданию.

Мы развиваем новую систему ценностей, которая основана не на общепринятых нормах, предписаниях, заповедях и страхе наказания, а на знании и понимании вселенского закона. Мы постигаем, что являемся неотъемлемой частью творения и потому, вредя другим, вредим себе. Кроме того, углубленное самоисследование приводит нас к эмпирическому открытию

перевоплощения и закона кармы. А отсюда вытекает осознание того, что, даже если избежишь социального возмездия за дурные поступки, они все равно повлекут за собой серьезные эмпирические воздействия.

Платон прекрасно отдавал себе отчет в глубоких нравственных последствиях нашей веры в возможность продолжения жизни после биологической смерти. В «Законах» он вкладывает в уста Сократа утверждение, что признание того, что грядет после смерти, — «благо для нечестивца». На более высоких стадиях духовного развития ослабление агрессивности, уменьшение эгоцентрической ориентации, чувство единства с живыми существами и осознание кармы становятся важными факторами, управляющими нашим повседневным поведением.

В этом контексте интересно упомянуть К.Г. Юнга и кризис, который он пережил, осознав относительность всех этических норм и ценностей. Юнг тогда всерьез задавался вопросом, важно ли на более высоких планах то, какое поведение мы выбираем и следуем ли этическим предписаниям. По некотором размышлении он нашел удовлетворительный для себя ответ на этот вопрос. Он пришел к выводу, что, поскольку абсолютных критериев нравственности не существует, каждое этическое решение является творческим актом, отражающим нынешний этап развития нашего сознания и доступную для нас информацию. Когда эти факторы меняются, мы, оглядываясь назад, можем иначе увидеть ситуацию. Однако это не означает, что наше первоначальное решение было неверным. Важно, что при данных обстоятельствах мы делали все возможное.

Хотя в продвинутых трансперсональных переживаниях мы можем выйти за пределы зла, его существование в нашей повседневной жизни и в других эмпирических сферах, в частности в сфере архетипов, представляется весьма реальным. В мире религии мы часто сталкиваемся с тенденциями изображать зло как нечто отдельное от божественного и чуждое ему. Холотропные переживания ведут к позиции, которую один из моих пациентов назвал «запредельным реализмом». Эта позиция примирения с тем фактом, что зло есть неотъемлемая часть творения и что все сферы, содержащие отдельных индивидов, всегда имеют и светлую, и темную стороны. Поскольку зло тесно вплетено в космическую канву и обязательно для существования эмпирических миров, его невозможно победить или уничтожить. Однако, если мы и не можем исключить зло из миропорядка, мы определенно способны преобразить себя и отыскать совершенно иные пути преодоления темной стороны бытия.

В ходе углубленной эмпирической проработки мы осознаем, что, поскольку физическая и душевная боль присущи воплощенному существованию как таковому, мы должны в той или иной степени испытывать их в нашей жизни. Первая Благородная Истина Будды напоминает о том, что жизнь означает страдание (*dukkha*) и это особым образом относится к ситуациям и обстоятельствам, влекущим за собой наши страдания, — к рождению, старости, болезни, смерти, к встрече с тем, что мы не любим, к отделению от того, что нам дорого, и отказу в том, что нам хочется. Кроме того, каждый из нас испытывает страдание, которое суждено ему и отражает его кармическое прошлое.

Мы не можем избежать страданий, но способны некоторым образом повлиять на их продолжительность и форму. Мои наблюдения, полученные в ходе работы с холотропными состояниями, указывают, что, сталкиваясь в направленных сеансах с трудными кармическими переживаниями в концентрированной и сжатой форме, мы становимся способны значительно сократить проявление этих элементов в нашей повседневной жизни. Существуют и другие способы, которые при систематическом самоисследовании помогают нам справиться со страданиями и с переживанием трудных аспектов бытия. После того как мы научились выносить чрезвычайную силу этих переживаний в холотропных состояниях, наше отношение к страданию и его порог подвергаются глубоким изменениям, а поэтому испытания и тяготы повседневной

жизни переносятся относительно легче.

Мы также обнаруживаем, что не являемся телом-эго или тем, что индуисты называют именем и формой, обликом (*нама-рупа*). В ходе самоисследования мы переживаем коренные сдвиги в собственном ощущении личности. В холотропных состояниях мы можем отождествить себя с чем угодно — начиная с незначительной частицы протоплазмы в огромной материальной Вселенной и кончая полнотой бытия и самим Абсолютным Сознанием. То, как мы видим себя — беспомощными жертвами могучих космических сил или соавторами наших жизненных сценариев, — естественным образом сказывается на том, до какой степени нам отведено в жизни страдать, а до какой радоваться и наслаждаться свободой.

Архетипы зла и будущее человечества

Прежде чем закончить эту главу, мне хотелось бы упомянуть некоторые интересные прозрения относительно связи между злом, будущим человечества и сохранением жизни на нашей планете. Горько сознавать, что на пороге нового тысячелетия мы столкнулись с серьезным и опасным глобальным кризисом. Понятно, что нечего и надеяться на выживание, если мы будем продолжать действовать так, как действовали на протяжении почти всей человеческой истории. Теперь необходимо обуздать человеческое насилие, демонтировать оружие массового поражения и обеспечить мир на земле. Не менее важно и остановить промышленное загрязнение воздуха, воды и почвы и переориентировать нашу экономику на возобновляемые энергетические источники. Еще одна важная задача — уничтожение нищеты и голода во всем мире и обеспечение лечения людям, страдающим от излечимых болезней.

Многие из нас глубоко озабочены такой ситуацией и искренне желают изменить ее и создать лучший мир. Очевидно, что ситуация эта достигла критической точки, и трудно представить себе какие-то простые акции, которые могли бы ее исправить. Трудность поисков решения обычно относят на счет чрезвычайной сложности текущего глобального кризиса, который включает целый комплекс проблем экономического, политического, этического, военного, психологического характера. Решения, если таковые возможны, видятся в исправлении аномальных тенденций в этих разнообразных областях.

В холотропных состояниях мы обнаруживаем, что у этой проблемы есть и весьма тревожное метафизическое измерение. Мы начинаем отдавать себе отчет, что происходящее в нашем мире определяется не одними только материальными причинами. В конечном счете оно непосредственно отражает динамику сферы архетипов. Силы и сущности, оперирующие в этой сфере, сильно поляризованы: пантеон архетипических фигур включает в себя как благие, так и гневные божества. Архетипические принципы — добро, нейтральное и зло — представляют собой неотъемлемую часть творения и необходимые элементы в космической игре. По этой причине устранить зло из устройства Вселенной невозможно. Половину архетипического пантеона просто «отстранить от дел» нельзя.

В свете этих прозрений совершенно очевидно, что, если мы хотим улучшить ситуацию в мире и уменьшить воздействие элементов зла на наши повседневные дела, нам нужно найти для архетипических сил, которые в ответе за эти элементы, менее разрушительные и менее опасные формы выражения. Назрела необходимость создавать ситуации, в которых мы могли бы выразить архетипическим силам свое почтение и дать им альтернативную возможность выражения, не разрушающего нашу жизнь, а, наоборот, оказывающего ей поддержку. Иногда в холотропных состояниях приходят интересные идеи относительно такого рода деятельности и

институтов.

Для уменьшения воздействия потенциально разрушительных архетипических сил в нашем мире могло бы послужить прежде всего отыскание безопасных каналов для их выражения в холотропных состояниях сознания. Сюда могли бы войти программы систематических духовных практик различной ориентации, разнообразные формы эмпирической психотерапии, обеспечивающие доступ к перинатальным и трансперсональным переживаниям, а также центры, предлагающие психоделические сеансы под наблюдением специалистов. Весьма важно было бы также вернуться к санкционированным обществом ритуальным действиям вроде тех, что существовали в древних и туземных культурах. Современные версии ритуалов перехода могли бы обеспечить сознательное переживание тяжелых энергий, направленных на разрушение и саморазрушение, предотвращая тем самым их неблагоприятное воздействие на общество. Дополнительными интересными альтернативами могли бы стать новые, динамичные формы искусства и развлечений, использующие технологию виртуальной реальности.

Эти преобразовательные методы можно дополнить различными видами деятельности, ориентированной вовне и служащей той же цели. Так, мощные и потенциально разрушительные взрывные энергии, которые ныне выражаются в смертоносных войнах, можно бы отчасти нейтрализовать, направив на реализацию глобальной крупномасштабной программы по освоению космоса или на другие технические проекты. Подобную же возможность могут обеспечить события соревновательного характера — начиная со спортивных состязаний и кончая соревнованиями в развитии науки и техники. Некоторая часть этой энергии может найти выход в парках хитроумных аттракционов, в проведении карнавалов и зрелищ наподобие древних и средневековых празднеств, в которых участвовали короли, аристократия, дворянство и простой люд. Если в вышеперечисленных прозрениях есть доля истины, задача по разработке таких новых форм приобретает большой интерес.

Глава седьмая

Рождение, секс и смерть: космическая связь

Смерть граничит с нашим рождением, и наша колыбель стоит в могиле.

Джозеф Холл

Человек сразу же ставит себя на уровень животного, если ищет лишь улажнения похоти, но он устанавливает свое верховенство, когда, укрощая животное желание, соединяет с сексуальными функциями идеи смертности, возвышенного и прекрасного.

Рихард Крафт-Эбинг

Сокровенные связи между рождением, сексом и смертью

В главе о способах воссоединения с космическим истоком я вкратце упомянул три аспекта человеческой жизни, которые особо тесно связаны с трансперсональной сферой, а именно рождение, секс и смерть. Как мы видели, все эти три аспекта суть врата, позволяющие человеку выйти за пределы собственной личности и предоставляющие ему уникальные возможности космического воссоединения. Это справедливо независимо от того, встречаемся ли мы с данными ситуациями реально, в повседневной жизни, или символически, в процессе углубленного эмпирического самоисследования.

Как сами роженицы, так и люди, помогающие процессу родов или наблюдающие его, могут переживать мощное духовное раскрытие. Это случается, если роды происходят не в дегуманизированной обстановке больницы, но в условиях, где возможно полное переживание их психологического и духовного воздействия. Мощным катализатором мистических переживаний может послужить и близкое соприкосновение человека со смертью или общение с умирающими. Порой глубоко кодуховным событием может стать физическая близость с чрезвычайно удачным партнером, а в некоторых случаях она даже инициирует непрерывный процесс эволюции сознания. Эта тесная связь между сексуальностью и духовностью лежит в основе многих тантрических практик Востока.

Кроме тесной связи с духовностью рождение, секс и смерть демонстрируют значимое эмпирическое взаимодействие. Для многих женщин роды, протекающие без осложнений и в благоприятных условиях, могут стать сильнейшим сексуальным переживанием в их жизни. И наоборот, мощный сексуальный оргазм как у женщин, так и у мужчин может иногда принимать форму психодуховного возрождения. Такой оргазм порой бывает настолько всепоглощающим, что может субъективно переживаться как смерть. Связь между сексуальным оргазмом и смертью во французском языке отражена выражением «la petite mort», что означает «малая смерть». А умирание, особенно связанное с удушьем, может содержать сильный сексуальный компонент.

Такая же тесная связь существует между рождением и смертью. Многие женщины на

поздних стадиях беременности видят сны, содержащие мотивы смерти и разрушения. Как для матери, так и для ребенка, роды — событие, несущее в себе потенциальную угрозу жизни. Даже если роды проходят легко, ничем не угрожают жизни, они все равно могут сопровождаться сильным страхом смерти. Справедливо и обратное: в присмертных переживаниях и родах есть общие элементы, например ощущение прохождения сквозь туннель или трубу, навстречу свету.

В работе с холотропными состояниями нас могут посетить глубокие прозрения, касающиеся природы эмпирических связей между рождением, сексом и смертью. В бессознательном эти три важные области нашей жизни настолько тесно связаны и переплетены между собой, что невозможно переживать одну из них, не соприкасаясь с двумя другими. Это кажется удивительным, поскольку в повседневной жизни мы обычно рассматриваем данные три области отдельно друг от друга и обсуждаем их в различных контекстах. Рождение отмечает начало нашей жизни, позволяя младенцу появиться на свет. Смерть, если, конечно, она не является результатом тяжелой болезни или несчастного случая, связана с преклонным возрастом и, таким образом, с заключительной стадией нашей жизни. Сексуальность, в полном смысле этого слова, относится к среднему периоду нашей жизни — физической зрелости.

Рождение, секс и смерть в перинатальном процессе

Этот общепринятый взгляд на связь между рождением, сексом и смертью подвергается глубочайшим изменениям, когда процесс глубокого эмпирического самоисследования покидает уровень воспоминаний детства и младенчества и восходит к рождению, к перинатальной сфере психики. Мы начинаем сталкиваться с эмоциями и физическими ощущениями чрезвычайной интенсивности, зачастую превосходящей все, что мы прежде считали человеческими возможностями. В этот момент переживания становятся странной смесью двух тем — рождения и смерти. Они несут в себе ощущение сурового, угрожающего жизни узилища и отчаянной, упорной борьбы за освобождение и выживание. На перинатальном уровне эта тесная связь между рождением и смертью отражает тот факт, что роды — событие, потенциально угрожающее жизни. В их процессе ребенок и мать могут погибнуть на самом деле. Иногда дети рождаются бездыханными и их приходится оживлять.

Воскрешение в памяти различных аспектов биологического рождения может быть весьма ярким, убедительным и зачастую воспроизводить этот процесс в фотографических подробностях. Это случается даже с людьми, которые ничего не знают о подробностях своего рождения и уж тем более не имеют акушерских знаний. Например, в непосредственном переживании мы можем открыть для себя, что родились в ягодичном предлежании, что во время родов использовались щипцы или что мы родились с обвитой вокруг шеи пуповиной. Мы можем почувствовать тревогу, биологическую ярость, физическую боль и удушье, связанные с этим устрашающим событием, а также в точности узнать, какая анестезия применялась при нашем рождении. Эти переживания часто сопровождаются различными позами и движениями головы и тела, которые в точности воссоздают механику того или иного типа родов. Все эти подробности можно документально подтвердить, если сохранились записи о процессе родов или есть надежные свидетели.

Представленность в нашей психике рождения и смерти, а также тесной связи между ними может удивить традиционных психологов и психиатров, хотя на самом деле она логически объяснима и вполне понятна. Процесс родов беспощадно обрывает внутриматочное существование плода. Плод «умирает» как водный организм и рождается как воздуходышащая, физиологически и даже анатомически отличная от него форма жизни. Прохождение через родовый канал — ситуация сама по себе трудная и потенциально угрожающая жизни.

Однако не так-то легко понять, почему в перинатальную динамику постоянно входит еще и

сексуальный аспект. Тем не менее, когда мы, отождествляя себя с плодом, воскрешаем в памяти заключительные стадии своего рождения, этот процесс, как правило, сопровождается необычайно сильным сексуальным возбуждением. То же самое справедливо для рожениц, переживания которых характеризуются смесью страха смерти и сильного сексуального возбуждения. Эта связь кажется странной и загадочной, особенно что касается эмбриона, и ее определенно следует объяснить хотя бы в нескольких словах.

В человеческом организме, по всей видимости, есть механизм, который преобразует крайние страдания, особенно связанные с удушьем, в особую форму сексуального возбуждения. Кроме родов эта эмпирическая связь может наблюдаться в ряде других ситуаций. Люди, которые пытались повеситься, но в последнюю минуту были спасены, обычно рассказывают, что в момент удушения ощущали почти невыносимое сексуальное возбуждение. Известно, что у мужчин, казненных через повешение, зачастую наблюдается эрекция и даже эякуляция. В литературе, описывающей пытки и «промывку мозгов», отмечается, что нечеловеческие физические страдания часто вызывают состояния сексуального оргазма. В менее крайней форме этот механизм действует в различных садомазохистских практиках, которые включают удушение. У флагеллантов, регулярно подвергавших себя пыткам, а также у религиозных мучеников, переносивших невообразимые страдания, первоначальная нестерпимая боль вызывала сексуальное возбуждение, а затем экстатическое блаженство и запредельные переживания.

Динамика и символизм базовых перинатальных матриц (БПМ)

До сих пор мы обсуждали только эмоциональные и физические аспекты переживаний рождения. Однако эмпирический спектр перинатальной сферы бессознательного не ограничивается элементами, происходящими из биологических процессов деторождения. Он включает также множество символических образов, взятых из трансперсональных сфер. Перинатальная сфера является важным связующим звеном между биографическим и трансперсональным уровнями психики. Она представляет собой врата к историческому и архетипическому аспектам коллективного бессознательного в юнговском смысле. Поскольку специфический символизм этих переживаний ведет свое происхождение не из банков индивидуальной памяти, а из коллективного бессознательного, он может исходить из любого географического и исторического контекста, равно как из любой духовной традиции мира, независимо от расы, культуры, образования и вероисповедания индивида.

Отождествление с младенцем, претерпевающим муки прохождения через родовой канал, обеспечивает доступ к переживаниям людей других времен и других культур, а также к переживаниям всевозможных животных и мифологических персонажей. Соединяясь с переживанием плода, борющегося за свое рождение, человек словно достигает близкой, почти мистической связи с сознанием всего рода человеческого, а также с сознанием других живых существ, которые находятся или находились в подобном трудном положении.

Эмпирическая встреча с рождением и смертью, похоже, автоматически влечет за собой духовное раскрытие и обнаружение мистических измерений психики и бытия. Как я упоминал ранее, не имеет значения, происходит ли эта встреча с рождением и смертью в реальных жизненных ситуациях, таких, как роды и присмертные переживания, или же она является чисто символической. Впечатляющие перинатальные события, переживаемые на психоделических и холотропных сеансах или в ходе спонтанных психодуховных кризисов («критических состояний духа»), по всей видимости, имеют один и тот же результат.

Биологическое рождение подразделяется на три этапа. На первом из них периодически сокращающиеся мышцы матки сжимают зародыш, не давая ему никакого шанса избежать этой

ситуации, поскольку шейка матки плотно закрыта. Дальнейшие сокращения как бы натягивают шейку матки на головку плода, до тех пор пока шейка достаточно не расширится, чтобы обеспечить проход через родовой канал. Полное расширение шейки матки отмечает переход от первого этапа родов ко второму, который характеризуется нисхождением головки плода в область таза матери и постепенным проталкиванием через родовой проход. И в конце концов на третьем этапе новорожденный появляется из родового канала и после перерезания пуповины становится биологически независимым организмом.

На каждом из этих этапов младенец испытывает особый набор интенсивных эмоций и физических ощущений. Эти переживания оставляют в бессознательном психики глубокие отпечатки, которые играют важную роль в дальнейшей жизни индивида. Воспоминания о рождении, усиленные эмоционально важными переживаниями младенчества и детства, могут формировать мировосприятие, оказывать глубокое влияние на повседневное поведение и вносить свой вклад в развитие различных эмоциональных и психосоматических расстройств. В холотропных состояниях этот бессознательный материал может всплыть на поверхность и полностью явиться в переживания. Когда в ходе углубленного самоисследования мы возвращаемся к переживанию своего рождения, мы обнаруживаем, что воскрешение в памяти каждой стадии родов связывается с различными эмпирическими моделями, которые характеризуются особым сочетанием эмоций, физических ощущений и символических образов. Я называю эти модели базовыми перинатальными матрицами (БПМ).

Первая базовая перинатальная матрица (БПМ-I)

Первая перинатальная матрица (БПМ-I) относится к внутриматочному переживанию, предшествующему родам, а остальные три (БПМ-II — БПМ-IV) — к трем вышеописанным клиническим этапам родов. Кроме элементов, представляющих переигрывание действительной ситуации плода на каждом конкретном этапе родов, базовые перинатальные матрицы включают различные природные, исторические и мифологические сцены из трансперсональных сфер, обладающие похожими эмпирическими качествами. Далее я вкратце обрисую эту специфическую связь между перинатальными движущими силами и трансперсональной сферой.

Прежде чем рассматривать эту специфику, я хотел бы подчеркнуть, что каждый этап родов связан с особыми символическими образами и переживаниями. Причину этих связей невозможно понять, пользуясь терминами общепринятой логики. Однако это не означает, что связи эти произвольны и случайны. У них есть свой глубинный порядок, который лучше всего было бы назвать «эмпирической логикой». Иными словами, связь между переживаниями, характерными для различных этапов родов, и сопутствующими символическими темами основывается не на некоем формальном эмпирическом сходстве, а на том, что их объединяют одинаковые эмоции, чувства и физические ощущения.

Переживая эпизоды безмятежного эмбрионального существования (БПМ-I), мы часто встречаемся с образами огромных просторов, где нет никаких границ. Иногда мы отождествляемся с галактиками, межзвездным пространством или со всем космосом, а порой как бы плаваем в океане или становимся различными океаническими животными, такими, как рыба, дельфин или кит. Переживание безмятежного внутриутробного существования в «хорошей матке» может выразиться и в видениях природы — безопасной, красивой и всегда дающей пропитание (Мать-Природа). Мы можем видеть пышные фруктовые сады, поля, на которых зреет урожай, сельскохозяйственные террасы Анд и девственную природу островов Полинезии. Переживание хорошей матки может иногда обеспечивать доступ к архетипической сфере коллективного бессознательного и раскрываться в образах рая и небес, описанных в мифах различных культур.

Когда мы воскрешаем в памяти эпизоды внутриутробных расстройств, или переживания «плохой матки», у нас возникает ощущение мрачной, зловещей угрозы, и мы зачастую чувствуем, что нас отравляют. У нас могут возникнуть образы загрязненных вод и токсичных свалок. Здесь отражается тот факт, что многие пренатальные расстройства вызываются токсикозом организма будущей матери. Переживание токсичного лона может сопровождаться видениями устрашающих демонических персонажей из архетипической сферы коллективного бессознательного. Переживания более сильных помех во время пренатального существования, таких, как, например, угроза выкидыша или попытка аборта, сопровождаются ощущениями вселенской угрозы или кровавыми апокалиптическими видениями конца света.

Вторая базовая перинатальная матрица (БПМ-II)

Когда эмпирическая регрессия достигает начала биологического рождения, мы, как правило, чувствуем, что нас засасывает гигантский водоворот или проглатывает какое-то мифическое животное. Порой люди переживают и поглощение всего мира или даже космоса. Это может сопровождаться образами алчных архетипических чудовищ, вроде левиафанов, драконов, гигантских змей, тарантулов и кракенов. Это подавляющее чувство угрозы для жизни вызывает сильнейшую тревогу и подозрительность, граничащую с паранойей. Мы можем переживать и нисхождение в глубины преисподней, обитель мертвых или ад. По красноречивому выражению мифолога Джозефа Кэмпбелла, это универсальный мотив мифов о странствиях героя (Campbell 1968).

Воскрешение в памяти всего первого этапа биологического рождения, когда матка сокращается, но шейка ее еще не раскрылась (БПМII), является для человека одним из самых тяжелых переживаний. Мы чувствуем, как нами овладевает чудовищный кошмар безвыходно замкнутого пространства, страдаем от мучительной душевной и физической боли и испытываем полную беспомощность и безнадежность. Чувства одиночества, вины, абсурдности жизни и экзистенциального отчаяния могут достигать метафизических масштабов. Мы теряем связь с линейным временем и приходим к убеждению, что эта ситуация никогда не кончится и что из нее нет абсолютно никакого выхода. У нас нет ни малейшего сомнения, что происходящее с нами не что иное, как описанный в религиях Ад, — невыносимые душевные и физические муки без какой-либо надежды на освобождение. Это переживание может действительно сопровождаться архетипическими образами дьяволов и ландшафтами преисподней, описанными в различных культурах.

В этой гнетущей, безвыходной ситуации нахождения в тисках сокращающейся матки мы можем эмпирически выйти на события из коллективного бессознательного, где люди, животные и даже мифологические существа находятся в сходных мучительных и безнадежных обстоятельствах. Мы отождествляем себя с узниками тюрем, концлагерей и сумасшедших домов, а также с животными, попавшими в западню. Возможны переживания нестерпимых мук грешников в аду или Сизифа, катящего свой камень на вершину горы в глубочайших недрах преисподней. Наша боль может стать терзаниями Христа, вопрошающего Бога, почему Он оставил его. Нам кажется, будто перед нами перспектива вечного проклятия. Это состояние мрака и крайнего отчаяния известно из духовной литературы как «темная ночь души». Но если посмотреть шире, абстрагируясь от чувства крайней безнадежности, то можно увидеть в этом состоянии важный этап духовного раскрытия. Переживаемое во всей глубине, оно может стать для человека невероятно очищающим и освобождающим.

Третья базовая перинатальная матрица (БПМ-III)

Переживание второго этапа рождения — проталкивания через родовой канал после того,

как раскроется шейка матки и головка плода опустится в область таза (БПМ-III) — обычно характеризуется богатой динамикой. Когда мы сталкиваемся с энергией схваток и гидравлическим давлением, нас переполняют образы из коллективного бессознательного, отражающие события чудовищных битв, а также сцены кровопролития и пыток. На этой фазе мы сталкиваемся и с невероятно мощными сексуальными импульсами и энергиями сомнительной природы.

Ранее я уже говорил о том, что сексуальное возбуждение является важным элементом переживания рождения. Тем самым эта первая встреча с сексуальностью происходит в очень рискованной ситуации, где наша жизнь находится под угрозой, где мы испытываем боль сами и причиняем ее матери и где мы неспособны дышать. В то же время мы охвачены сильнейшей тревогой и примитивной биологической яростью, каковая представляет собой вполне понятную реакцию плода на столь мучительное и угрожающее жизни переживание. На заключительных этапах родов возможен контакт с различными видами биологического материала — кровью, слизью, мочой и даже калом.

Ввиду сомнительно-проблематичного характера этой связи переживания и образы, с которыми мы встречаемся на этом этапе, обычно представляют секс в грубой и искаженной форме. Странная смесь сексуального возбуждения с физической болью, агрессией, острой тревогой и биологическим материалом приводит к образам порнографическим, извращенным, садомазохистским, скатологическим и даже сатанинским. На нас могут обрушиться драматические сцены сексуальных оскорблений, извращений, изнасилований и убийств на сексуальной почве.

В некоторых случаях эти переживания могут принимать форму участия в ритуалах ведьм и сатанистов. Видимо, потому, что повторное переживание этого этапа рождения включает ту же странную смесь эмоций, ощущений и элементов, которая характеризует архетипические сцены черной мессы и ведьмовского шабаша (вальпургиевой ночи), иначе говоря, смесь сексуального возбуждения, панической тревоги, агрессии, угрозы жизни, боли, ощущения принесения в жертву и контакта с отвратительными биологическими материалами. Эта причудливая эмпирическая смесь сопровождается переживанием священного или божественного, поскольку данные события разворачиваются в непосредственной близости к духовному раскрытию.

Данной стадии рождения сопутствуют порой несчетные образы из коллективного бессознательного, отражающие сцены чудовищной агрессии, — грязные побоища, кровопролитные революции, жестокая резня и геноцид. Во всех сценах секса и насилия, с которыми мы сталкиваемся на этой стадии, мы выступаем то в роли палача, то в роли жертвы. Это — время главной встречи с темной стороной нашей личности, с юнговской Тенью, о которой мы говорили в главе о добре и зле. Когда эта перинатальная фаза достигает своей кульминации и близится к разрешению, у многих людей возникают видения Христа, крестного пути и распятия, а иногда они даже переживают полное отождествление со страданиями Иисуса. Архетипическая сфера коллективного бессознательного привносит в эту фазу героические и мифологические персонажи и божества, представляющие смерть и возрождение, такие, как египетский Осирис, греческие божества Дионис и Персефона и шумерская богиня Инанна.

Четвертая базовая перинатальная матрица (БПМ-IV)

Третий этап процесса рождения, т. е. собственно появление на свет (БПМ-IV), как правило, начинается темой огня. У нас может возникнуть ощущение, что наше тело охватывает иссушающий жар, видения пылающих городов и лесов или отождествления с теми, кого приносят в жертву. Архетипические версии этого огня могут принять форму очистительного

пламени чистилища или легендарной птицы Феникс, которая погибает в своем горящем гнезде, чтобы восстать из пепла и возродиться обновленной. Очистительный огонь разрушает в нас все извращенное и готовит нас к духовному возрождению. Воскрешая в памяти настоящий момент рождения, мы переживаем его как полное уничтожение, за которым следует воскрешение и возрождение.

Чтобы понять, почему мы вновь переживаем биологическое рождение как смерть и возрождение, нужно отдавать себе отчет, что происходящее являет собой нечто гораздо большее, чем просто повторение подлинного события рождения. Во время родов мы полностью скованы родовым каналом и потому не имеем возможности выразить экстремальные эмоции и ощущения, вовлеченные в этот процесс. Таким образом, наша память об этом событии остается психологически «непереваренной» и неусвоенной. Наше более позднее представление о себе и отношение к миру большей частью сильно загрязнены этим постоянным глубоким напоминанием об уязвимости, неполноценности и слабости, которые мы переживали при рождении. В некотором смысле наше «эмоциональное» рождение отстает от рождения анатомического, когда критическая ситуация и опасность остаются позади. В борьбе за возрождение «умирание» и агония отражают реальную боль и угрозу жизни, присущие биологическому процессу рождения. Однако смерть «я», непосредственно предшествующая возрождению, есть смерть наших старых представлений о себе и о мире, выкованных травмирующими отпечатками рождения.

По очищении психики и тела от этих старых программ путем перевода их на уровень сознания мы уменьшаем их энергетический заряд и разрушительное воздействие на нашу жизнь. Если смотреть на этот процесс шире, то можно увидеть, что он обладает целительным и преображающим свойством. И все же по мере приближения к его окончательному завершению у нас возникает парадоксальное ощущение, что вместе с избавлением от старых отпечатков мы умираем. Иногда мы переживаем не только это чувство собственного уничтожения, но и разрушение всего известного нам мира.

Когда от переживания полного освобождения нас отделяет всего лишь один шаг, в нас возникает чувство всепроникающей тревоги и надвигающейся катастрофы огромных масштабов. Это ощущение неминуемой гибели может быть очень убедительным и ошеломляющим. Здесь преобладает чувство утраты всего нам известного, утраты себя. Вместе с тем мы совершенно не представляем, что находится на другой стороне и есть ли там что-либо вообще. Из-за этого страха многие люди на данном этапе по возможности пытаются отчаянно сопротивляться. В результате они могут остаться психологически прикованными к этой проблемной области на неопределенный период времени.

Встреча со смертью «я» — такая стадия духовного странствия, на которой нам могут потребоваться ободрение и психологическая поддержка. Когда мы успешно преодолеваем метафизический страх, связанный с этим критическим моментом, и позволяем процессу течь свободно, мы переживаем полное уничтожение на всех вообразимых уровнях, включая физическое разрушение, эмоциональное опустошение, интеллектуальное и философское поражение, окончательное моральное падение и даже духовное проклятие. В ходе этого переживания все точки отсчета, а также все, что в нашей жизни было важно и значимо, безжалостно уничтожается.

Вслед за переживанием полного уничтожения — «достижения космического дна» — нас захлестывают видения света сверхъестественной яркости и красоты, который обычно воспринимается как нечто священное. Это божественное прозрение порой сопровождается красивыми радугами, сквозистыми узорами павлиньих перьев и видениями небесных сфер с ангельскими существами и божествами в ореоле света. В это же время мы переживаем

захватывающую встречу с архетипической фигурой Великой Богини-Матери или с одной из ее форм, относящейся к той или иной культуре.

Переживание психодуховной смерти и возрождения — главный шаг к ослаблению нашего отождествления с «эго в коконе из кожи» и воссоединению с запредельным. Мы чувствуем искупление, освобождение и благословение и по-новому осознаем свою божественную природу и космический статус. Мы также обычно переживаем наплыв положительных эмоций по отношению к себе, другим людям, природе, Богу и существованию в целом. Нас наполняют оптимизм и чувство душевного и физического комфорта.

Однако важно подчеркнуть, что этот вид целительного и изменяющего жизнь переживания встречается, лишь если процесс биологического рождения не перебивался слишком сильной анестезией. Если же такой факт имел место, то переживание возрождения не ощущается как победоносное появление на свет. Оно больше походит на пробуждение и выздоровление от похмелья, с присущими ему головокружением, тошнотой и помутнением сознания. Эти дополнительные моменты нуждаются в серьезной психологической проработке, и положительные результаты здесь не столь поразительны.

Перинатальный процесс и коллективное бессознательное

Из всего вышесказанного видно, что перинатальная сфера психики представляет собой чрезвычайно важный эмпирический перекресток. Это не просто точка схождения трех самых критических моментов биологического существования — рождения, секса и смерти, — а линия раздела между жизнью и смертью, индивидом и видом, психикой и духом. Полностью осознанное переживание содержания этой сферы психики с последующим сведением воедино всех ее моментов может очень сильно повлиять на человека и привести его к духовному раскрытию и глубокому личному преображению.

Люди обычно начинают этот процесс интенсивного эмпирического самоисследования по весьма личным причинам — либо с терапевтическими целями, либо ради собственного эмоционального и духовного роста. Однако определенные аспекты перинатальных переживаний явно указывают на то, что по своей значимости происходящее намного превосходит узкие интересы индивида. Сила задействованных эмоций и физических ощущений, а также частое отождествление с бесчисленным множеством людей различных исторических эпох придает этим переживаниям отчетливый трансперсональный характер.

В нижеследующей выдержке из отчета о мощном сеансе, включающем холотропное состояние сознания, прекрасно схвачена природа перинатальных переживаний, их сила и степень участия в них коллективного бессознательного человечества:

Я был удивлен и обескуражен тем, насколько мучительным оказался этот сеанс. Он не был личным и мало касался моего биологического рождения. Испытываемая мною боль явно относилась прежде всего к рождению человека как вида, а уже потом — к моему рождению. Границы моего опыта расширились настолько, что охватили всю человеческую расу и всю человеческую историю, и это «я» было во власти такого ужаса, который не поддается описанию. Там было яростное безумие, кипящий океан хаоса, боли и разрушения. Казалось, весь род человеческий собрался отовсюду и совершенно обезумел.

Люди нападали друг на друга с бешеной яростью, усиленной фантастическим оружием. Передо мной вихрем проносились и сталкивались тысячи людей: одни убивали своих жертв самыми различными способами, другие бежали в панике, третьи оказывались в окружении, а четвертые при виде происходящего кричали от ужаса,

либо, наблюдая, как человечество сходит с ума, переживали невероятные страдания, — и все переживания этих людей одновременно были в моем «я». Масштаб этих смертей и безумия описать невозможно, ибо невозможно найти критерий оценки, а доступные мне категории суть упрощенческие приближения, дающие лишь очень смутное представление о происходящем.

Эти страдания охватывают всю историю человечества и носят как видовой, чисто человеческий, так и архетипический характер. Они включают самые необузданные научно-фантастические миры, где царит невообразимый ужас, и распространяются не только на людей, но и на многие миллиарды ключев материи, разорванной страшными взрывами галактик. Этому ужасу нет конца. Это конвульсии человечества, корчи Вселенной. Мимо проплывали сцены трагических страданий, вызванных природными катаклизмами и человеческой безответственностью. Я видел тысячи голодающих детей со всего земного шара, их распухшие от голода тела, их глаза, безучастно взирающие на человечество, которое убивает их систематическим и хищническим уничтожением окружающей среды и наплевательским отношением к ней. Я видел непрекращающееся насилие между мужчинами и женщинами — изнасилования, побои, угрозы, месть, — и все это на протяжении всей истории, цикл за циклом.

Ввиду необычной природы перинатальных переживаний возникает ряд интересных и важных вопросов. Почему в процессе углубленного самоисследования мы достигаем такой фазы, когда выходим за пределы наших индивидуальных границ и соединяемся с коллективным бессознательным и с историей нашего вида? Почему это так тесно связано со смертью и с переживанием рождения? Каким образом и почему этот процесс связан с сексуальностью? Какую роль в этих переживаниях играют нередко встречающиеся архетипические элементы? И наконец, каковы функция и смысл этого процесса и как он связан с духовностью и эволюцией сознания?

Здесь я хочу обратиться к трудам Кристофера Баха (Christofer Bache 1996), который внес в эти вопросы некоторую ясность. Бах показал, что ключом к пониманию перинатального процесса является его функция, а именно освобождение нас от оков изолированного, непросветленного существования и пробуждение сознания нашей истинной природы, нашей сущностной тождественности творческому принципу. Перинатальная сфера, подобно римскому богу Янусу, имеет двойственную природу. Она оборачивается к нам то одним ликом, то другим, в зависимости от того, с какой стороны мы на нее смотрим — с позиции телесного эго или с позиции нашей трансперсональной самости.

Если взглянуть на перинатальную сферу с личностной позиции, она предстает как основа нашего индивидуального бессознательного, как хранилище «непереваренных» фрагментов переживаний, которые более всего ставят под угрозу нашу жизнь и сохранность тела. С этой точки зрения мы воспринимаем перинатальный процесс и насилие, которое он за собой влечет, прежде всего как угрозу нашему индивидуальному существованию. С трансперсональной точки зрения отождествление с телесным эго есть продукт укоренившегося неведения, опасная иллюзия, которая в ответе за то, что мы проживаем свою жизнь непродуктивно, разрушительно и самоуничтожающе. Как только мы начинаем понимать эту основополагающую истину бытия, перинатальные переживания, несмотря на их яростную и мучительную природу, становятся для нас хотя и радикальными, жесткими, но в то же время сострадательными попытками разрушить тюрьму нашей ложной личности и духовно освободиться. Мы не разрушаемся, но рождаемся к более высокой реальности, где воссоединяемся с нашей истинной природой.

Индивидуальная трансформация и исцеление сознания вида

Из практики эмпирической терапии известно, что, полностью проработав воспоминания душевной и физической боли младенчества, детства и более поздней жизни, мы можем очистить свое бессознательное от «непредвиденных» моментов. Обеспечивая доступ к положительным переживаниям, этот процесс еще и освобождает нас от искажающего влияния давних травм, которые делают нашу жизнь неудовлетворительной и неполноценной. Кристофер Бах утверждает, что перинатальные переживания аналогичным образом могут сыграть важную роль в лечении травматического прошлого человечества как вида.

Разве не похоже на правду, задает вопрос Кристофер Бах, что память о насилии и ненасытной алчности, вплетенная в ткань человеческой истории, вызывает нарушения в коллективном бессознательном, которые заражают настоящее человечества? Почему целительное воздействие, по мере расширения нашего сознания за пределы телесного эго, не может распространиться не только на отдельного человека, но и на всех людей? Неужели непонятно, что, переживая боль, которую бесчисленные поколения людей причиняли друг другу на протяжении всей человеческой истории, мы в действительности очищаем коллективное бессознательное и способствуем лучшему будущему планеты?

В духовной литературе представлено много великих примеров индивидуальных страданий во искупление вины мира. В христианской традиции таким примером является Иисус Христос, который умер на кресте за грехи человечества. Этот факт ярко отражен в мифологической теме сошествия во ад, где рассказывается, как Иисус после смерти на кресте и до воскресения нисходит во ад и силой своего страдания и самопожертвования освобождает грешников. Индуистская традиция принимает возможность, что очень продвинутые йоги могут оказать значительное положительное влияние на ситуацию в мире и коллективные проблемы человечества, встречаясь с ними лицом к лицу в глубокой медитации, но физически не покидая своих пещер.

В буддизме махаяны есть прекрасный архетипический образ Бодхисатвы, который, достигнув просветления, отказывается уйти в нирвану и дает священный обет продолжать перевоплощаться до тех пор, пока не будут освобождены все живые существа. В своем обете Бодхисатва выражает намерение принимать страдания воплощенного существования, чтобы помочь другим:

Нет числа живым существам,
но я обещаю всех их спасти.
Заблуждения неисчерпаемы,
Но я обещаю положить им конец.
Врата Дхармы многочисленны,
Но я обещаю войти во все.
Путь Будды — наивысший,
Но я обещаю свершить его.

Умирание прежде смерти

Многие люди, которым довелось переживать холотропные состояния, сообщают, что

перинатальный уровень психики видится им как врата между трансцендентной сферой и материальной реальностью, как проход, действующий в обоих направлениях. Во время нашего биологического рождения, когда мы являемся в материальный мир, мы «умираем» для трансцендентного измерения; и наоборот, нашу физическую смерть можно рассматривать как рождение в мир духа.

Однако духовное рождение не обязательно связано со смертью тела. Оно может произойти в любое время в ходе глубинного самоисследования или даже во время спонтанного психодуховного кризиса («критического состояния духа»). Таким образом, оно является чисто символическим событием, «смертью эго», или «умиранием прежде смерти», не влекущим за собой никаких биологических разрушений. Абрагам а Санта-Клара, австрийский монах-августинианец XVII века, выразил это в одной фразе: «Человек, умирающий прежде смерти, не умирает, когда приходит смерть».

Это «умирание прежде смерти» играло важную роль во всех шаманских традициях. Шаманы, переживая кризисы посвящения, утрачивают страх смерти и хорошо осваивают ее эмпирическую территорию. В результате они учатся посещать эту сферу по своему желанию и обеспечивать аналогичные переживания другим. В мистериях смерти и возрождения, широко распространенных в Средиземноморье и других частях Древнего мира, посвящаемые переживали глубокую символическую встречу со смертью. В этом процессе они утрачивали страх смерти и развивали в себе совершенно новую систему ценностей и жизненную стратегию.

Переживание психодуховной смерти и возрождения («второе рождение», «рождение из влаги и духа», становление «двиджей», дваждырожденных) играло важную роль во многих религиозных традициях. Все доиндустриальные культуры считали, что эти переживания имеют огромное значение как для отдельного человека, так и для всего общества, и разрабатывали надежные и эффективные способы их вызова в различных ритуалах. Современная психиатрия рассматривает те же переживания как патологические и, если такие переживания возникают у людей спонтанно, без разбору старается их подавить. Эта неудачная стратегия явилась одним из факторов потери духовности западной цивилизацией.

Сексуальность: путь к освобождению или ловушка на духовном пути?

Секс, подобно рождению и смерти, также демонстрирует внутреннюю двойственность. Смотря по обстоятельствам, он может вызвать состояние глубокого единения или, наоборот, усугубить разобщение и отчуждение. Который из этих двух вариантов проявится в конкретном случае, зависит от обстоятельств и от позиции самих людей. Если партнеры, вступившие в сексуальные отношения, не испытывают друг к другу любви и уважения и ими управляют только инстинктивные побуждения или жажда власти и превосходства, то такая связь скорее всего усилит чувства разобщенности и отчуждения. Если в половом союзе соединяются два партнера, которые созрели как личности и обладают не только хорошей биологической совместимостью, но и глубоким эмоциональным резонансом и взаимопониманием, то любовная связь может стать глубоким духовным переживанием. В таком случае партнеры способны выйти за пределы своих индивидуальных границ и переживать как единство друг с другом, так и воссоединение с космическим истоком.

Этот духовный потенциал секса — основа древнеиндийских тантрических практик. «Панчамакара» — сложный тантрический ритуал, включающий употребление сильных аюрведических травяных сборов, сочетающих в себе свойства афродизиаков и психodelиков. Эта детально разработанная традиционная процедура помогает партнерам отождествиться с архетипическими началами — женским и мужским. Она достигает своей кульминации в длительном ритуальном соитии (*майтхуна*).

Благодаря специальным методам участники способны подавить биологический оргазм, и тогда растянутое сексуальное возбуждение вызывает мистические переживания. В ходе этого ритуального события партнеры выходят за пределы своей обычной личности. В полном отождествлении с архетипическими существами, Шивой и Шакти, они переживают священный брак, божественный союз друг с другом и с космическим источником. В тантрической символике различные аспекты сексуальности и функций воспроизводства, такие, как половой союз, менструации, беременность и роды, не имеют чисто биологического значения, а соотносятся с различными высшими уровнями космического процесса творения.

Практическое применение открытий в области исследования сознания, касающихся рождения, секса и смерти

Из наблюдений, описанных в этой главе, можно сделать важные практические выводы. Они однозначно указывают на то, что изменения нашей позиции по отношению к триаде «рождение—секс—смерть» и к практикам, связанным с ней, могли бы глубоко повлиять не только на качество нашей личной жизни, но и на будущее человечества как вида и на всю планету. Мы видели, что память о пренатальном существовании, рождении и ранних постнатальных событиях оставляет глубокие отпечатки в нашем бессознательном и оказывает глубокое воздействие на нашу жизнь. Следовательно, в будущем нам необходимо сделать все возможное для улучшения условий зачатия, развития эмбриона, рождения ребенка и ухода за ним после родов.

Начинать здесь нужно с просвещения молодого поколения, с обеспечения его необходимой информацией о сексе без неразумных моральных и религиозных искажений и нереалистичных предписаний, запретов и ожиданий. Однако недостаточно только дать точную техническую информацию о функциях воспроизводства. Важно возвысить представление о сексе, который мы привыкли считать событием чисто биологическим и часто изображали в худших его проявлениях, — возвысить до уровня деятельности, где в основе лежит духовность. Еще одна важная задача — осознать, что эмбрион есть существо, обладающее сознанием. Это увеличит ответственность в отношении зачатия ребенка и понимание того, насколько важно эмоциональное и физическое состояние беременной матери. Следовало бы также включить в образование молодых людей элементы, способствующие воспитанию психодуховной зрелости, необходимой будущим родителям.

Роды обычно активизируют перинатальное бессознательное самой матери, которое может препятствовать процессу рождения как на эмоциональном, так и на физиологическом уровне. Поэтому, прежде чем решиться завести ребенка, женщинам было бы полезно проделать над собой глубокую эмпирическую работу, чтобы устранить из подсознания элементы, которые потенциально могут вызывать нарушения. Далее, особое внимание следует уделить самому процессу родов. Это предполагает хорошую психологическую и техническую подготовку к родам, естественные условия для рождения ребенка и сердечную заботу в постнатальный период, где бы сохранялось необходимое общение младенца и матери. Необходимо понять, что обстоятельства рождения играют важную роль как в создании предрасположенности к насилию и саморазрушающим наклонностям, так и к милосердному поведению и здоровым межличностным отношениям.

Французский акушер Мишель Оден (Michel Odent 1995) показал, каким образом эти перинатальные отпечатки (импринтинг), потенциально способные толкнуть нашу эмоциональную жизнь в направлении либо любви, либо ненависти, отражаются в истории вида *homo sapiens*. Процесс рождения имеет два различных аспекта, и в каждом из них задействованы особые гормоны. Напряженная активность матери во время родов в первую очередь связана с механизмами выработки адреналина. Эти же механизмы играли важную роль в эволюции вида

как посредники агрессивных и защитных инстинктов матери в те времена, когда роды обычно проходили в открытой, природной среде. Они давали самкам возможность в случае нападения хищника быстро переключаться с родов на защиту или бегство.

Другая важная с эволюционной точки зрения задача, связанная с родами, — это создание связи между матерью и новорожденным. В этом процессе задействован гормон окситоцин, который вызывает у животных и людей материнское поведение, а также эндорфины, благодаря которым воспитывается зависимость и привязанность. Гормон пролактин, необходимый при кормлении грудью, оказывает сходное воздействие. Беспокойная, шумная и суетливая обстановка многих больниц порождает тревогу и без всякой нужды включает механизмы выработки адреналина, ибо внушает картину мира, где потенциально существует опасность. Такая ситуация, подобно первобытным джунглям, вызывает агрессивные реакции. И напротив, спокойная, надежная, уютная обстановка создает атмосферу безопасности и запечатлевает в бессознательном благорасположенность. Если коренным образом улучшить ситуацию, связанную с родами, то в дальнейшем это весьма благотворно отразится на душевном и физическом состоянии человека как вида и умиротворит безумство в его поведении, которое постоянно грозит разрушить саму основу жизни на планете.

Пренатальная и перинатальная история играет важную роль и в нашей духовной жизни. Как мы видели ранее, воплощение и рождение представляют собой отделение и отчуждение от нашей истинной природы, т. е. от Абсолютного Сознания. Положительные пренатальные и постнатальные переживания ближе всего к божественному, которое мы способны переживать в эмбриональный период или в младенчестве. Таким образом, «хорошая матка» и «хорошая грудь» суть эмпирические мосты к трансцендентному уровню. И наоборот, отрицательные и болезненные переживания, с которыми мы сталкиваемся во внутриутробном периоде, во время рождения и в ранний постнатальный период, еще больше углубляют наше отчуждение от божественного истока.

Когда среди пренатальных и ранних постнатальных переживаний преобладают положительные, мы всю жизнь склонны поддерживать естественную связь с космическим истоком. Мы можем ощущать в природе и в космосе божественное измерение и способны в высокой степени наслаждаться воплощенным существованием. И напротив, если в раннем нашем развитии травмы следовали одна за другой, то потеря связи с духовным источником может оказаться настолько кардинальной, что наше существование в материальном мире превращается в мучительное испытание, полное душевных страданий.

Не могу не упомянуть, что иногда чрезвычайно серьезная травма может повлечь за собой ситуацию, когда сознание «откалывается» от тела и «катапультируется» в трансперсональную сферу, прокладывая путь бегства, который в дальнейшей жизни будет регулярно использоваться как защитный механизм в трудных ситуациях. Поскольку данный механизм недостаточно органично сочетается с остальными аспектами личности, эта форма духовной связи способна защитить нас от невыносимой боли, но не улучшает качества жизни.

Необходимо существенно изменить и отношение к смерти. Как я уже говорил, в нашем бессознательном смерть занимает очень важное место. Ее глубочайшие проявления по своей природе трансперсональны и имеют форму гневных архетипических фигур и кармических записей угрожающих жизни ситуаций, относящихся к другим воплощениям. Память об угрозе для жизни во внутриутробном периоде, во время родов и после рождения обеспечивает дополнительные важные источники страха смерти. Для многих из нас к этому присовокупляются воспоминания о серьезных травмах, пережитых нами в жизни позднее. Грозный призрак смерти, который мы носим в своем бессознательном, вредит нашему повседневному существованию и делает нашу жизнь во многом неполноценной. В промышленно

развитых обществах преобладающей реакцией на эту ситуацию служит массовое отрицание и нигилизм, последствия которых разрушительны как для индивида, так и для общества.

Для будущего человечества важно, чтобы мы преодолели это отрицание и примирились с преходящностью и брэнностью. Существуют древние и современные методы углубленного самоисследования, которые помогут нам встретиться лицом к лицу со страхом смерти, полностью осознать его и преодолеть. Мы уже видели, как «умирание прежде смерти» открывает каналы к трансцендентным измерениям бытия и отправляет нас в странствие, которое в конечном итоге ведет нас к обнаружению истинной нашей личности. В этом процессе мы переживаем душевное и психосоматическое исцеление, и наша жизнь становится более полноценной. Это глубинное психосоматическое преображение поднимает наше сознание на совершенно новый уровень, когда жизнь для нас уже не бремя, а награда.

Важно сознавать существование и природу этого процесса и снабжать руководством и поддержкой людей, которые непреднамеренно переживают его в присмертных ситуациях или спонтанных психодуховных кризисах («критические состояния духа»). Еще один важный шаг — сделать более широко доступными различные древние и современные методы углубленного самоисследования, позволяющие сознательно осуществлять этот процесс. В доиндустриальных и древних обществах имелись определенные процедуры в форме ритуалов перехода и мистерий смерти и возрождения, предназначенные специально для этой цели. Благодаря древним знаниям, которые в последние десятилетия были заново открыты при исследовании сознания, трансперсональной психологии и танатологии, у нас теперь есть возможность значительно улучшить эмоциональное качество нашей жизни и смерти.

Люди, которым при жизни довелось эмпирически пережить рождение и смерть и выйти в трансперсональную сферу, имеют все причины верить, что физическая кончина не означает прекращения их существования. Они весьма убедительно переживали, как их сознание покидает границы тела и существует независимо от него. Поэтому такие люди склонны видеть в смерти не полное поражение и уничтожение, но переход в другое состояние бытия и ошеломляющее событие в сознании. Естественно, эта позиция сама по себе может существенно изменить подход к смерти и переживанию умирания. У людей, занимающихся углубленным самоисследованием, есть еще и возможность постепенного примирения со многими тяжелыми аспектами своего бессознательного, с которыми мы так или иначе должны разобраться на последнем этапе жизни.

Прозрения, полученные в холотропных состояниях, содержат важные моменты, касающиеся приближения к заключительным стадиям жизни, нашей собственной и других людей. Когда мы убеждены, что самым важным измерением нашего бытия является не материя, а сознание, в первую очередь у нас возникает не стремление механически, любой ценой продлить жизнь, но интерес к природе и качеству переживания процесса умирания и самой смерти. Работая с умирающими людьми, мы будем обращать особое внимание на качество общения и оказывать им значительную психодуховную поддержку. Мы дополним, а в некоторых случаях и заменим чудеса современной медицины подлинной человеческой заботой. Если информация, содержащаяся в «Бардо тодол», или «тибетской книге мертвых», правильна, то наш подход к смерти и переживание ее чрезвычайно важны. При соответствующей подготовке это время — уникальная возможность мгновенно достичь освобождения. Согласно тибетским учениям, даже если мы не добьемся абсолютного освобождения, наличие и качество нашей подготовки к смерти все равно определяют природу нашего следующего воплощения.

Глава восьмая

Тайна кармы и перевоплощения

...Некогда я уже был мальчиком и девочкой, кустом, птицей и вынырывающей из моря немой рыбой.

Эмпедокл

Попроси меня азиат дать определение Европы, мне придется ответить так: «Это часть света, пребывающая во власти невероятного заблуждения, будто человек создан из ничего, а его нынешнее рождение — это первое вступление и в жизнь».

Артур Шопенгауэр. «Парерга и паралипомена»

Кросскультурные воззрения на перевоплощение

Согласно западной материалистической науке, срок нашей жизни ограничивается периодом от зачатия до биологической смерти. Такое допущение есть логическое следствие убежденности, будто мы — это наши тела. Поскольку с биологической смертью тело начинает разлагаться и разрушаться, то создается впечатление, что мы прекращаем свое существование. Данная позиция противоречит верованиям всех великих религий и духовных систем древних и доиндустриальных культур, которые понимают смерть не как прекращение любой формы существования, но как важный переход. Западная наука отмечает мнение, что наше существование может продолжаться после смерти, и относит его на счет недостатка образованности, суеверий или примитивных мечтаний людей, неспособных принять мрачную реальность бренности и смерти.

В доиндустриальных обществах вера в жизнь после смерти не ограничивается туманным представлением о том, что где-то есть Запредельное. Мифологии многих культур дают весьма конкретные описания происходящего с человеком после смерти. Они обеспечивают нас надежными путеводителями посмертных странствий души и изображают различные обители — небеса, рай и ад, — населенные развоплощенными существами. Особенно интересна вера в перевоплощение, согласно которой индивидуальные единицы сознания продолжают возвращаться на землю и проходят целый ряд воплощенных существований. Некоторые духовные системы сочетают веру в перевоплощение с законом кармы, утверждающим, что заслуги и проступки прошлых жизней определяют качество последующих воплощений. Различные формы веры в перевоплощение находили широкое распространение в разных странах в разные исторические периоды. Зачастую они независимо развивались в культурах, разделенных тысячами миль и многими веками.

Понятие перевоплощения и кармы является краеугольным камнем многих азиатских религий: индуизма, буддизма, джайнизма, сикизма, зороастризма, тибетской ваджраяны, японского синтоизма и китайского даосизма. Сходные идеи можно найти в таких исторически, географически и культурно далеких друг от друга группах, как различные африканские племена,

американские индейцы, доколумбовские культуры, полинезийские кахуна, сторонники бразильской умбанды, галлы и друиды. В Древней Греции этой доктрины придерживалось несколько важных философских школ, в том числе пифагорейцы, орфики и платоники. Понятие перевоплощения было принято ессеями, фарисеями, караимами и другими иудейскими и полуиудейскими группами. Оно составляло важную часть каббалистической теории средневекового еврейства. Этот перечень будет неполным, если не упомянуть неоплатоников, гностиков, а также современных теософов, антропософов и некоторых спиритуалистов.

Несмотря на то что вера в перевоплощение не является частью современного христианства, подобные понятия существовали и среди ранних христиан. Согласно св. Иерони (340–420), перевоплощению было дано эзотерическое толкование, доступное только избранным. Вера в перевоплощение была, по всей видимости, неотъемлемой частью гностического христианства, о котором мы знаем из свитков, найденных в 1945 году в Наг-Хамадди. В гностическом тексте под названием «*Пустис София*» («Мудрость Веры») Иисус объясняет своим ученикам, как проступки одной жизни переносятся в другую. Так, например, что касается людей, посылающих проклятия по адресу других, то в следующей жизни «их сердца никогда не успокоятся», а люди надменные, не знающие ни в чем меры могут переродиться калеками, и другие будут смотреть на них свысока.

Самым знаменитым христианским мыслителем, говорившим о предсуществовании души и о мировых циклах, был Ориген (186–253), один из величайших Отцов Церкви всех времен. В своих трудах, особенно в книге «*De Principiis*» («О началах», Origenes Adamantius 1973), он высказал мнение относительно того, что определенные духовные переходы можно объяснить только в свете перевоплощения. Его учения были осуждены Вторым собором, созванным в Константинополе императором Юстинианом в 553 г., и признаны ересью. Вынесенный Оригену приговор гласил: «Если кто-либо будет отстаивать это вымышленное предсуществование душ и подчиняться исходящей из этого чудовищной доктрине, предать его анафеме!» Однако некоторые ученые полагают, что следы этого учения можно найти в писаниях св. Августина, св. Григория и даже св. Франциска Ассизского.

Как нам объяснить, что столь многие культурные группы в ходе истории придерживались этого необычного верования и создали для описания его сложные теоретические системы? Неужели все они соглашались в вопросе, столь чуждом индустриальной цивилизации Запада и представляющемся западной материалистической науке совершенно абсурдным? Обычно это объясняют якобы нашим превосходством в научном понимании Вселенной и природы человека. Однако более подробное исследование показывает, что истинная причина этого разногласия — склонность западных ученых придерживаться собственной системы убеждений и игнорировать, подвергать цензуре и искажать все наблюдения, которые ей противоречат. А говоря еще более конкретно, такая позиция отражает нежелание западных психологов и психиатров обращать внимание на переживания и наблюдения, полученные из холотропных состояний.

Эмпирические свидетельства перевоплощения

Понятие перевоплощения и кармы не есть «верование» в обычном смысле слова, которое означает теоретическую и чувственную позицию, не подтвержденную фактами и являющуюся необоснованной и произвольной. Для индуистов, буддистов, даоистов и других групп перевоплощение не вопрос верования: для них это понятие составляет важную часть их религии. Это высокий эмпирический вопрос, основанный на весьма особых переживаниях и

наблюдениях. То же справедливо для западных исследователей сознания, обладающих открытым умом и обширными знаниями. Они вовсе не наивны и не несведущи в философской позиции и мировоззрении материалистической науки, как их любят изображать критики.

Многие из этих исследователей имеют хорошую академическую подготовку и солидные дипломы. Причина, почему они настаивают на своей позиции, состоит в том, что они сделали ряд важных наблюдений касательно перевоплощения, адекватно объяснить которые на базе академических знаний невозможно. Многие из этих ученых лично прошли через необычные переживания, которые никак нельзя было оставить без внимания. Как утверждает Кристофер Бах, исследователь, тщательно проработавший литературу о перевоплощениях и встретившийся с переживаниями прошлой жизни в собственном внутреннем исследовании, свидетельства существования этой сферы настолько богаты и замечательны, что ученые, которые не считают проблему перевоплощения заслуживающей серьезного изучения, «либо несведущи, либо глупы» (Bache 1990).

Давайте сделаем краткий обзор существующих свидетельств, с которыми следует ознакомиться, прежде чем выносить суждения относительно перевоплощений. Вот как описывает мифологическим языком природу этих свидетельств хасидский ученый Шолем Аш (Sholem Ash 1967): «Не сила памятования, но, наоборот, сила забвения является необходимым условием нашего существования. Если знания о переселении душ истинны, то эти души во время перехода из одного тела в другое должны пересечь океан забвения. Как мы, иудеи, считаем, этот переход осуществляется под водительством ангела забвения. Но порой этот ангел забвения сам забывает стереть из нашей памяти записи о прежнем мире, и тогда в наши чувства внедряются призраки отрывочных воспоминаний об иной жизни. Они плывут подобно обрывкам облаков над холмами и равнинами ума, вплетаясь в обстоятельства нашей теперешней жизни».

Современные исследователи накопили большой объем наблюдений, указывающих на частичное снятие завесы забвения, о которой говорит Шолем Аш. Многие изучали и описывали яркие переживания прошлой жизни, которые спонтанно всплывают в повседневной жизни или в ходе различных психотерапевтических сеансов, включающих холотропные состояния сознания. Другие же собирали дополнительную информацию о перевоплощениях, направляя людей в особые области психики при помощи гипноза или других методов. Были также интересные попытки верификации достоверности таких направленных переживаний прошлой жизни (Wambach 1979). И наконец, интересные прозрения в понимании этого вопроса предоставляет нам тибетская духовная традиция.

Дети помнят прошлые жизни

Среди самых интересных явлений, относящихся к проблеме перевоплощения, можно назвать спонтанные переживания прошлых жизней у детей. Материалы, полученные из различных стран мира, свидетельствуют, что в некоторых случаях маленькие дети помнят и описывают свою прошлую жизнь в другом теле, в другом месте, в другое время и с другими людьми. Эти воспоминания могут создавать множество проблем в жизни ребенка и его родителей. Их часто связывают с «патологиями переноса», такими, как фобии, необычные идиосинкразии и странные реакции на определенных людей, а также на определенные места и ситуации. Некоторым детским психиатрам доводилось лечить и описывать подобные случаи. Доступ к этим воспоминаниям обычно появляется к трем годам и постепенно исчезает между пятью и восемью годами.

Ян Стивенсон, профессор психологии Виргинского университета в Шарлотсвилле,

тщательно исследовал более трех тысяч подобных случаев, описав их затем в своих книгах (Stevenson 1966, 1984 и 1987). Стивенсон анализировал случаи, относящиеся не только к «примитивным» «экзотическим» культурам с априорной верой в перевоплощение, но также и к западным странам, включая Великобританию и США. Поскольку многие случаи не соответствовали тем высоким стандартам, которые Стивенсон принял для своих исследований, он, будучи исследователем осторожным и консервативным, опубликовал описания лишь нескольких сот, максимально обеспеченных научным подтверждением. Ряд наблюдений он исключил потому, что некоторые семьи извлекали из такого поведения своих детей выгоду как в финансовом смысле, так и в смысле престижа в обществе и внимания публики. Еще ряд случаев не вошел в книгу по причине непоследовательной информации, нарушения памяти (криптомнезия), сомнительного или возможного обмана.

Данные, полученные Стивенсоном, замечательны. Хотя во всех описанных случаях он исключил возможность, что дети могли овладеть этой информацией по общепринятым каналам, он сумел найти факты, которые подтверждали эти рассказы до невероятных подробностей. В ряде случаев он привозил этих детей в деревню или город, которые они помнили из своей прошлой жизни, и, несмотря на то что в нынешней своей жизни они никогда там не бывали, они узнавали дом, в котором якобы жили. Они даже узнавали членов своей «семьи» и соседей и знали их имена. Возможно, самым ярким свидетельством в поддержку гипотезы о реинкарнации является поразительное размещение родимых пятен, которое особым образом отражало повреждения и другие события из вспоминаемой прошлой жизни; это подтверждается и независимыми исследованиями (Stevenson 1995).

Воспоминания о прошлых жизнях у взрослых

Спонтанные переживания эпизодов прошлой жизни у взрослых чаще всего происходят во время психодуховных кризисов («духовных критических ситуаций»). В то же время такие воспоминания в разной степени могут посещать и людей, находящихся в более или менее обычных состояниях сознания и в обычных обстоятельствах. Психиатрам-традиционалистам известно о существовании переживаний прошлых жизней, но они, как правило, считают их симптомами серьезной психопатологии и стараются подавить посредством лекарственной терапии. Ведущие теории личности современной психологии жестко укоренены в материалистической парадигме и потому, естественно, придерживаются мнения, что у человека только одна жизнь.

Переживания прошлой жизни можно стимулировать широким набором методов, обеспечивающих доступ к глубинным уровням психики, сюда относятся, например, медитация, гипноз, использование психоделических веществ и сенсорная изоляция. Они могут возникать во время физических тренировок и в сеансах эмпирической терапии, например в процессе повторного рождения, холотропной терапии или первичной терапии. Мне доводилось слышать о многих случаях, где эпизоды прошлой жизни сами по себе проявлялись в сеансах, проводимых психотерапевтами, у которых были весьма устоявшиеся теоретические схемы и которые не верили в перевоплощение или даже всеми силами противостояли этой идее. Проявление кармического материала также совершенно не зависит от прежней системы философских и религиозных убеждений переживающего.

В развернутом переживании прошлой жизни мы оказываемся в некой эмоционально заряженной ситуации, которая относится к другому историческому периоду и к другой стране.

Наше ощущение личности сохраняется, но переживается в связи с другим человеком, а также другим временем и местом. Эти переживания часто включают других людей, с которыми у нас тесная связь в этой жизни. Такие эпизоды, как правило, имеют весьма негативную эмоциональную окраску. В одних случаях они связаны с физической болью, панической тревогой, глубокой печалью или чувством вины, в других — всепоглощающей ненавистью, чудовищным гневом или безумной ревностью. Но бывает и так, что эти события отражают огромное эмоциональное удовлетворение и счастье. В них изображаются пылкая любовь, преданная дружба или духовное партнерство.

Самым характерным аспектом переживаний прошлой жизни является убежденность, что ситуация, с которой мы сталкиваемся, для нас не нова. Мы четко помним, что это с нами уже когда-то происходило и что в одной из наших прежних жизней мы действительно были именно тем человеком. Это чувство воскрешения в памяти когда-то уже виденного (*deja vu*) или когда-то пережитого (*deja vecu*) в прошлых воплощениях обычно бывает весьма отчетливым. Оно сравнимо с нашей способностью отличать от сновидений и фантазий воспоминания о событиях, которые действительно имели место в нашей жизни. Трудно было бы убедить человека, рассказывающего нам о воспоминании, случившемся неделю назад, в том, что этого события на самом деле не было и что он просто вообразил его. Подобным качеством достоверности и реалистичности обладают и воспоминания о прошлых воплощениях.

Уникальные характеристики феномена прошлых жизней

Переживания прошлых жизней обладают рядом необычных характеристик, которые заслуживают серьезного внимания исследователей, изучающих сознание и человеческую психику. Взятые в целом, эти характеристики не оставляют никаких сомнений в том, что кармические цепочки являются уникальным *sui genera*, а вовсе не просто фантазиями или плодом больного воображения. Переживания прошлых жизней происходят в том же самом континууме, что и четкие воспоминания юности, детства, младенчества, рождения, внутриутробного периода — явлений, которые зачастую можно точно проверить. Иногда они возникают одновременно или чередуются с биографическим материалом из теперешней жизни (Grof 1988, 1992).

Другой интересной характеристикой переживаний прошлых жизней является то, что зачастую они тесно связаны с важными моментами и обстоятельствами нашей теперешней жизни. Когда эти кармические эпизоды полностью выходят на сознательный уровень, будь то спонтанно или в ситуации глубинной эмпирической психотерапии, они способны пролить свет на различные аспекты нашей жизни, которые ранее были непостижимы и загадочны. Эти аспекты включают в себя широкий спектр эмоциональных, психосоматических и межличностных проблем, которым общепринятые виды психотерапии не смогли дать объяснение.

Переживания воспоминаний о прошлой жизни, как правило, дают больше, чем просто новое понимание этих проблем. Данный процесс может повлечь за собой облегчение или полное исчезновение неприятных симптомов, таких, как различные фобии, психосоматические боли или астма. Порой он помогает и улучшению напряженных отношений с другими людьми. Таким образом, переживания прошлых жизней могут внести значительный вклад в понимание психопатологии и сыграть существенную роль в успешности психотерапии. Психотерапевты, которые отказываются работать с этими переживаниями, поскольку отвергают понятие

перевоплощения, лишают своих пациентов весьма эффективного терапевтического механизма.

Людей, переживающих кармические явления, часто посещают яркие прозрения, проливающие свет на социальную структуру, верования, ритуалы, обычаи, архитектуру, одежду, оружие и другие аспекты жизни той или иной эпохи и культуры. Во многих случаях природа и качество информации указывают на то, что эти люди вряд ли могли узнать обо всем этом через общепринятые каналы. Иногда переживания прошлой жизни дают информацию о конкретных исторических событиях.

Проверка достоверности переживаний прошлой жизни

Критерии верификации переживаний прошлой жизни те же, что используются в случае воспоминаний о событиях детства и младенчества, относящихся к настоящей жизни. Из этих вернувшихся к нам воспоминаний мы стараемся извлечь как можно больше подробностей, а затем найти независимые доказательства, подтверждающие или опровергающие их содержание. К сожалению, во многих переживаниях прошлых жизней эта информация недостаточно конкретна, чтобы можно было подвергнуть ее независимой проверке. Иногда же информация по своему качеству адекватна, но невозможно найти достаточно подробные исторические источники, позволяющие провести процедуру проверки.

Большая часть воспоминаний прошлых жизней у взрослых не поддается верификации в той степени, как изучавшиеся Стивенсоном спонтанные воспоминания у детей, как правило, более свежие. Чтобы понять проблему, связанную с такой попыткой, важно принять во внимание, что даже наши воспоминания из этой жизни не всегда легко поддаются объективной проверке. Психотерапевтам хорошо известны проблемы, связанные с попытками определить достоверность воспоминаний детства и младенчества, возвращающихся в процессе вербальной или регрессивной терапии. Разумеется, проверить достоверность переживаний прошлых жизней много труднее, чем аналогичные переживания, касающиеся материала данной жизни. Даже если такие переживания содержат весьма конкретные подробности, найти объективные доказательства их достоверности гораздо сложнее, поскольку материал значительно старше и часто относится к другим странам и культурам.

Однако, несмотря на все эти трудности, изредка встречаются примеры, удовлетворяющие всем необходимым критериям. Результаты таких непредвзятых исследований могут быть поистине необычайными. За многие годы работы я сумел сделать несколько наблюдений, где содержание переживаний прошлых жизней удалось подтвердить. Во всех этих случаях я не мог найти обычное объяснение этому явлению. Но я не сомневаюсь, что информация, всплывшая в этих переживаниях, шла по экстрасенсорным каналам. Подобные же истории я слышал и от других исследователей.

В предыдущих публикациях (Grof 1975, 1988) я описал два таких случая. Первый касался нервнобольной пациентки, которая проходила психоделическую терапию. В четырех последовательных сеансах она переживала эпизоды из жизни чешского дворянина XVII века. Этот человек вместе с еще двадцатью шестью видными аристократами был публично казнен в Праге на Староместской площади. Эта публичная казнь являлась попыткой Габсбургов подорвать дух чехов после поражения чешского короля в битве на Белой горе. В этом случае отец пациентки без ее ведома провел независимое исследование семейной родословной, которое подтвердило, что моя пациентка и ее отец являются потомками этого несчастного человека.

Второй случай касается человека, который в во время сеансов первичной терапии и позднее, во время сеансов холотропной терапии, проводившихся нами в ходе месячного семинара в Эсаленском институте, пережил ряд эпизодов, относящихся к XVI веку, к войне между Англией и Испанией. Они были сосредоточены вокруг массового убийства испанских солдат британцами в осажденной крепости Дунанор на западном побережье Ирландии. Во время сеансов этот человек переживал себя священником, сопровождавшим испанских солдат, и был убит с вместе с ними. В какой-то миг он увидел на своей руке перстень с печаткой, на которой были выгравированы инициалы, и зарисовал его.

В дальнейшем, проведя историческое исследование, этот человек смог подтвердить достоверность всего эпизода, о котором ему прежде ничего не было известно. В одном из исторических архивов он нашел документ, где было указано имя священника, сопровождавшего испанских солдат в этом военном походе. К всеобщему удивлению, инициалы имени священника совпадали с инициалами на перстне с печаткой, который этот человек увидел во время сеанса и подробно зарисовал.

Поразительным аспектом переживаний прошлых жизней является их частая связь с примечательными синхронностями, включающими других людей и другие ситуации. Действующими лицами наших воспоминаний прошлых жизней часто являются важные для нас люди из нашей теперешней жизни, такие, как родители, дети, супруги, друзья и начальство. Складывается впечатление, что сильные переживания прошлых жизней способны повлечь за собой драматические перемены в наших чувствах и поведении по отношению к человеку, являющемуся важным действующим лицом нашего кармического сценария. Впрочем, эти переживания часто показывают и необъяснимые синхронные связи с переменами в жизни других важных персонажей наших воспоминаний прошлых жизней. Эти люди могут находиться в сотнях и тысячах миль от того места, где мы испытываем это переживание, и совершенно ничего не знать о происходящем. Однако как раз в это время в их чувствах и в отношении к нам могут совершенно независимо от нас произойти соответствующие драматические перемены.

Кармический треугольник

Чтобы проиллюстрировать это знаменательное явление, приведу пример из моей собственной жизни. За многие годы я не раз наблюдал подобные случаи, касающиеся других людей. Эпизод, который я собираюсь описать, имел место вскоре после моего прибытия в Соединенные Штаты. Эмиграция в Соединенные Штаты, состоявшаяся в 1967 году, коренным образом изменила мое личное, профессиональное, политическое и культурное окружение. Я приехал в Балтимор, имея при себе около пятидесяти фунтов багажа. Более половины его составляла документация по психоделическим исследованиям, проводившимся в Праге, а остальное — мои личные вещи. И это все, что оставалось от моей жизни в Европе. Для меня это было новое начинание на всех вообразимых уровнях. Я искренне восхищался своими коллегами из Спринг-Гроув, радовался невообразимой свободе выражения, новизне окружающего мира, но мне никак не удавалось устроить свою личную жизнь.

Все женщины моего социального круга, которые подходили мне по возрасту и разделяли мои интересы, были либо замужем, либо заняты как-то еще. Такая ситуация меня огорчала, поскольку на этом этапе жизненного пути я испытывал особенно глубокую потребность в партнерстве. Мои друзья и коллеги из Спринг-Гроув, по-видимому, были больше озабочены моей ситуацией, нежели я сам, и изо всех сил старались ее исправить. Они подыскивали мне

потенциальных патрнерш и постоянно приглашали их на всякие дружеские встречи. Это повлекло за собой ряд весьма неловких ситуаций и не дало никаких результатов. Но затем положение внезапно изменилось самым неожиданным и радикальным образом.

Трудные взаимоотношения моего коллеги-психотерапевта Сеймура с его подругой Моникой резко оборвались, и мои друзья, решив меня с ней познакомить, пригласили ее на обед. Когда мы с Моникой встретились впервые, я сразу же почувствовал к ней сильное влечение и между нами мгновенно возникло ощущение глубинной связи. Влюбиться в нее не составляло труда. Она, как и я, была родом из Европы, одинока, красива и умна. Благодаря своему необычному шарму, остроумию и красноречию она быстро становилась центром внимания на любой вечеринке. Я быстро увлекся и не сумел сохранить объективность и трезвость взгляда.

Меня не смущало, что Моника была значительно моложе, чем я. Я предпочел игнорировать и ее рассказы о чрезвычайно тяжелом детстве, и истории о бурных межличностных отношениях, которые в обычной ситуации посчитал бы серьезными предостережениями. Я уверил себя, что все это пустяки, которые легко поддадутся проработке. Сумею я тогда проанализировать ситуацию, я бы понял, что встретил то, что К.Г. Юнг называл *анимой*. Мы с Моникой стали встречаться, и наши отношения развивались бурно и страстно.

Настроения и поведение Моника, менялись каждый день, а порой и каждый час. Порывы горячей любви ко мне перемежались эпизодами равнодушия, уклончивости и отчужденности. Ситуация осложнилась еще двумя необычными обстоятельствами. Приехав в Балтимор, я поселился в однокомнатной квартире, которую одно время снимал Сеймур, бывший друг Моника и в которой она часто навещала его. Теперь она приходила в ту же квартиру, к другому мужчине. Кроме того, Вольфганг, брат Моника, возненавидел меня с самой первой встречи. У него с Моникой была необычайно сильная связь, в которой, как будто бы четко прослеживались кровосмесительные тенденции. Вольфганг яростно противился нашим с Моникой отношениям и держался со мной как соперник.

Мне очень хотелось нормализовать наши отношения, но я был абсолютно не в состоянии повлиять на эту бешеную гонку вдвоем на виражах. Порой казалось, будто я стою то под горячим душем, то под холодным. Меня это очень огорчало, но в то же время влечение к Монике обладало странным магнетизмом, и я не мог порвать нашу запутанную и неудачную связь.

Я испытывал отчаянную необходимость в прозрении относительно дезориентирующего безумия, в котором я очутился. В нашем институте была программа, предоставлявшая специалистам-психологам и психиатрам возможность пройти до трех психоделических сеансов. Члены нашей психотерапевтической группы имели право участвовать в этой программе. И вот как раз когда, когда наши с Моникой трудности достигли апогея, я, в стремлении хоть немного прояснить отношения с Моникой, обратился с просьбой пройти сеанс ЛСД-терапии. Далее я приведу выдержку из описания этого сеанса, где рассказывается о моем первом знакомстве с миром переживаний прошлой жизни и закона кармы.

В середине сеанса у меня внезапно возникло видение темной скалы неправильной формы, которая была похожа на гигантский метеорит и казалась невероятно древней. Небо разверзлось, и молния невероятной силы ударила в скалу и стала выжигать на ней какие-то загадочные архаические символы. Эти странные иероглифы, выжженные на поверхности скалы, продолжали гореть и испускать ослепительно яркий свет. И хотя я не мог расшифровать и прочитать их, я чувствовал, что они священны и что я каким-то образом могу понять сообщение, которое они передают. Они поведали мне о том, что моей нынешней жизни предшествовала длинная цепь существований и что, согласно закону кармы, я в ответе за поступки, совершенные в тех жизнях, несмотря на

то что ничего о них не помню.

Я пытался отвергнуть ответственность за то, о чем у меня нет никаких воспоминаний, но не мог противостоять колоссальному психологическому натиску, заставлявшему меня сдаться. В конце концов я волей-неволей признал то, что совершенно определено было древним вселенским законом, уйти от которого невозможно. Как только я капитулировал, я увидел, что держу в объятиях Монику, точь-в-точь как в прошлый уикенд. Мы парили в пространстве исполинской архетипической бездны, медленно опускаясь по широкой спирали. Я инстинктивно понимал, что это — Бездна Веков и что мы путешествуем во времени вспять.

Казалось, этому нисхождению нет и не будет конца. Но все же мы достигли дна пропасти. Моника исчезла из моих объятий, и я обнаружил, что расхаживаю по залу древнеегипетского дворца облаченным в изысканно украшенные одежды. На стенах вокруг были красивые рельефы, которые соседствовали с резными иероглифами. Я понимал их смысл точно так же, как понимал бы смысл плакатов где-нибудь на информационной доске в Балтиморе. По другую сторону большого зала я увидел медленно приближающуюся ко мне фигуру. Я знал, что я сын знатных египтян и что приближающийся человек приходится мне в той жизни братом.

Когда тот подошел, я узнал Вольфганга. Он остановился футах в десяти, глядя на меня с лютой ненавистью. Я понял, что в этом воплощении Вольфганг был моим родным братом, а Моника — родной сестрой. Как старший сын, я женился на Монике и получил еще множество привилегий, связанных с этим статусом. Вольфганг чувствовал себя обделенным и испытывал ко мне неистовую ревность и сильную ненависть. Я отчетливо увидел, что это была основа деструктивной кармической матрицы, которая в разнообразных вариантах повторялась на протяжении многих веков.

Я стоял лицом к лицу с Вольфгангом и чувствовал его ненависть ко мне. Стремясь разрешить эту мучительную ситуацию, я попытался телепатически послать ему сообщение: «Я не знаю, в каком я облике и как я сюда попал. Я путешественник во времени из двадцатого века, где принял сильное психотропное вещество, изменяющее сознание. Я очень сожалею, что между нами создалось такое напряжение, и хочу что-нибудь сделать, чтобы снять его». Я широко раскинул руки ему навстречу и послал ему следующее сообщение: «Вот я, вот все, что у меня есть! Пожалуйста, сделай что-нибудь, что считаешь нужным, дабы мы избавились от этих мучительных уз. Освободи нас!»

Вольфганг, казалось, был очень взволнован моим предложением и согласился. Его ненависть приняла форму двух ярких лучей энергии, напоминающих мощные лазерные пучки, они жгли мое тело, причиняя невероятную боль. Мучительная пытка продолжалась очень долго, но лучи постепенно утрачивали свою силу и в конце концов погасли. Вольфганг и зал исчезли, и я снова держал в объятиях Монику.

На сей раз мы восходили сквозь ту же Бездну Веков, двигаясь во времени вперед. Стены этой архетипической пропасти раскрывались, и я видел сцены из разных исторических периодов, показывающих Монику, Вольфганга и меня во многих прошлых жизнях. Все эти сцены отражали сложные и деструктивные ситуации треугольника, в которых мы причиняли друг другу боль. Но казалось, что сквозь века проносится сильный ветер, «кармический ураган», разгоняя боль этих ситуаций и освобождая нас троих от фатальных мучительных уз.

Когда эта последовательность событий закончилась и я полностью вернулся в

настоящее, меня охватило неопишное блаженство и экстатический восторг. Я чувствовал, что даже если до конца своих дней ничего не достигну, то все равно могу считать, что прожил свою жизнь продуктивно и успешно. Для одной жизни разрешение и освобождение от кармической матрицы — это уже очень много!

Присутствие Моники в моем переживании было настолько сильным, что я был убежден: она наверняка чувствовала происходившее со мной. Я решил выяснить, что она переживала днем, когда я проходил сеанс. Стараясь избежать возможности внушения, я преднамеренно ничего не сказал ей о сеансе. Я просто спросил ее, что она делала днем между 16 и 16.30, когда я в своем сеансе переживал кармические эпизоды, связанные с Египтом. «Странно, почему ты спрашиваешь меня об этом, — ответила она, — пожалуй, это время было самым худшим в моей жизни!»

Затем она описала мне драматическую ситуацию с начальником, закончившуюся тем, что она бросилась вон из офиса. Она была уверена, что потеряла работу, и в полном отчаянии отправилась в ближайший бар и там здорово напилась. В какой-то момент дверь бара открылась, вошел мужчина. Моника узнала Роберта, с которым у нее были сексуальные отношения в то время, когда она встретила меня. Роберт был очень богат и сделал ей много дорогих подарков, в том числе новую машину и лошадь.

Втайне от меня Моника продолжала отношения с этим человеком даже после того, как мы начали встречаться, поскольку не могла сделать выбор между нами двоими. Увидев Роберта на пороге бара, она пошла к нему, намереваясь броситься ему на шею с поцелуями. Однако Роберт сделал уклончивый жест и просто пожал ей руку. Моника заметила, что с ним была элегантная дама. Явно в смущении, Роберт представил ее Монике: оказалось, что это его жена. Моника была потрясена — ведь Роберт внушал ей, что он холост.

Моника почувствовала, что почва уходит у нее из-под ног. Она выбежала из бара и помчалась к своей машине, той самой, которую ей подарил Роберт. Совершенно пьяная, она под ужасным ливнем гнала по кольцевой автодороге со скоростью более 90 миль, решив покончить сразу со всем. Слишком много всего произошло за этот день — и теперь ей уже было все равно! Как оказалось, именно в то время, когда я в своем сеансе достиг разрешения кармической матрицы, в мозгу Моники возник мой образ. Она начала думать обо мне и о наших отношениях. Поняв, что в ее жизни есть человек, на которого она может положиться, она успокоилась, сбросила скорость, свернула с кольцевой автодороги и припарковалась у обочины. Когда она протрезвела настолько, что могла безопасно вести машину, она вернулась домой и легла спать.

На следующий день после разговора с Моникой мне позвонил Вольфганг и попросил о встрече. Такой поворот был абсолютно неожиданным и удивительным, ведь раньше Вольфганг никогда мне не звонил и тем более не просил о встрече. Когда он приехал, он сказал, что хочет поговорить на очень интимную и щекотливую тему. Это оказалась проблема, которую в психоанализе называют комплексом проститутки-мадонны. В жизни Вольфганга было много случайных и поверхностных сексуальных связей, в том числе забав на одну ночь, и у него никогда не возникало сложностей с эрекцией. Теперь, по его словам, он нашел женщину своей мечты и впервые в жизни по-настоящему влюбился. Однако сексуальные отношения с ней у него не складывались, он неоднократно терпел мучительные поражения.

Вольфганг был в отчаянии, поскольку боялся потерять эту женщину, не справится со своей импотенцией. Он сказал мне, что стеснялся говорить об этом с незнакомыми людьми и подумывал обсудить эту проблему со мной, но так ничего и не сделал, поскольку испытывал ко мне сильные негативные чувства. И вдруг его отношение ко мне в один миг изменилось. Ненависть, как по волшебству, исчезла, и он решил позвонить мне и попросить о помощи.

Спросив его, когда это произошло, я обнаружил, что время в точности совпало с завершением моего египетского эпизода.

Несколько недель спустя, на сеансе гипноза с Полин Маккририк, психоаналитиком из Лондона, я восстановил недостающий фрагмент моей египетской истории. Далее я привожу выдержку из описания этого опыта.

Я лежал на песке в знойной, иссушенной солнцем пустыне, чувствовал мучительную боль в животе, и все мое тело сводили судороги. Я знал, что меня отравили и что я умираю. Понятно мне и что единственные люди, которые могли отравить меня, это Моника и ее любовник. По египетскому закону она должна была выйти замуж за старшего брата, то есть за меня, но любовь ее принадлежала другому мужчине. Я узнал об их романе и пытался вмешаться в их отношения. Сознание, что я предан и отравлен, наполнило меня слепым гневом. Я умер в одиночестве, в пустыне, и все мое существо было переполнено ненавистью.

Переживание этой ситуации принесло еще одно интересное прозрение. Я вспомнил, что в той жизни в Египте участвовал в мистериях Исиды и Осириса и знал их тайны. Я чувствовал, что яд и ненависть отравляли мой разум и затмевали все, включая это знание. Именно это не позволило мне во время смерти воспользоваться тайными учениями. По той же причине моя связь с этим тайным знанием грубо прервалась.

Я вдруг увидел, что большая часть моей настоящей жизни была посвящена неустанному поиску этих утраченных учений. Я вспомнил, какое волнение испытывал каждый раз, когда мне попадалась информация, прямо или косвенно связанная с этой областью. В свете этого прозрения моя работа с психоделиками, сосредоточенная вокруг психодуховной смерти и возрождения, была как бы открытием заново и современной переформулировкой процессов, входивших в древние мистерии.

В последующей медитации на меня неожиданно нахлынула целая симфония образов, представляющих основные моменты моих переживаний, касающихся Моника и Вольфганга: одни относились к нынешней жизни, другие были из моих сеансов. Интенсивность и скорость этого пересмотра, быстро нарастая, достигли взрывной кульминации. И внезапно я ощутил разрешение проблемы и покой. Теперь я знал, что кармическая матрица полностью рассосалась. Пока я жил в Балтиморе, мы с Моникой оставались друзьями. Из нашего общения исчезли напряжение и хаос, и ни один из нас более не чувствовал побуждений продолжать интимную связь. Мы оба понимали, что в этой жизни не предназначены быть партнерами.

Перевоплощение и карма в тибетском буддизме

Есть еще один интересный аспект загадки перевоплощения. Эта информация известна нам из определенных тибетских учений и практик, касающихся того, в какой мере возможно фактически влиять на процесс смерти и перевоплощения. Тибетская литература рассказывает, что определенные высокосоввершенные духовные мастера способны выбирать время и место своей смерти, предсказывать или назначать время и место своего следующего воплощения и даже сохранять непрерывность сознания при прохождении через «бардо» (промежуточные состояния между смертью и следующим воплощением).

Согласно этим текстам, совершенные тибетские монахи, чтобы определить местонахождение ребенка, являющегося перевоплощением какого-либо тулку или далай-ламы, могут использовать особые указания, полученные в сновидениях и медитациях, а также различные внешние знамения. В итоге ребенка находят, привозят в монастырь и подвергают тестам, в которых он должен правильно определить, какие предметы из нескольких наборов принадлежали ему в прошлой жизни. Некоторые аспекты этой практики можно, по крайней мере теоретически, строго протестировать согласно западным критериям.

Первоплощение: факт или вымысел?

Теперь мы можем обобщить объективные свидетельства, которые составляют основу широко распространенного «верования» в перевоплощение и карму. На самом деле слово «верование» здесь совершенно не годится. Ведь «верование» — это теоретическая система мысли, концептуальная основа, которая пытается дать объяснение множеству необычных переживаний и наблюдений. В холотропных состояниях, спонтанных или вызванных искусственно, переживания эпизодов из жизней людей различных исторических периодов и разных стран мира не только возможны, но и вполне обычны. Переживая эти события, мы испытываем убедительное чувство, что действительно были когда-то этими людьми и жили их жизнью. Эти переживания, как правило, очень яркие и могут захватывать все наши чувства.

По содержанию переживания прошлых жизней выходят за пределы расовых и культурных границ и могут иметь место в любой стране мира и в любой период человеческой истории и предыстории. Они часто обеспечивают подробную информацию о странах, культурах и эпохах. Во многих случаях эта информация далеко превышает наше прежнее знание того или иного вопроса и наш уровень образования. Иногда в сценах из прошлой жизни могут действовать животные. Например, мы можем переживать ситуацию, в которой нас терзает тигр или затаптывает слон. За многие годы я наблюдал и переживания прошлых жизней, где присутствовал только один живой персонаж, например эпизоды, где на переживающего обрушивалась лавина или падало дерево. Терапевтический потенциал переживаний прошлых жизней и связанные с ними синхронности — дополнительные яркие черты этих явлений. Вот какие факты нам следует знать, прежде чем мы попробуем вынести суждение относительно «верования» в перевоплощение и карму.

Необычные свойства переживаний прошлых жизней неоднократно подтверждались независимыми наблюдателями. Однако все эти впечатляющие факты вовсе не обязательно представляют собой окончательное «доказательство» того, что мы переживаем смерть и воплощаемся как те же самые отдельные единицы сознания, или те же самые индивидуальные души. Этот вывод — лишь одно из возможных толкований существующих фактов. В сущности, с той же ситуацией мы сталкиваемся в науке, когда, собрав данные наблюдений, ищем теорию, которая могла бы их объяснить и поместить в соответствующую понятийную схему.

Одно из основных правил современной философии науки гласит, что теория никогда не должна по ошибке приниматься за реальность, которую она описывает. История науки четко свидетельствует, что для толкования доступной информации всегда существует не один способ. В изучении феноменов прошлой жизни, равно как и в любой другой исследуемой области, мы должны отделять факты наблюдений от теорий, которые пытаются их объяснить. Например, падение предмета — факт наблюдения, тогда как теории, пытающиеся дать объяснение, почему это происходит, в ходе истории несколько раз менялись и, разумеется, будут меняться дальше.

Существование переживаний прошлых жизней со всеми присущими им замечательными характеристиками есть неоспоримый факт, который может быть проверен всяким серьезным, достаточно непредвзятым и заинтересованным исследователем. Понятно также, что с позиций традиционной психиатрии и психологии невозможно убедительно объяснить это явление. С другой стороны, толкование существующих данных — вопрос гораздо более сложный и трудный. Популярное понимание перевоплощения как повторяющегося цикла жизни, смерти и нового рождения того же самого индивида — вполне резонный вывод, который можно сделать, исходя из доступных фактов. Оно, безусловно, прогрессивнее позиции традиционных психологов и психиатров, которые игнорируют все имеющиеся факты и жестко придерживаются укоренившегося образа мыслей. Однако нетрудно представить себе альтернативные толкования той же информации. Разумеется, ни одно из этих объяснений не соответствует материалистической парадигме.

В духовной литературе можно найти по меньшей мере две альтернативные точки зрения. В индуистской традиции вера в перевоплощение отдельных индивидов представлена как популярное и наивное понимание перевоплощения. В конечном итоге лишь одно существо обладает истинным существованием — это Брахма, или сам творческий принцип. Все отдельные индивиды во всех измерениях бытия — продукт бесконечных метаморфоз этой огромной сущности. Поскольку во вселенной все разделения и границы иллюзорны и произвольны, реально воплощается только Брахма. Все действующие лица в этой божественной игре бытия являют собой различные аспекты этого Одного. Обретая это абсолютное знание, мы становимся способны увидеть, что переживания наших прошлых воплощений представляют собой просто еще один уровень иллюзии, или *майи*. Чтобы видеть эти жизни как наши собственные, от нас, участников космической драмы, требуется воспринимать себя как отдельных индивидов и сохранять неведение относительно основополагающего единства всего сущего.

Кристофер Бах в своей книге «Жизненные циклы» (Bache 1991) обсуждает любопытное понимание перевоплощения, изложенное в книгах Джейн Робертс (Roberts 1973) и в работах других авторов. Здесь акцент сделан не на индивидуальной единице сознания и не на Боге, но на Сверхдуше — сущности, находящейся между ними. Если термин «душа» относится к сознанию, которое собирает и объединяет переживания индивидуального воплощения, то Сверхдуша, или Душа, — имя большего сознания, которое собирает и объединяет переживания многих воплощений. Согласно этой точке зрения, воплощается не отдельная единица сознания, а именно Сверхдуша.

Бах показывает, что если мы рассмотрим продолжения наших прошлых жизней, то станет ясно, что мы не представляем собой просто совокупность всех содержавшихся в них переживаний. Сверхдуша воплощается с целью собрать особые переживания. Полная вовлеченность в какую-либо отдельную жизнь требует разрыва связи со Сверхдушой и принятия отдельной, конкретной личности. В момент смерти отдельный индивид растворяется в Сверхдуше, оставляя после себя только мозаику неусвоенных трудных переживаний. Далее в процессе, который можно сравнить со сдачей карт в карточной игре, эти переживания включаются в жизнь других воплощенных существ.

В этой модели не существует подлинной непрерывности между жизнями индивидов, воплощающихся в разное время. Переживая непроработанные фрагменты других жизней, мы имеем дело не с нашей личной кармой, но в действительности расчищаем поле Сверхдуши. Образ, который Бах использует для иллюстрации связи между индивидуальной душой и Сверхдушой, — это раковина наутилуса. В ней каждая камера представляет отдельную единицу и отражает определенный период жизни моллюска, но все эти камеры объединены в большее целое.

Пока что мы рассмотрели три разных способа интерпретации наблюдений, относящихся к феноменам прошлой жизни. В них воплощающиеся единицы были соответственно индивидуальными единицами сознания, Абсолютным Сознанием и Сверхдушой. Но мы не исчерпали всех возможностей альтернативных объяснений наблюдаемых фактов. Поскольку во вселенной все границы по своей природе произвольны, мы точно так же могли бы определить в качестве принципа воплощения единицу большую, чем Сверхдуша, например поле сознания всего человеческого вида или всех форм жизни.

Мы могли бы продолжить наш анализ, сделав еще один шаг вперед, и исследовать факторы, определяющие специфический выбор кармических переживаний, которые предназначены воплощающимся единицам сознания. Например, отдельных людей, с которыми мне доводилось работать, посещали убедительные прозрения, что в процессе выбора этих переживаний, возможно, играют важную роль время и место конкретного воплощения, а также соответствующее расположение планет. Это понимание в общем согласуется с наблюдениями из психоделических сеансов, холотропной терапии и спонтанных эпизодов психодуховного кризиса. Они показывают, что во всех этих ситуациях содержание и продолжительность необычных состояний тесно связаны с транзитами планет (Тарнас, в печати).

Холотропные переживания и их влияние на нашу систему верований

Чтобы шире взглянуть на вопрос о перевоплощении, давайте исследуем изменения в наших верованиях, происходящие во время систематической внутренней работы, включающей холотропные состояния. Наша вера и неверие в перевоплощение, равно как и понимание того, что существует нечто, остающееся жить после смерти, отражают природу и уровень наших переживаний. Типичный представитель западного индустриального общества верит, что он — физическое тело. Это, безусловно, ограничивает существование индивида сроком жизни, который начинается с момента зачатия и заканчивается смертью. Но, как мы видели, этот «односрочный» подход противоречит позиции многих человеческих обществ, существовавших на протяжении истории. В нашей культуре его сильно поддерживает неудачный союз материалистической науки и христианской церкви. Проблема перевоплощения — одна из тех редких областей, где эти институты приходят к полному согласию.

Личные переживания воспоминаний о прошлых жизнях, с которыми мы встречаемся в медитации, эмпирической психотерапии, психоделических сеансах или психодуховных кризисах, бывают чрезвычайно достоверны и убедительны. Они могут вызвать в нашем мировоззрении коренные перемены и открыть нас к пониманию перевоплощения не как «верования», а как эмпирической реальности. Поэтому акцент нашего самоисследования может значительно измениться. Ранее мы, возможно, чувствовали, что важнее всего прорабатывать травмы детства, младенчества и рождения, поскольку понимали, что они являются источником трудностей теперешней, настоящей жизни. Открыв для себя кармическую сферу, мы обретаем еще большую заинтересованность в освобождении от травматических кармических матриц, ибо они потенциально загрязняют не только одну теперешнюю жизнь, но и последующие.

На этом этапе у нас часто возникают дополнительные переживания прошлой жизни, которые могут быть весьма богаты точными подробностями и сопровождаться удивительными синхронностями. Таким образом, мы продолжаем накапливать убедительные доказательства реальности и достоверности такого понимания существования. Мы более не считаем себя тем, что Алан Уоттс назвал «эго в капсуле из кожи». Теперь мы уже не отождествляем себя с одним

конкретным индивидом, который живет от зачатия до смерти, — теперь мы имеем более широкое представление о себе.

Наша новая личность — это личность некого существа, бытие которого длится много жизней: одни из них уже миновали, другие ожидают нас в будущем. Чтобы увидеть себя таким образом, нам нужно выйти за пределы прежнего убеждения в том, что наша жизнь ограничивается сроком от зачатия до смерти. Однако в то же самое время мы должны сохранять веру в абсолютную природу пространственных границ, которые отделяют нас от других людей и от остального мира. Мы понимаем, что не являемся замкнутыми последовательностями жизней, и точно так же видим своих кармических партнеров.

Если мы продолжим наше внутреннее путешествие, то дополнительные холотропные переживания могут открыть нам, что даже эти пространственные границы в конечном счете иллюзорны и способны растворяться. Тем самым формируется совершенно новый взгляд на идею перевоплощения. Теперь мы вышли за пределы идеи кармы, как ее обычно понимают, поскольку достигли уровня, где уже нет отдельных индивидов. Что же до существования «различных персонажей», то это необходимая предпосылка любого кармического взаимодействия. В этот момент мы отождествляемся с единым полем космической творческой энергии и с Абсолютным Сознанием. С данной точки зрения драмы прошлой жизни — лишь еще один уровень иллюзии, игры *майи*. Становится ясно, что в абсолютном смысле все жизни имеют только одно действующее лицо и в конечном счете не содержат вещества.

Теперь мы более не верим в карму — разумеется, в том смысле, в каком мы верили прежде. Эта форма неверия в корне отлична от позиции материалиста-скептика и атеиста. Мы все еще помним то время, когда мы жили в совершенно зажатом состоянии сознания и отвергали идею перевоплощения как смешную и абсурдную. Мы также отдаем себе отчет, что сильные и захватывающие переживания могут вывести нас на такой уровень сознания, где перевоплощение уже не концепция, но живая реальность. И мы знаем, что можно выйти за пределы и этой стадии, когда процесс внутреннего самоисследования приводит нас к переживаниям, которые позволяют нам понять относительность всех границ и Пустоту, лежащую в основе всех форм.

Ни категорическое отрицание возможности перевоплощения, ни вера в его объективное существование не истинны в абсолютном смысле. Все три вышеупомянутых подхода к данной проблеме эмпирически весьма реальны, и каждый из них отражает определенный уровень прозрения относительно устройства вселенной. В конечном счете реально только существование самого творческого принципа. И тот мир, в котором перевоплощение кажется невозможным, и тот, где оно является неоспоримым фактом, суть виртуальные реальности, созданные симфонией переживаний. По этой причине космическая игра может включать сценарии, которые с нашей ограниченной, обыденной позиции могут показаться несовместимыми и противоречащими друг другу. Во Вселенском Разуме и его божественной игре эти сценарии могут сосуществовать совершенно естественным образом.

Глава девятая

Запрет на знание того, кто мы есть

*Наше рождение — лишь сон и забвение:
Душа, восходящая с нами, Звезда нашей жизни
Зашла в другом месте
И приходит издалека —
Не в полном забвении,
И не совершенно нагими,
Но стелющимися облаками славы приходим мы в этот мир:
Небеса лгут нам, младенцам, о нас самих!
Над нами начинается сгущаться сумрак темницы.*

Уильям Вордсворт. «Знаки бессмертия»

Совершенная иллюзия

В холотропных состояниях мы способны выходить за пределы воплощенного эго, с которым обычно отождествляемся, и переживать себя другими людьми, животными, растениями и даже неорганическими частями природы или различными мифологическими существами. Мы обнаруживаем, что разделение и прерывистость, которые нам обычно видятся в творении, произвольны и иллюзорны. Когда все границы растворяются и мы оказываемся за их пределами, мы можем переживать отождествление с самим истоком творения, который проявляется либо в форме Абсолютного Сознания, либо как Космическая Пустота. Таким образом, мы обнаруживаем, что наша истинная личность — это не индивидуальное «я», но «Я» Вселенское.

Каким образом нам объяснить силу своей веры в то, что мы — существующие в мире физические тела, если наша глубочайшая природа действительно божественна и мы тождественны вселенскому творческому принципу? Какова природа этого фундаментального неведения касательно нашей истинной личности, этой таинственной пелены забвения, которую Алан Уоттс называл «запрет на знание того, кто ты есть» (Watts 1966)? Как возможно, что неисчерпаемая и вневременная духовная сущность фактически творит из себя и внутри себя виртуальное факсимиле материальной реальности, населенной живыми существами, переживающими себя отделенными как от своего истока, так и друг от друга? Почему актеры, играющие в мировой драме, заблуждаясь, верят в объективное существование своей иллюзорной реальности?

Самое лучшее из всех объяснений, какие мне доводилось слышать, — это то, что космический творческий принцип сам себя заманивает в ловушку собственного совершенства. Творческое намерение, стоящее за божественной игрой, заключается в том, чтобы вызвать к бытию такие эмпирические реальности, которые обеспечат наилучшие возможности для приключений в сознании. Чтобы удовлетворять такому требованию, эти реальности должны быть убедительны и правдоподобны до мелочей. В качестве примера мы можем использовать здесь такие направления искусства, как театр и кино. В некоторых случаях игра и постановка бывают настолько совершенны, что мы забываем об иллюзорности наблюдаемых событий и

реагируем на них так, словно они реальны. Иногда и хороший актер может утратить ощущение своей личности и временно слиться с исполняемой ролью.

Как я уже говорил, мир, в котором мы живем, обладает множеством характеристик, отсутствующих у Абсолютного Сознания в его чистой форме, например многообразием, противоположностями, плотностью, физическими характеристиками, изменчивостью и непостоянством. Проект творения факсимиле материальной реальности, обладающей этими свойствами, выполняется с таким художественным и научным совершенством, что отколовшиеся единицы Вселенского Разума находят его целиком и полностью убедительным и ошибочно принимают за реальность. Что же до атеиста, то через него, крайнее выражение своего художественного мастерства, божественное превосходно выдвигает доводы не только против своего участия в творении, но и против самого своего существования.

Одной из важных хитростей, помогающих творить иллюзию обычной материальной реальности, является существование банального и уродливого. Если бы мы все были сияющими эфирными существами, получающими жизненную энергию прямо от солнца и живущими в мире, где все ландшафты выглядели бы как на Гималаях, в Большом каньоне или на девственных островах Тихого океана, то наша причастность к божественной реальности стала бы очевидной. Аналогичным образом, если бы в нашем мире все здания были подобны Альгамбре, Тадж-Махалу, Занаду или Шартрскому собору или если бы нас окружали скульптуры Микеланджело и мы бы слушали музыку Бетховена или Баха, то было бы легче узреть божественность природы нашего мира.

То, что мы обладаем физическими телами со всеми присущими им секретами, выделениями, запахами, несовершенствами и патологиями, а также желудочно-кишечным трактом, содержимое которого весьма неприятно, несомненно, затуманивает и запутывает вопрос о нашей божественной природе. Физиологические функции организма, такие, как рвота, отрыжка, метеоризм, дефекация и мочеиспускание, вместе с окончательным разложением человеческого тела еще больше усложняют картину. Таким же образом, нам мешает увидеть нашу жизнь как божественную игру существование отталкивающих «пейзажей», например свалок, загрязненных промышленных территорий, помоек, зловонных туалетов с непристойными «граффити» на стенах, городских гетто и тысяч и тысяч притонов. Существование зла и сама хищническая природа жизни делают эту задачу почти неразрешимой для среднего человека. Еще одно серьезное препятствие для образованных западных людей — это мировоззрение, созданное материалистической наукой.

Разумеется, связывать божественное с красотой гораздо легче, чем с уродством. Однако, если посмотреть на устройство Вселенной с более широкой перспективы, то можно увидеть, что включение в него отталкивающих моментов делает спектр бытия богаче и помогает замаскировать божественную природу творения. Образ отвратительного может быть исполнен огромного совершенства, и способность творить его может стать интересной задачей. Когда мы осознаем, что сложная природа Космического Сознания включает, в частности, определенные характеристики, которые на нашем уровне отражаются в художниках и ученых, то стремление исследовать весь спектр возможностей, включая проявления безобразного, вызывающего отвращение, тотчас перестает быть для нас неожиданностью.

Мир нашего искусства, включая живопись, литературу и кино, вряд ли можно упрекнуть в односторонности к прекрасному и возвышенному. Точно так же и ученых не отпугивают исследования любых аспектов бытия, и многие из них не прекращают своих страстных поисков, даже если их открытия чреваты трагическими и грозными последствиями для всего нашего мира. Осознав происхождение и цель космической драмы, мы не можем не пересмотреть решительным образом обычные критерии совершенства и красоты. Одна из важных задач

духовного странствия — суметь увидеть божественное не только в необычном и обычном, но и в низком и безобразном.

По нашим обычным критериям Альберт Эйнштейн — гений, который явно возвышается над всеми своими соплеменниками-людьми и тем паче над приматами вроде шимпанзе. Однако с космической перспективы между Эйнштейном и человекообразной обезьяной нет никакой разницы, поскольку оба они являются совершенными образцами того, чем им назначено быть. В шекспировской пьесе король определенно стоит выше придворного шута. Однако на актерском статусе Лоуренса Оливье никоим образом не отражается то, кого из этих двух персонажей он играет, поскольку игра его совершенна. Аналогичным образом Эйнштейн — это Бог, безусловно воплощающий себя в Альберте Эйнштейне, а шимпанзе — это Бог, в совершенстве играющий роль шимпанзе.

Обычно, если у нас неплохой эстетический вкус, мы восхищаемся творениями Микеланджело или Винсента Ван Гога и не интересуемся кичем. Все это верно, если сопоставить усилия обычного человека, дающие столь разные результаты. Но истинными создателями этих работ были не воплощенные самости авторов, а Абсолютное Сознание и космическая творческая энергия, действующая через них и осуществляющая конкретную цель. Если творческий замысел состоял не в том, чтобы создать великий шедевр, но добавить к космической игре феномен кича, замысел сам по себе был совершенством.

То же можно сказать и о безобразной жабе, создании, включенном в устройство вселенной тем же источником, который мог сотворить бабочек-парусников, павлинов и газелей. Очевидно, именно понимаемое таким образом абсолютное совершенство творения отвечает за «запрет на знание того, кто мы есть». Виртуальная реальность, имитирующая материальную вселенную, разработана настолько подробно, что результат абсолютно убедителен и правдоподобен. Единицы сознания, которым в этой пьесе пьес назначено бесчисленное множество ролей, переплетаются в сложной и запутанной канве ее иллюзорной магии.

Творческий сценарий демиургов

Прозрения относительно природы и движущих сил космической игры необязательно проявляются на уровне высшего творческого принципа. Гэйл, консультант, участвовавшая в нашей тренировочной программе для специалистов в Мэрилендском центре психиатрических исследований, пережила в своем психоделическом сеансе интересные события, которые отражали космогонию как творческую игру-соперничество четырех сверхчеловеческих существ-демиургов. И хотя ее переживание необычно в том смысле, что включает не один творческий принцип, а несколько существ-демиургов, я все-таки процитирую его. Оно с чрезвычайной ясностью иллюстрирует множество вопросов, относящихся к проблеме воплощения духовных существ и «запрета на знание того, кто ты есть». Вот соответствующая выдержка из описания этого сеанса:

Я очутилась в измерении, которое, похоже, находилось за пределами времени и пространства, как мы их знаем. Теперь, когда я размышляю об этом переживании, мне приходит на ум понятие гиперпространства, используемое современными физиками. Правда, такой технический термин не передает глубочайшего чувства благоговения перед божественным, которое наполняло мое переживание. Я осознавала себя сверхчеловеческим существом невероятных размеров, которое выходило за пределы

всех ограничений и существовало прежде, чем появились ограничения. Я не обладала никакой формой, я была чистым сознанием, парящим в Абсолютном Пространстве. И хотя там не было источника света, я не могу сказать, что находилась в абсолютной темноте.

Я пребывала в этом пространстве вместе с тремя другими существами. Несмотря на то что они, подобно мне, были чисто абстрактными и аморфными, я могла отчетливо ощущать присутствие каждого из них и телепатически общаться с ними. Мы развлекали друг друга разнообразными и блестящими интеллектуальными играми: необычные идеи вспыхивали как фейерверк. Эти игры по своей сложности, изысканности и уровню воображения превосходили все известное людям. Это было чистое развлечение, искусство для искусства, поскольку в той форме, в которой мы пребывали, ничто не имело практического применения.

В связи с этой ситуацией мне приходят в голову киты, плавающие в океане, которые обладают огромным мозгом и наделены интеллектом, соответствующим нашему или даже превосходящем его. Поскольку природа не создает и не поддерживает органы и функции, которые не используются, умственная деятельность представителей семейства китов должна быть сопоставима с человеческой. Однако их анатомия дает им лишь минимальную возможность физически выражать то, что происходит в их мозгу. Однажды мне довелось читать рассуждения одного исследователя, который утверждал, что киты, возможно, проводят большую часть времени, развлекая друг друга своими удивительными голосами, которые слышны в океане за сотни миль. Не рассказывают ли они друг другу истории и не передают ли художественные произведения? А может быть, они ведут философские диалоги или играют в сложные игры? А вдруг они подобны индийским и тибетским йогам, которые в своих глубоких медитациях, в тишине своих пещер и келий переживают связь со всей историей космоса и другими реальностями?

После этого вступления, описывающего общую атмосферу и ситуацию этого переживания, а также размышления о развоплощенном существовании как чисто духовном бытии, Гэйл сосредоточила внимание на той части сеанса, которая непосредственно относится к нашему обсуждению — «запрету на знание того, кто ты есть».

Одно из существ выступило с интригующей идеей. Оно предложило попробовать создать игру, включающую реальность со множеством всяческих существ различных размеров и форм. Они будут якобы плотными и твердыми и существовать в мире, наполненном объектами, различными по форме, структуре и содержанию. Эти существа будут рождаться, развиваться, вступать друг с другом в сложные взаимодействия, а затем прекращать свое существование. В каждой из этих групп существ различных порядков будут две формы — мужская и женская, дополняющие друг друга и участвующие в воспроизведении.

В этой реальности будут существовать пространственно-временные координаты и время в ней будет течь только в одном направлении — от прошлого через настоящее к будущему, а последующие события определяться предыдущими. Там будут огромные исторические периоды, отличные друг от друга. В этой реальности нужно будет разными способами путешествовать, чтобы добраться из одного места в другое. Как и во всех играх, этими событиями, происходящими в мире, будут управлять разнообразные жесткие ограничения, правила и законы. Вхождение в эту реальность и

принятие в ней различных ролей обеспечит уникальное и изысканное развлечение.

Три духовных существа были заинтригованы, но выражали сомнения и недоверие по поводу предложенного проекта. Эта идея была столь же потрясающей, сколь и малоосуществимой. Как заставить неограниченное духовное существо, пребывающее в мире всех возможностей, поверить, что оно ограничено твердым телом странной формы, имеющим голову, туловище и конечности, и что оно зависит от употребления в пищу других живых существ и наличия газа под названием кислород? Как убедить его, что оно обладает ограниченными интеллектуальными способностями и что его восприятие ограничено органами чувств? Слишком фантастично, чтобы говорить об этом всерьез! Далее Гэйл описывает, как существа-демиурги разрешили эту проблему.

Далее последовал живой интеллектуальный обмен. Автор плана отвечал на все наши возражения, настаивая, что проект полностью осуществим. Он был убежден, что достаточная сложность и интригующая природа этого сценария, последовательная связь специфических ситуаций с захватывающими переживаниями, а также тщательная маскировка всех лазеек — это все, что нужно, чтобы заманить участника в сложную сеть иллюзий и подвести его к вере в реальность игры. Мы все больше восхищались имеющимися возможностями и, в конце концов убедившись, что этот необычный проект жизнеспособен, заинтригованные обещанием необычных приключений сознания, согласились вступить в игру воплощений.

Это переживание каким-то образом разрешило все мои тревоги относительно проблемы кармы. Я твердо поверила, что я по своей сути существо духовное и если уж вовлечена в эту космическую драму, то только по своей воле. Выбор воплощения подразумевает добровольное принятие большого числа ограничений, правил и законов, как это всегда делается, когда мы решаем начать игру. С этой позиции бессмысленно обвинять кого-либо за все то, что происходит в нашей жизни. Тот факт, что на высшем уровне мы свободны в выборе, вступать нам в космическую игру или нет, создает метаструктуру, которая переопределяет все, что происходит внутри нас.

Превратности и ловушки путешествия назад

Существует еще одна важная причина тому, отчего так трудно освободиться от иллюзии отдельности нашего существования в качестве индивидов, живущих в материальном мире. Пути к воссоединению с божественным истоком преисполнены всяческих трудностей, перемен и неоднозначностей. Божественная пьеса не является полностью закрытой системой, она предлагает действующим лицам возможность обнаружить истинную природу творения, включая их собственный космический статус. Но в целях поддержания равновесия в космической драме пути к просветлению и воссоединению нелегки; прямые пути бегства из иллюзорного мира материальной реальности преисполнены трудностей, а большая часть потенциальных обходных путей в творении тщательно сокрыта. Эти превратности и ловушки на духовном пути суть важная часть запрета на знание о том, кто мы есть.

Все возможности духовного раскрытия осложнены разнообразными препятствующими силами. В средние века людям, имевшим спонтанные психодуховные переживания, святая инквизиция угрожала пытками и экзекуцией. В наше время на смену обвинениям в колдовстве,

пыткам и аутодафе пришли психиатрические ярлыки и решительные терапевтические меры.

Материалистическое наукообразие XX века осмеивало любые духовные искания, считая их патологией, независимо от того, насколько они серьезны и сложны.

Авторитет науки в современном обществе затрудняет серьезное восприятие духовности и следование по пути духовных открытий. Вдобавок догмы и деятельность главных религий имеют тенденцию затуманивать тот факт, что единственным местом, где можно обнаружить истинную духовность, служит наша психика. Организованная религия в худшем своем проявлении становится не институтом, который помогал бы нам поддерживать связь с божественным, но серьезным препятствием к любым духовным поискам.

Технологии священного, разработанные различными туземными культурами, отвергались на Западе как продукты магического мышления и примитивных дикарских суеверий. Духовный потенциал сексуальности, который находит свое выражение в тантре, намного перевешивают ошибочные выводы относительно того, что секс якобы есть хищный, животный инстинкт. Появление психodelиков, которые дают возможность широко раскрыть врата трансцендентные измерения, вскоре привело к безответственному мирскому потреблению этих снадобий, чреватому помрачением рассудка, нарушениями на хромосомном уровне, что вызвало законодательные санкции.

Неудавшийся эксперимент с астральным переносом

Мы настолько срослись с нашим убеждением в объективности существующего и предсказуемого материального мира, что неожиданное разрушение знакомой реальности и нарушение «запрета на знание того, кто ты есть» может сопровождаться неопишным метафизическим ужасом. Я проиллюстрирую этот момент захватывающей историей о моем «астральном переносе» из Балтимора в Прагу, о котором я упоминал ранее. Я прервал свой рассказ на том месте, где мне показалось, что я угодил в пространственно-временную петлю и не мог понять, в каком из двух городов я на самом деле находился. Вот чем закончилось это необычное путешествие сознания:

Я чувствовал, что мне нужно более убедительное доказательство, что переживаемое мною «объективно реально» в обычном смысле. В конце концов я решил провести опыт: убрать картину со стены, а затем проверить, заметили ли родители в квартире что-нибудь необычное. Я потянулся к картине, но, прежде чем смог до нее дотронуться, мною овладело неприятное чувство, что мое намерение рискованно и опасно. Я вдруг ощутил, что меня атакуют злые силы черной магии. Мне казалось, что я начинаю азартную игру, поставив на кон собственную душу.

Я остановился и сделал отчаянную попытку понять, что происходит. Перед моими глазами сверкали самые знаменитые в мире казино — Монте-Карло, Лидо в Венеции, Лас-Вегас, Рино. Я видел шары или рулетки, вращающиеся с умопомрачительной скоростью, рычаги игровых автоматов,двигающиеся вверх-вниз, кости, выбрасываемые на зеленое сукно игровых столов. Видел группы картежников, сдающих карты, группы игроков в баккара, а также толпы зевак, глазеющих на мерцающие огни досок для кено. Далее последовали сцены тайных встреч глав государств, политиков, военных чиновников и ведущих ученых.

В конце концов меня осенило, что я все еще не преодолел свой эгоцентризм и

неспособен сопротивляться искушению обрести власть. Возможность выхода за пределы ограничений времени и пространства казалась мне пьянящей и опасно соблазнительной. Если бы я мог удерживать контроль над пространством и временем, мне были бы обеспечены невероятные суммы денег, а также все, что можно на эти деньги купить. И тогда мне оставалось бы только пойти в ближайшее казино, лотерейный пункт или на фондовую биржу. Обрести я власть над временем и пространством, для меня не существовало бы никаких секретов. Я мог бы подслушивать на встречах в верхах и иметь доступ к самым секретным разработкам. Мне открылись бы такие возможности управления ходом событий в мире, о которых и мечтать не приходится.

Я понял, какими опасностями чреват мой эксперимент. Мне вспомнились отрывки из различных духовных книг, предостерегающие от баловства со сверхъестественными силами, пока мы не преодолели ограничений нашего эго и не достигли духовной зрелости. Но было и нечто еще более важное. Я обнаружил, что чрезвычайно двойственно отношусь к исходу своего опыта. С одной стороны, чрезвычайно заманчиво было освободиться от оков времени и пространства. С другой же стороны, было очевидно, что положительный исход этого опыта повлечет за собой серьезные и далеко идущие последствия. Мою затею явно нельзя было рассматривать как изолированный эксперимент, открывающий произвольную природу пространства и времени.

Если я найду подтверждение того, что возможно манипулировать физической средой на расстоянии нескольких тысяч миль, то в результате этого разрушится все мое представление об окружающем мире и я окажусь в состоянии полного метафизического замешательства. Знакомый мне мир перестанет существовать. Я потеряю все карты, на помощь которых до сих пор полагался и с которыми чувствовал себя уверенно. Исчезнет понимание того, кто я, где я и в каком времени со мной все это происходит, а в итоге я затеряюсь в совершенно новой, жуткой вселенной, законы которой для меня чужды. Обладай я этими силами, почти наверняка нашлись бы люди, которые также ими обладают. Я нигде не смогу найти уединения, и никакие двери и стены меня больше не защитят. Мой новый мир будет полон потенциальных непредвиденных опасностей.

Я не смог заставить себя завершить эксперимент и решил оставить вопрос об объективности и реальности этого переживания открытым. Все это дало мне возможность поиграть с идеей выхода за пределы пространства и времени. В то же время, как казалось, открылась возможность увидеть весь эпизод как некий обман, вызванный сильным психоделическим веществом. Мне стало жутко при мысли, что разрушение знакомой мне реальности было объективно подтверждено.

Прекратив эксперимент, я тотчас же оказался в Балтиморе, в той комнате, где принимал вещество, и за несколько часов все окружающее стабилизировалось и приняло форму привычной «объективной реальности». Я долго не мог простить себе, что упустил шанс завершить такой уникальный и фантастический эксперимент. Однако сомневаюсь, что вновь не упущу аналогичный шанс, предоставься он мне в будущем, ибо метафизический ужас, наполнявший этот опыт, для меня незабываем.

Теперь мы можем реализовать прозрения холотропных состояний, касающиеся «запрета на знание того, кто мы есть». На всех уровнях творения, за исключением Абсолютного, участие в космической игре требует, чтобы отделившиеся единицы сознания, забыв о своей истинной сущности, считали себя отдельными индивидуальностями и воспринимали других участников совершенно отличными от себя. Процесс творения порождает множество сфер с различными характеристиками, и каждая из них предоставляет уникальные возможности невероятных приключений в сознании. Переживание мира грубой материи и отождествление с биологическими организмами, существующими в мире, — это всего лишь крайнее выражение вселенского процесса, о котором мы говорим.

Мастерство, с которым творческий принцип изображает различные сферы существования, делает переживания соответствующих ролей настолько правдоподобными и убедительными, что увидеть их иллюзорную природу чрезвычайно трудно. Кроме того, возможности преодоления иллюзии обособленности и переживания воссоединения связаны с чрезвычайными трудностями и сложными неоднозначностями. В сущности, у нас нет фиксированной личности, и мы можем переживать себя как нечто пребывающее в континууме между воплощенным «я» и Абсолютным Сознанием. Степень свободы выбора, которой мы, как действующие лица, обладаем на различных уровнях космической игры, падает по мере нисхождения сознания из Абсолюта на план материального существования и возрастает по мере нашего возвращения к истоку. Поскольку по своей истинной природе мы — неограниченные духовные существа, мы входим в космическую игру на основе свободного выбора и оказываемся в западне того совершенства, с каким она разыгрывается.

Глава десятая

Играя в космическую игру

Две птицы с прекрасным оперением, подруги и товарки, сидят на одном дереве. Одна из них лакомится сладким плодом, другая же просто рассматривает его и не ест.

Ригведа

*Как мало мы знаем о самих себе!
И насколько меньше о том, кем мы можем быть!*

Джордж Гордон Байрон

Три яда в соответствии с тибетским буддизмом

В предыдущей главе мы довольно подробно исследовали всеохватную картину творения, а также возвышенный образ человеческой природы, открывшиеся в работе с холотропными состояниями. И поскольку наше повествование близится к концу, целесообразно рассмотреть практическое применение этой информации в повседневной жизни. Здесь самый важный вопрос: как систематическое самоисследование с использованием холотропных состояний влияет на наше душевное и физическое здоровье, личность, мировоззрение и систему ценностей? могут ли эти новые открытия дать нам особые указания относительно того, как нам следует жить, чтобы извлечь максимальную пользу из полученных сведений?

Духовные учителя всех веков согласны в том, что преследование материальных целей само по себе никогда не приводит к совершенству самовыражения, счастью и внутреннему спокойствию. В развитых обществах ширящийся глобальный кризис, моральное разложение и растущее недовольство, сопровождающие рост материального изобилия, все больше свидетельствуют об истинности этой древней мудрости. Вся мистическая литература объединена одной общей мыслью: чтобы излечить экзистенциальный недуг, гложущий человечество, нужно обратиться внутрь себя, искать ответ в своей душе и подвергнуться глубокому психодуховному преображению. Из этого, разумеется, вытекает вопрос о природе и направлении изменений, которые мы должны пройти, чтобы улучшить качество своей жизни.

Очень четкий и точный ответ на этот вопрос можно найти в различных школах буддизма махаяны. В качестве основы нашего обсуждения мы можем здесь воспользоваться известным тибетским изображением цикла жизни, смерти и перевоплощения. Это так называемое Колесо Жизни, которое держит устрашающий Бог Смерти. Оно разделено на шесть сегментов, представляющих различные *локи*, или области, в которых мы можем родиться. Небесная сфера богов соседствует с миром воинствующих богов, или *асуров*, которые постоянно претендуют на ее завоевание. Сфера голодных духов населена *претами* — жалкими созданиями, воплощающими ненасытную алчность. У них огромные животы и неимоверный аппетит, но рты размером лишь с игольное ушко. Остальные сегменты колеса отражают миры людей, диких животных, а также сферу ада. Внутри колеса находятся два концентрических круга. Внешний

показывает восходящий и нисходящий пути странствия души в сансаре, а во внутреннем изображены три животных — свинья, змея и петух.

Животные в центре круга представляют «три яда», или силы, которые, согласно учению Будды, увековечивают циклы рождений и смертей и отвечают за все страдания нашей жизни. Свинья символизирует неведение о природе реальности и о нашей собственной природе, змея — гнев и агрессию, а петух — желание и вожделение, ведущие к привязанности. Качество нашей жизни и наша способность справляться с ее проблемами решающим образом зависит от того, насколько мы способны устранить или преобразовать эти силы, правящие миром чувствующих существ. Теперь давайте рассмотрим с этой позиции процесс систематического самоисследования, включающего холотропные состояния сознания.

Практическое знание и трансцендентальная мудрость

Самая очевидная польза, которую мы можем извлечь из углубленной эмпирической работы, — это доступ к удивительному знанию самих себя, других людей, природы и космоса. В холотропных состояниях мы можем обрести глубокое понимание бессознательных движущих сил нашей психики. Мы можем выяснить, каким образом на наше восприятие самих себя и окружающего мира влияют забытые и подавленные воспоминания детства, младенчества, рождения и пренатального существования. Кроме того, в трансперсональных переживаниях мы можем отождествляться с другими людьми, с различными животными, растениями и элементами неорганического мира. Переживания такого рода представляют собой чрезвычайно богатый источник уникальных прозрений о мире, в котором мы живем.

В этом процессе мы можем обрести существенный объем знаний, которые принесут нам пользу в повседневной жизни. Что касается неведения, запечатленного на тибетских танка в виде свиньи, то оно не означает отсутствие либо недостаток знания в обычном смысле или адекватную информацию о различных аспектах материального мира. Подразумеваемая здесь форма неведения (*авидья*) — это основополагающее непонимание природы реальности и нашей собственной природы и вытекающие из него заблуждения. Единственным средством преодоления этого вида неведения служит запредельная мудрость (*праджня-парамита*). С этой точки зрения очень важно, что внутренняя работа, включающая холотропные состояния, не просто увеличивает наши знания об устройстве вселенной; она, как мы уже говорили, является также уникальным способом постижения трансцендентных вопросов.

Биографические, перинатальные и трансперсональные корни агрессии

Давайте теперь рассмотрим с той же позиции второй «яд» — человеческую склонность к агрессии. Природу и масштабы человеческой агрессивности невозможно объяснить, просто ссылаясь на наше животное происхождение. Взгляд на людей как на «обезьян без шерсти», агрессивность которых исходит из тех же факторов, что и агрессивность животных, т. е. из основных инстинктов, стратегии «генов-эгоистов» или сигналов из «мозга рептилий», не принимает во внимание природу и степень человеческого насилия. Животные агрессивны, когда голодны, защищают свое территорию или борются за обладание половым партнером. Насилие же, проявляемое людьми, — Эрих Фромм назвал его «злостной агрессией» (Fromm 1973), — не имеет себе равных в животном мире.

Традиционные психологи и психиатры считают, что человеческая агрессивность является результатом расстройств, оскорблений и недостатка любви в младенчестве и детстве. Однако подобные объяснения упускают из виду крайние формы насилия, например серийные убийства, совершенные «бостонским душителем» или типом вроде Джеффри Дэгмера, а также массовые социальные явления, такие, как нацизм и коммунизм. Трудности в ранней истории индивидов

недостаточно объясняют психологические мотивы кровопролитных войн, революций, геноцида и концлагерей — явлений, которыми охвачено большое число людей. Самоисследование с использованием холотропных состояний проливает совершенно новый свет на эти формы человеческого насилия. Исследуя глубины нашей психики, мы обнаруживаем, что корни этой опасной стороны человеческой природы находятся гораздо глубже и более труднодоступны, чем полагают ученые-психологи.

Несомненно, травмы и расстройства, относящиеся к детству и младенчеству, суть важные источники агрессии. Однако эта связь затрагивает данную проблему лишь поверхностно. Систематическая и углубленная внутренняя работа рано или поздно раскрывает перед нами тот факт, что человеческое насилие во многом коренится в травме биологического рождения. Угроза жизни, боль и удушье, переживаемые при рождении в течение многих часов, порождают огромную тревогу и чудовищную агрессию, которые хранятся в памяти психики и тела. Это хранилище врожденного недоверия и враждебности к миру составляет значительную часть темной стороны человеческой личности, которую Юнг назвал Тенью.

Как мы уже видели ранее, повторное переживание рождения в холотропных состояниях обычно сопровождается образами невыносимого насилия, как индивидуального, так и коллективного. Сюда входят переживания увечий, убийств, изнасилований, а также сцен кровопролитных войн, революций, мятежей и концлагерей. Ллойд де Моз (Mause 1975), пионер психоистории, дисциплины, применяющей методы глубинной психологии к социально-политическим явлениям, изучал речи политических и военных лидеров, а также плакаты и карикатуры времен войн и революций. Он был поражен обилием изречений, метафор и образов, относящихся к биологическому рождению, обнаруженных в этом материале.

Военные лидеры и политики всех времен, говоря о критической ситуации или объявляя войну, обычно использовали понятия, описывающие различные моменты перинатальных страданий. Они обвиняли врага в том, что он «душит и подавляет нас», «выжимает из наших легких последний воздух» или «держит нас взаперти и отнимает жизненное пространство» (Hitlers «Lebensraum»). Часто встречаются и упоминания о зыбучих песках, темных пещерах, туннелях, лабиринтах, об опасных пропастях, куда нас могут столкнуть, и об угрозе гибели в пучине или потоке.

Аналогичным образом и военные лидеры облачают свои обещания победы в форму перинатальных образов. Они заявляют, что «спасут нас из предательского лабиринта и поведут к свету, что брезжит в конце туннеля». Клянутся, что, как только угнетатель будет побежден, «все вновь смогут свободно вздохнуть». Я уже показал в другом контексте глубокое сходство между картинами и зарисовками, изображающими перинатальные переживания, и символизмом плакатов и карикатур времен войн и революций (Grof 1996).

Однако даже объяснения, учитывающие перинатальные истоки агрессии, не могут полностью раскрыть природу, масштабы и глубину человеческого насилия. Его глубочайшие корни выходят далеко за пределы индивида — в трансперсональную сферу. В холотропных состояниях эти источники агрессии являются нам в форме гневных божеств, дьяволов и демонов, присутствующих во многих мифологических темах, таких, как Апокалипсис или Рагнарек (гибель богов). В этой книге я уже приводил примеры этих архетипических сил, действующих в глубинах нашей психики. Дополнительными потенциальными хранилищами агрессии на трансперсональном уровне являются воспоминания прошлых жизней и филогенетические матрицы, отражающие наше животное прошлое.

Как мы видели, образ человеческой природы, который раскрывается при изучении холотропных состояний, а также масштабы и глубина человеческой агрессивности, унаследованной нашей плотью, весьма обескураживают. Однако, выявляя колоссальность

проблемы, изучение холотропных состояний обеспечивает и совершенно новые перспективы и надежды. Оно показывает, что для решения проблемы человеческого насилия существуют мощные и эффективные способы. В углубленной эмпирической работе, достигающей перинатального и трансперсонального уровней, за относительно короткое время можно безопасно выразить огромные объемы агрессивности, проработать их и преобразовать. Эта работа проливает новый свет на природу агрессии и ее отношение к человеческой психике. Согласно холотропным прозрениям, агрессия не отражает нашу истинную природу, а скорее служит экраном, отделяющим нас от нее.

Проникнув сквозь эту темную завесу стихийных инстинктивных сил, мы обнаруживаем, что наша внутренняя сущность не животна, но божественна. Это откровение полностью согласуется со знаменитым пассажем из индийских упанишад, который я уже цитировал выше. Суть этих древних писаний предельно ясна: «Тат твам аси» (ты есть то) — «в глубочайшей своей природе ты тождествен Богу». Я на собственном опыте убедился, что ответственная работа с холотропными состояниями может дать весьма обнадеживающие практические результаты. Углубленное внутреннее самоисследование регулярно ведет к уменьшению агрессии и саморазрушительных тенденций, а также к увеличению терпимости и сострадания. Оно также воспитывает уважение к жизни, сострадание к другим живым существам и экологическую чуткость.

Психодуховные истоки ненасытной жадности

Здесь мы подходим к рассмотрению третьего «яда», о котором говорит тибетский буддизм, — к мощной силе, сочетающей в себе качества вожделения, желания и ненасытной алчности. Несомненно, именно эти качества, вместе со «злостной агрессией», в ответе за самые мрачные главы в истории человечества. Западные психологи связывают различные аспекты этой силы с импульсами либидо, описанными Зигмундом Фрейдом. С этой позиции ненасытную алчность можно объяснить исходя из нерешенных оральных проблем периода вскармливания. Аналогично этому чрезмерное пристрастие к деньгам можно связать с подавлением анальных импульсов, а сексуальные крайности — с фаллической фиксацией. Жажда власти подробно описана в психологии Альфреда Адлера — ученика Фрейда, впоследствии отступившего от своего учителя. Адлер рассматривал стремление к власти как компенсацию чувства униженности и неполноценности.

Прозрения, открывшиеся в холотропных состояниях, значительно обогащают эту картину, вскрывая на перинатальном и трансперсональном уровнях психики дополнительные глубинные истоки этого аспекта человеческой природы. Когда процесс нашего эмпирического самоисследования достигает перинатального уровня, мы, как правило, обнаруживаем, что вплоть до этого момента наше существование было во многом неполноценным. К своему удивлению, мы осознаем, что вся наша жизненная стратегия была неправильной. Нам становится ясно, что многое из того, к чему мы стремились, было продиктовано бессознательными эмоциями и движущими энергиями, впечатанными в наши психику и тело в момент рождения.

В нашем организме остаются жить воспоминания о пугающей и чрезвычайно дискомфортной ситуации, в которой мы находились в момент рождения. Если мы посредством систематического эмпирического самоисследования не выведем эти воспоминания на полностью сознательный уровень и не проработаем их, то они будут воздействовать на нас всю

нашу жизнь. Многие из того, что мы делаем в жизни и как мы это делаем, можно истолковать в терминах запоздалых попыток совладать с несовершенным гешталтом рождения и с сопутствующим ему страхом смерти.

Когда эти травмирующие воспоминания близки к поверхности нашей психики, мы испытываем чувство дискомфорта и неудовлетворенности настоящей ситуацией. Это недовольство само по себе аморфно и не поддается точному определению, но может проецироваться на широкий спектр проблем. Мы можем отнести его к своей внешности, нехватке возможностей и материальных средств, низкому социальному положению и влиянию, недостаточной власти и известности, а также ко многому другому.

Какова бы ни была реальность нынешних обстоятельств, ситуация всегда кажется нам неудовлетворительной и решение представляется делом будущего. Подобно тому как плод, проходя по родовому каналу, борется за свою жизнь, мы ощущаем сильную потребность в ситуации, которая лучше настоящей. В результате непреодолимого стремления к будущему мы никогда не живем полностью настоящим моментом и ощущаем свою жизнь как подготовку к лучшему будущему.

Наша фантазия реагирует на это чувство экзистенциального дискомфорта, создавая образ будущей ситуации, которая принесет удовлетворение и исправит все воспринимаемые ныне пороки и недостатки. Экзистенциалисты называют этот механизм «автопроецированием» в будущее. Последовательное применение данной стратегии влечет за собой модель жизни, которую называют «вечной суетой» или «мышью на ветке», — погоню за миражами грядущего счастья и неспособность в полной мере наслаждаться тем, что доступно в настоящем. Зачастую люди живут так всю жизнь, пока смерть не раскрывает им истину, а с нею всю пустоту и тщетность такого существования.

Достигаем мы желаемых целей или нет, автопроецирование в будущее как средство устранения экзистенциальной неудовлетворенности является «стратегией проигравшего». Оно основывается на коренном непонимании и неправильном толковании наших потребностей. По этой причине оно никогда не дает нам ожидаемого удовлетворения. Когда мы не в состоянии достичь намеченных целей, мы приписываем нашу постоянную неудовлетворенность тому, что якобы не сумели внести в жизнь коррективы. Но когда мы достигаем этих целей, как правило, оказывается, что хотели-то мы совсем другого, и от этого нам ничуть не легче. Вдобавок мы неспособны точно определить причины своей вечной неудовлетворенности. Мы не отдаем себе отчета, что следуем заведомо ложной стратегии жизни и что, каковы бы ни были ее результаты, она все равно не осуществит наших надежд. Обычно мы относим свое поражение на счет того, что не слишком старались добиться цели или что цель была выбрана неправильно.

Этот шаблон часто приводит нас к безрассудной погоне за всевозможными грандиозными целями, что влечет за собой множество проблем в мире и человеческие страдания. В этой стратегии отсутствует всякая связь с реальностями жизни, и потому она может проигрываться на различных уровнях. Поскольку она никогда не приносит полного удовлетворения, безразлично, является ли действующее лицо бедняком или миллиардером вроде Аристотеля Онассиса или Говарда Хьюза. Когда наши основные нужды удовлетворены, переживание качества жизни больше связано с состоянием нашего сознания, а не с внешними обстоятельствами.

Ложная направленность усилий на достижение удовлетворения путем погони за внешними целями может фактически принести парадоксальный результат. Я работал с людьми, которые после десятилетий упорной работы и борьбы в конце концов добивались цели, о которой мечтали всю свою жизнь, однако на следующий же день их охватывала глубокая подавленность. Джозеф Кэмпбелл описывал эту ситуацию следующим образом: «взобравшись до самого верха

лестницы, замечаешь, что лестница стоит не у той стены». Этот образ крушения надежд можно значительно ослабить, если перевести на сознательный уровень воспоминания о рождении, о встрече со страхом смерти, который с ним связан, и пережить психодуховное возрождение. Если в большей степени эмпирически соединится не с импринтом борьбы в родовом канале, а с воспоминаниями о пренатальной и постнатальной ситуации, можно значительно уменьшить неотвязную озабоченность будущими достижениями и извлечь из настоящего много больше пользы.

Однако корни нашей неудовлетворенности и экзистенциального недуга уходят гораздо глубже перинатального уровня. В конечном счете ненасытное желание, которое правит человеческой жизнью, по своей природе трансцендентно. Вот что по этому поводу сказал итальянский поэт эпохи Возрождения Данте Алигьери: «Желание совершенства из тех, что делают всякое наслаждение несовершенным, ибо в этой жизни даже самые великие радости и наслаждения неспособны утолить жажду нашей души». Эти глубочайшие трансперсональные корни ненасытной алчности очень четко сформулировал Кен Уилбер в книге «Проект Атмана» (Wilber 1980).

Уилбер исследовал и описал специфические следствия из основного положения вечной философии, утверждающего божественность нашей природы. Эта суть нашего бытия может быть названа различными именами: Бог, Космический Христос, Кетер, Аллах, Будда, Брахман, Дао и др. Несмотря на то что процесс творения отделяет и отчуждает нас от космического истока и от нашей божественной сущности, сознание этой связи никогда полностью не утрачивается. Глубочайшая побуждающая сила, действующая в человеческой психике на всех уровнях развития, — это стремление вернуться к переживанию нашей божественности. Однако ограничивающие обстоятельства воплощенного существования не позволяют нам пережить полное духовное освобождение и воссоединиться с Богом.

В качестве иллюстрации здесь можно использовать историю об Александре Великом, человеке, мирские достижения которого трудно с чем-либо сопоставить. Он, как никто другой, достиг божественного статуса в материальном мире, что выражалось в одном из атрибутов, какими обычно сопровождали его имя, — Божественный Александр. Вот о чем повествует эта история.

После целого рода уникальных военных побед, благодаря которым Александр завоевал земли, лежавшие между его родной Македонией и Индией, он в конце концов достиг территории Индии. Там Александр услышал о гимнософисте (йогине), обладающем необычными силами, или *сиддхи*, в том числе способностью видеть будущее, и решил посетить его. Когда он достиг пещеры мудреца, то увидел, что гимнософист погружен в свои духовные упражнения. Александр нетерпеливо прервал его медитацию, спросив, вправду ли он обладает способностью видеть будущее. Мудрец молча кивнул в знак согласия и вернулся к своей медитации. Александр задал ему новый вопрос: «Можешь ли ты сказать, будет ли мое завоевание Индии успешным?» Некоторое время гимнософист медитировал, потом медленно открыл глаза, долго смотрел на Александра и наконец с состраданием произнес: «Все, что тебе в конце концов понадобится, — это сажень земли».

Трудно найти более яркую иллюстрацию нашей человеческой дилеммы — наших отчаянных попыток обрести божественность с помощью материальных средств. На самом деле достичь полной реализации нашего божественного потенциала можно лишь посредством внутреннего опыта. Это требует выхода за пределы наших отдельных «я» и смерти нашей личности как «эго в капсуле из кожи». Мы боимся собственного уничтожения, цепляемся за эго и поэтому принимаем за Атман суррогаты. Они меняются на протяжении нашей жизни и на каждом этапе вполне конкретны.

Для эмбриона и новорожденного заменителем Атмана служит блаженство, переживаемое в хорошей матке, а затем у хорошей груди. Для младенца — это удовлетворение основных физиологических побуждений и потребности в защищенности. К тому времени, когда мы становимся взрослыми, проект Атмана достигает невероятной сложности. Теперь заменители Атмана охватывают широкий спектр и помимо пищи и секса включают в себя деньги, известность, власть, внешность, знания и многие другие вещи. В то же время у всех нас возникает сильное ощущение, что наша истинная личность являет собой полноту космического творения и сам творческий принцип. По этой причине заменители, каковы бы они ни были, никогда не удовлетворяют нашим чаяниям, ибо окончательное решение проблемы ненасытной личности не в безудержной погоне за мирскими материальными целями, но в нашем внутреннем мире. Только переживание человеком своей божественной природы в холотропном состоянии сознания может удовлетворить его глубинные потребности.

Это очень ясно выразил персидский поэт-мистик Руми: «Святой знает, что всеми надеждами, желаниями, любовью и привязанностью, которые люди испытывают ко всему окружающему: к отцам, матерям, друзьям, небесам, земле, дворцам, наукам, ремеслам, еде и питью, — они взыскуют Бога, а все эти вещи — лишь покровы. Когда люди покидают сей мир и видят Господа без этих покровов, они узнают, что все, с чем они сталкивались в этом мире, было покровом и что в действительности объектом их желаний было Единое» (Hines 1996). Такое же понимание явилось в глубоком мистическом прозрении Томасу Трахерну, английскому поэту и священнослужителю XVII века, пылкому выразителю жизненного принципа, который он называл «блаженством». Вот что он пишет о своем прозрении.

Улицы были моими, храм был моим, люди были моими. Моими были небеса, равно как и солнце, луна и звезды — весь мир был моим, и я один созерцал его и любовался им. Мне были неведомы ни скверна, ни границы, ни пределы — все качества и пределы были моими. Мне принадлежали все сокровища и их обладатели. И такое обилие меня развратило, и пришлось мне познать нечистые помыслы этого мира. Теперь же я их забываю и становлюсь, как прежде, малым ребенком, дабы мне было дозволено войти в царство Божье.

Шагая мистическим путем поступью практика

Каковы будут практические выводы из этого прозрения, если мы примем, что известная нам материальная вселенная не есть механическая система, но виртуальная реальность, сотворенная Абсолютным Сознанием посредством беспредельно сложной оркестровки переживаний? И как влияет на нашу систему ценностей и образ жизни осознание того, что наше бытие соизмеримо с бытием космического творческого принципа? Эти вопросы имеют для нас огромную теоретическую и практическую актуальность не только для каждого индивида, но и для всего человечества, а также для будущей жизни на этой планете. Пытаясь на них ответить, давайте еще раз вернемся к прозрениям людей, переживших холотропные состояния сознания.

Многие религии утверждают, что совладать с трудностями жизни можно, лишь приуменьшив важность земного плана и сосредоточившись на запредельных сферах. Некоторые из них рекомендуют переключить внимание с материального мира на другие реальности. Путь к общению с различными высшими сферами и высшими существами они видят в молитве. Другие же религии предлагают непосредственный эмпирический доступ к запредельным сферам посредством медитации и других форм личной духовной практики. Религиозные системы такой ориентации изображают материальный мир как низшую сферу, которая несовершенна, нечиста

и ведет к страданиям и лишениям. С их точки зрения, реальность — это юдоль слез, а воплощенное существование — проклятие или трясина смертей и перерождений.

Эти религии и их служители обещают своим преданным последователям осуществление всех их желаний в Запредельном. В более примитивных формах вероисповеданий есть различные обители блаженства, райские сады и небеса. Они доступны после смерти тем, кто соблюдает заповеди соответствующего вероучения. Для более сложных и утонченных систем небеса и рай — лишь этапы духовного странствия, конечным пунктом которого является растворение личных границ и соединение с божественным или затухание огня жизни и растворение в ничто (*нирвана*).

Согласно религии джайнов, мы по своей глубочайшей природе являемся чистыми монадами сознания (*дживами*), запятнанными через вовлечение в мир биологии. Цель практики джайнов — решительное сокращение нашего участия в мире материи, освобождение от загрязняющих влияний и возвращение изначальной чистоты. Еще одним таким примером является изначальная форма буддизма, называемая «тхеравадой», или «хинаяной» (малой колесницей). Это направление буддизма представляет собой строгую монашескую традицию, которая предлагает учение и духовную дисциплину, необходимые для достижения личного просветления. Ее идеал — *архат*, святой или мудрец, находящийся на высшей стадии развития и живущий отшельником вдали от мира. Аналогичный акцент на личном освобождении (*мокша*) можно обнаружить и в индуистской веданте.

Однако другие духовные направления считают, что природа и материальный мир содержат в себе или воплощают Божественное. Так, тантрийские ответвления джайнизма, индуизма и буддизма носят отчетливо жизнеутверждающий характер. Буддизм махаяны (великой колесницы) учит, что мы можем достичь освобождения прямо в повседневной жизни, если освободимся от трех «ядов» — неведения, гнева и желания. Когда мы этого добьемся, «сансара», или мир иллюзии, рождений и смертей, станет для нас «нирваной».

Различные школы махаяны подчеркивают важность сострадания как выражения духовной реализации. Их идеал — Бодхисатва, который стремится не только к собственному просветлению, но и к освобождению всех других живых существ.

Давайте взглянем на эту дилемму, используя прозрения, открывшиеся нам в холотропных состояниях. Что мы можем обрести, если отстранимся от жизни и уйдем из материального плана в запредельные реальности? И наоборот, какова польза искреннего принятия мира повседневной реальности? Многие духовные системы определяют цель духовного путешествия как растворение личных границ и воссоединение с Божественным. Однако люди, пережившие в своих внутренних исследованиях отождествление с Абсолютным Сознанием, понимают, что определение конечной цели духовного странствия как переживания единства с высшим принципом бытия включает серьезную проблему.

Эти люди осознают, что недифференцированное Абсолютное Сознание—Пустота представляет собой не только конец духовного странствия, но и источник творения, а стало быть, его начало. Божественное — это принцип, воссоединяющий разделенное, и вместе движущая сила, отвечающая за разделение и отделение от изначального единства. Будь этот принцип совершенен и самодостаточен, у него не было бы потребности творить и других эмпирических миров не существовало бы. Но поскольку они существуют, тенденция Абсолютного Сознания к творению четко выражает эту основополагающую «потребность». Таким образом, миры многообразия представляют собой важное дополнение к недифференцированному состоянию Божественного. По терминологии каббалы, «людям нужен Бог, а Богу нужны люди».

Касательно творческого принципа всеохватная схема космической драмы включает

динамическое взаимодействие двух основополагающих сил — центробежной (*хилотропной*, или ориентированной на материю) и центростремительной (*холотропной*, или направленной на целостность). Недифференцированное Космическое Сознание демонстрирует стихийную тенденцию творить миры многообразия, которые содержат несчетное множество отдельных существ. Ранее мы уже обсуждали ряд возможных «причин», или «мотивов», этой страсти порождать виртуальные реальности. И наоборот, индивидуализированные единицы сознания переживают свое отделение и отчуждение как страдание и выражают сильную потребность вернуться к истоку и воссоединиться с ним. Отождествление с воплощенным «я» — один из многих обманов, влекущих за собой душевные и физические страдания, пространственно-временные ограничения, преходящность и смерть.

Мы можем переживать этот динамический конфликт во всей его полноте, когда наше самоисследование в холотропных состояниях подводит нас к грани смерти «эго». В такой момент мы колеблемся и разрываемся между этими двумя мощными силами. Одна часть нас, холотропная, желает выйти за пределы отождествления с телесным «эго» и пережить растворение в большем и объединение с ним. Другая же часть, хилотропная, движимая страхом смерти и инстинктом самосохранения, цепляется за нашу отдельную личность. Этот конфликт чрезвычайно сложен и может стать серьезным препятствием в процессе психодуховного преобразования. Он неукоснительно требует, чтобы мы пожертвовали нашей, знакомой личностью, не зная, что придет ей на смену — и придет ли вообще.

Даже если наше бытие в этом мире не особо утешительно и альтернатива неизвестна, мы все равно цепляемся за него. Однако в глубине души мы чувствуем, что наше существование как отдельного воплощенного «я» в материальном мире само по себе неполноценно и не может удовлетворить наших самых насущных потребностей. Мы испытываем сильную тягу к преодолению собственных ограничений и обретению нашей истинной личности. Это помогает, прежде чем мы включимся в систематическую внутреннюю работу, умом понять, что переживание смерти «эго» есть переживание символическое и оно не влечет за собой реальной смерти и уничтожения. Однако страх смерти и отказа от «эго» настолько силен и убедителен, что, когда мы переживаем его, нам трудно поверить этому знанию и найти в нем поддержку.

Если нашей психикой в самом деле управляют эти две мощные космические силы, хилотропная и холотропная, которые изначально находятся друг с другом в коренном противоречии, то существует ли подход к жизни, способный полноценно разрешить эту ситуацию? Поскольку ни отделенное существование, ни недифференцированное единство не дают полного удовлетворения, то какова же альтернатива? Возможно ли при таких обстоятельствах вообще найти решение — жизненную стратегию, обращенную к этому парадоксу? Можем ли мы в этом урагане конфликтующих космических тенденций найти «око бури», где бы нам был обеспечен покой? Можем ли мы найти удовлетворение во вселенной, ткань которой соткана из двух противоборствующих сил?

Совершенно ясно, что решение этой дилеммы заключается не в отвержении воплощенного существования, как низшего и бесполезного, и не в попытках его избежать. Мы увидели, что эмпирические миры, включая мир материи, представляют собой не только важное и ценное, но и необходимое дополнение к недифференцированному состоянию творческого принципа. В то же время, если наши попытки достичь самоосуществления и спокойствия ума учитывают лишь объекты и цели материального мира, они непременно потерпят поражение, а возможно, и ударят по нам рикошетом. Таким образом, всякое удовлетворительное решение должно охватывать и земные, и запредельные измерения — как мир форм, так и Бесформенное.

Известная нам материальная вселенная предоставляет несчетные возможности необычайных путешествий в сознании. Как воплощенные самости, мы можем наблюдать

небесный спектакль с мириадами галактик, захватывающими солнечными восходами и закатами, растущей и убывающей луной и мистериями лунных и солнечных затмений. Мы можем любоваться фантастическими формами облаков, благородной красотой радуг и переливами красок полярного сияния. На поверхности земли природа создала бесконечное множество ландшафтов, — от великих океанов, рек и озер до исполинских горных хребтов, безмолвных пустынь и холодной красоты Арктики. Наряду с поразительным разнообразием форм жизни в царстве животных и растений все это дает бесконечные возможности уникальных переживаний.

Только в физической форме и на материальном плане мы можем влюбляться, наслаждаться сексом, иметь детей, слушать музыку Бетховена или восхищаться полотнами Рембрандта. Где еще, как не на земле, мы можем слушать пение соловья или смаковать пирожные? К этому списку радостей можно добавить спорт, путешествия, игру на музыкальных инструментах, живопись и многое, многое другое. Материальный мир предлагает бесконечные возможности исследования органической и неорганической сфер, поверхности земли, океанских глубин и космических просторов. Возможности исследования микро- и макромира фактически безграничны. Кроме переживаний настоящего можно отправиться и в исследовательское путешествие в прошлое — от древних цивилизаций и допотопного мира к событиям первых микросекунд «Большого взрыва».

Польза от занятий самоисследованием и духовной практикой

Участие в феноменальном мире и способность переживать этот богатый спектр приключений требуют определенной степени отождествления с воплощенным «я» и принятия мира материи. Однако, когда наше отождествление с телесным «эго» абсолютно, а убеждение в том, что материальный мир есть единственная реальность, непоколебимо, мы теряем возможность во всей полноте наслаждаться нашим участием в творении. Призраки нашей ничтожности, преходящности и смертности могут полностью затмить положительную сторону жизни и лишить ее всякого интереса. Мы также должны добавить к этому разочарование, связанное с неоднократными тщетными попытками полностью реализовать наш божественный потенциал, находясь внутри ограничений, наложенных на нас нашим телом и материальным миром.

Чтобы найти решение этой дилеммы, мы должны обратиться внутрь себя. Повторные переживания холотропных состояний подрывают нашу убежденность в том, что мы «эго в капсуле из кожи». Для осуществления прагматических целей мы продолжаем отождествлять себя с телесным «эго», однако это отождествление становится более гибким и носит временный характер. Если у нас достаточно эмпирических знаний о трансперсональных аспектах существования, включая нашу истинную личность и космический статус, то повседневная жизнь становится намного легче и полезнее. По мере продолжения внутренних поисков мы также рано или поздно обнаруживаем, что все формы — по сути своей пустота. Как утверждает буддийское учение, знание фактической природы феноменального мира и его пустоты может помочь нам освободиться от страданий. Сюда входит и осознание того, что вера в какое-либо отдельное «я», включая наше собственное, в абсолютном смысле иллюзорна. В буддийских текстах осознание сущностной пустоты всех форм и вытекающее из этого понимание, что не существует отдельных «я», называется *анаттой*, что буквально означает «не-я».

Джек Корнфилд, психолог и учитель буддийской випассаны, описывает свою первое знакомство с понятием *анатты* во время встречи с ныне покойным учителем тибетского буддизма Калу Ринпоче. Пытаясь извлечь из встречи с замечательным человеком как можно больше, Джек с энтузиазмом новичка обратился к Учителю с просьбой: «Не могли бы вы мне в

нескольких фразах изложить самую суть буддийских учений?» Калу Ринпоче ответил: «Я бы мог это сделать, но вы не поверите мне, и, чтобы понять, о чем я говорю, вам потребуется много лет». Однако Джек вежливо настаивал: «Но вы все равно, пожалуйста, объясните. Я ведь так хочу это знать!» Ответ Калу Ринпоче был предельно краток: «Вас реально не существует».

Осознание нашей божественной природы и сущностной пустоты всех вещей, обнаруживаемое в трансперсональных переживаниях, образует основу метаструктуры, которая способна значительно помочь нам справиться со сложностями повседневной жизни. Мы можем целиком охватить переживание материального мира и наслаждаться всем, что он нам дает: красотой природы, человеческими взаимоотношениями, любовью, семьей, произведениями искусства, спортом, кулинарными деликатесами и множеством других вещей. Однако, что бы мы ни делали, жизнь постоянно ставит перед нами препятствия, проблемы, мучительные переживания и потери. Сталкиваясь с трудностями и лишениями, мы можем посмотреть на них с космической перспективы, которая открывается нам во внутренних поисках. Связь с высшими реальностями и освобождающее знание *анатты*, а также пустота, стоящая за всеми формами, позволяют выдержать такие испытания, которые, если посмотреть на них с другой позиции, кажутся невыносимыми. С помощью этого трансцендентного осознания мы, возможно, обретем способность переживать весь спектр жизни, или, как говорил грек Зорба, «полную катастрофу».

Систематическое самоисследование с использованием холотропных переживаний может также помочь нам поддержать и очистить сенсорное восприятие мира. Это «очищение дверей восприятия», как называл его Олдос Хаксли, позволяет полностью оценить все возможности приключений в сознании, связанных с воплощенным существованием, и насладиться ими. Во время мистических состояний, а также в последующие часы и дни ощущение вкуса жизни приобретает максимальную яркость. Здесь оно зачастую настолько интенсивно, что мы можем говорить о «послевкусии». В более сглаженной форме продолжительные последствия таких мистических откровений выражаются в росте вкуса к жизни и ее общем улучшении.

Человеку, воспринимающему жизнь хилотропно и не имеющему эмпирического доступа к запредельным и божественным измерениям очень трудно преодолеть глубоко укоренившийся страх смерти и увидеть в жизни более глубокий смысл. При таких обстоятельствах повседневное поведение человека и его реакции на существенные аспекты жизни во многом определяются потребностями ложного «эго». Поэтому необходимо систематически дополнять ежедневную практическую деятельность духовными упражнениями, обеспечивающими доступ к трансцендентным сферам.

В доиндустриальных обществах возможность трансцендентных переживаний существовала в разных формах — от шаманских ритуалов, ритуалов перехода и целительских обрядов до древних мистерий смерти и возрождения, мистических школ и медитационных практик великих мировых религий. В последние десятилетия на Западе наблюдается значительное возрождение различных духовных практик древности. Кроме того, представители современной глубинной психологии разработали новые эффективные методы, помогающие человеку в духовном раскрытии. Эти средства доступны всем, кто заинтересован в психодуховном преображении и эволюции сознания.

К.Г. Юнг, предтеча трансперсональной психологии, описал в своих работах жизненную стратегию, обращенную как к мирскому, так и к космическому измерению человека и бытия. Он утверждал, что мы должны дополнять нашу повседневную деятельность во внешнем мире систематическим самоисследованием — внутренними поисками, достигающими глубинных тайников нашей психики. Направляя внимание внутрь себя, мы можем соприкоснуться со своим «Я» — высшим аспектом своего бытия и пользоваться благами его руководства. Именно так мы сумеем приблизиться к огромным ресурсам коллективного бессознательного, содержащего в

себе вековую мудрость.

Согласно Юнгу, не следует ориентироваться в жизни только на основе внешних аспектов ситуаций, с которыми мы встречаемся. Наши решения должны основываться на творческом синтезе прагматического знания материального мира и глубокой мудрости, извлеченной из коллективного бессознательного в процессе систематического внутреннего самоисследования. Это предположение великого швейцарского психиатра в целом согласуется с выводами, которые сделали из холотропных исследований многие известные мне люди.

Я неоднократно убеждался, что следование этой стратегии может привести к более совершенному образу жизни — радостному и творческому. Оно позволяет полностью находиться в мире повседневной реальности и вместе с тем осознавать нуминозные измерения бытия и нашу божественную природу. Способность примирить и объединить эти два аспекта жизни исходит из самых возвышенных стремлений мистических традиций. Шейх ал-Алави описывает Высшую Стоянку — высшую стадию духовного развития в традиции суфиев — как состояние, когда человек внутренне опьяняется Божественной Сущностью, оставаясь при этом внешне трезвым.

Индивидуальная трансформация и планетарное будущее

Потенциальная польза такого подхода к жизни выходит за пределы узких интересов людей, его практикующих, и может стать очень важной для человеческого общества и нашего будущего. В последние несколько десятилетий стало совершенно очевидно, что человечество переживает кризис беспрецедентных масштабов. Современная наука разработала эффективные меры, которые могли бы разрешить большинство насущных проблем современного мира: победить многие болезни, побороть голод и нищету, сократить объем промышленных отходов, а также заменить вредные виды ископаемого топлива на возобновляемые источники чистой энергии.

Проблемы, которые преграждают нам путь, по своей природе связаны не с экономикой и не с развитием науки и техники. Глубочайшие источники глобального кризиса лежат в основе человеческой личности и отражают уровень видовой эволюции человеческого сознания. Поскольку силы человеческой психики не укрощены, огромные ресурсы растрачиваются в абсурдной гонке вооружений, борьбе за власть и погоне за «неограниченным приростом». Эти стихии человеческой натуры препятствуют и должному распределению благ среди индивидов и наций, равно как и переориентации с чисто экономических и политических интересов на экологические приоритеты, необходимые для сохранения жизни на планете.

Дипломатические переговоры, административные и законодательные меры, экономические и социальные санкции, а также военные вмешательства и прочее до сих пор не дали никаких результатов. Более того, зачастую они создавали проблемы, а не решали их. Теперь становится ясно, почему они были обречены на провал. Невозможно справиться с кризисом, применяя стратегии, основанные на той же идеологии, что породила его. В конечном итоге нынешний глобальный кризис имеет психодуховную природу. Поэтому трудно представить себе, что он может быть разрешен без коренного внутреннего преобразования человечества, выхода его на более высокий уровень эмоциональной зрелости и духовной восприимчивости.

Разумеется, учитывая доминирующую роль насилия и алчности в человеческой истории, возможность преобразования современного человечества в вид, представители которого могли бы мирно сосуществовать друг с другом независимо от расы, цвета кожи, а также религиозных и политических убеждений, выглядит не слишком правдоподобной, равно как и возможность сосуществования человека с другими видами. Мы стоим перед огромной проблемой: как внушить человечеству основополагающие этические ценности — чуткость к нуждам собратьев, открытость, а также четкое осознание экологических императивов? На первый взгляд эта задача

представляется вообще полной утопией.

Впрочем, ситуация не столь безнадежна, как кажется. Ранее мы уже видели, что именно такое глубинное преобразование и происходит в ходе систематической внутренней работы, использующей холотропные состояния, будь то практика медитации, мощные формы эмпирической терапии или осознанная работа с психоделическими веществами, проводимая под наблюдением специалистов. Аналогичные перемены можно наблюдать и в людях, которые, переживая спонтанный психодуховный кризис, к счастью, обеспечены поддержкой и чутким руководством.

Таким образом, жизненная стратегия, соединяющая в себе углубленную внутреннюю работу и вдохновенную деятельность во внешнем мире, если ее осуществлять в достаточном масштабе, могла бы стать важным фактором разрешения глобального кризиса. Внутреннее преобразование и ускоренное развитие сознания значительно увеличили бы наши шансы выжить и мирно существовать. Я надеюсь, что мое описание прозрений, открывшихся в изучении холотропных состояний, принесет пользу людям, которые выберут или уже избрали этот путь.

Рецепт исцеления планеты: уроки из церемонии американских индейцев

Завершить эту книгу мне хотелось бы рассказом о переживании глубинного исцеления и преобразования, имевшем место много лет назад в группе людей, с которыми я разделял холотропное состояние сознания. Хотя с тех пор минуло почти четверть века, всякий раз, когда я вспоминаю и рассказываю об этом переживании, у меня на глазах выступают слезы. Это событие не только показало мне глубину проблем, с которыми мы сталкиваемся в нашем мире, где ненависть веками переходила из поколения в поколение, но и дало надежду и уверенность, что мы можем избавиться от этого проклятия и растворить границы, отделяющие нас друг от друга.

Приехав в 1967 году в Соединенные Штаты, я участвовал в исследованиях потенциала психоделической терапии, которые проводились Мерилендским центром психиатрических исследований и финансировались правительством. Одним из наших проектов была тренировочная программа для специалистов в области душевного здоровья. Она дала нам возможность провести, в образовательных целях, до трех сеансов с высокой дозой ЛСД, в которых участвовали психиатры, психологи и социальные работники. Одним из участников этой программы был Кеннет Годфри, психиатр, работавший в больнице для ветеранов в Топеке, Канзас. Все три его сеанса прошли под моим наблюдением, и мы стали очень близкими друзьями.

Еще в Чехословакии я читал о Церкви американских индейцев, синкретической религии, соединяющей в себе индейские и христианские элементы и использующей в качестве причастия мексиканский психоделический кактус пейот (мескал). Мне показалось очень интересным самому принять участие в такой церемонии, ибо это дало бы мне возможность сравнить терапевтическое использование психоделиков с ритуальным. Приехав в США, я долго искал такую возможность, но, увы, безуспешно. И вот оказалось, что Кен и его жена имели индейские корни, а также хорошие связи со своим народом. После третьего сеанса я на прощание спросил Кена, не поможет ли он мне принять участие в ритуальной церемонии, и он сказал, что попытается. Несколько дней спустя Кен позвонил мне и сказал, что его близкий друг приглашает меня и еще нескольких сотрудников участвовать в церемонии индейцев патаватоме.

В следующий уикенд мы впятером прилетели из Балтимора в Топеку, Канзас. В группу входили наш музыкальный терапевт Хелен Бонни, ее сестра, психоделический терапевт Боб Лихи, профессор религиоведения Уолтер Хустон Кларк и я сам. В аэропорту Топеки мы взяли напрокат машину и отправились в глубину канзасских прерий. Там в степи стояло несколько

типи: здесь-то и состоится обряд. Солнце садилось, индейцы готовились начать церемонию. Прежде чем присоединиться к церемонии, мы должны были получить разрешение других участников, все они были американскими индейцами. Процедура чем-то напоминала обвинительный процесс.

Вспоминая историю своих страданий, индейцы яростно обвиняли белых завоевателей, вторгшихся в Америку. Они говорили о геноциде американских индейцев, о насилии над женщинами, об экспроприации их исконных земель, о бессмысленном истреблении бизонов и о многом другом. Час-другой продолжался этот бурный обмен мнениями, наконец эмоции утихли, и индейцы один за другим приняли нас в свою церемонию. В итоге остался только один человек — высокий угрюмый мужчина, — который категорически возражал против нашего присутствия. Его ненависть к белым не знала предела. Прошло много времени, прежде чем он все же согласился, чтобы мы присоединились к группе: его с большим трудом уговорили собственные соплеменники, недовольные такой задержкой церемонии.

Наконец все уладилось (по крайней мере внешне), и мы расположились в большом типи. Разожгли костер, и священный ритуал начался. Мы отведали «шишек» мескола и начали передавать друг другу бубен и колотушку. Согласно обычаю американских индейцев, каждый, кто держал бубен с колотушкой, мог спеть песню или сделать высказывание, а мог и молча передать их дальше. Человек, который так настойчиво сопротивлялся нашему участию в церемонии, сидел прямо напротив меня. Было ясно, что на самом деле он не хотел раскрываться перед нами, и каждый раз, когда бубен с колотушкой переходил к нему в руки, он с негодованием передавал их дальше по кругу. Под воздействием мескала мое восприятие окружающей обстановки резко обострилось. Этот человек стал больным местом в моем мире, и я обнаружил, что вид его причинял мне растущую боль. Казалось, его глаза излучали ненависть, которая наполняла весь типи.

Наступало утро, и прямо перед рассветом мы в последний раз пустили по кругу бубен с колотушкой. Каждый сказал несколько слов, подводя итог переживаниям и впечатлениям ночи. Особенно длинной и эмоциональной была речь Уолтера Хустона Кларка. Он выразил глубокую признательность друзьям-индейцам, разделившим с нами свою чудесную церемонию. Уолтер особо подчеркнул, что они приняли нас, несмотря на все, что мы причинили: вторглись на их земли, убивали их людей, насиловали их женщин и истребляли бизонов. Не помню точно, в каком контексте, но где-то в своей речи он упомянул и меня, «Стэна, находящегося вдали от своей родины, от своей родной Чехословакии».

Когда Уолтер упомянул о Чехословакии, человека, который всю ночь негодовал по поводу нашего присутствия, вдруг охватило какое-то странное беспокойство. Он встал, пересек типи и пал передо мной ниц. Он уткнулся лицом в мои колени и громко зарыдал. Минут через двадцать он успокоился, вернулся на свое место и заговорил. Он объяснил, что вечером перед церемонией видел всех нас как «бледнолицых», автоматически считая врагами индейцев. Однако, услышав замечание Уолтера, он понял, что я, уроженец Чехословакии, никоим образом не причастен к трагедии его народа и его ненависть ко мне во время священной церемонии была неоправданной.

Этот человек определенно был глубоко опечален и огорчен. После первого заявления последовало долгое молчание, во время которого в нем шла внутренняя борьба. Было ясно, что сейчас произойдет что-то еще, и в конце концов он рассказал нам остальную свою историю. Во время второй мировой войны его призвали в ВВС США, и за несколько дней до окончания войны он лично участвовал в нелепом и ненужном налете на чехословацкий город Пльзень, известный своим пивом и автомобильным заводом. Не только его ненависть ко мне была неоправданной, но и роли наши были совершенно противоположными: он был мучителем, а я —

жертвой. Он вторгся в мою страну и убивал мой народ. Это открытие было для него невыносимо.

Когда я заверил этого человека, что не питаю к нему никаких враждебных чувств, случилось нечто весьма примечательное. Он подошел к моим четверым друзьям из Балтимора (они все были американцами), извинился за свое поведение до и во время церемонии и сказал, что этот эпизод помог ему понять, что если все мы будем ненавидеть друг друга за дела, совершенные нашими предками, то у мира не останется никакой надежды. Он осознал и то, что нельзя огульно судить о людях, принадлежащих различным расам, национальностям и культурам. О людях нужно судить, основываясь не на том, к какой группе они принадлежат, а на том, кто они сами.

Его речь была достойным продолжением знаменитого письма вождя племени, обитавшего на территории нынешнего Сиэтла, европейским колонизаторам. Он завершил ее следующими словами: «Вы не враги мне, вы братья и сестры. Вы ничего не сделали ни мне, ни моим людям. Все это дела минувших дней и жизней наших предков. В то время я мог бы действительно быть на другой стороне. Мы все дети Великого Духа, все принадлежим Матери-Земле. Наша планета в великой опасности, и если мы будем таить старые обиды и не станем работать вместе, то все погибнем».

В этот миг на глазах у большинства выступили слезы. Мы все ощутили глубокую связь с человеческой семьей и свою принадлежность к ней. Солнце медленно всходило, и мы принялись за ритуальную трапезу. Мы ели пищу, которая в течение всей ночи находилась в центре типи и была освящена ритуалом. Затем после долгих объятий и трогательного прощания мы отправились домой, увозя с собой память об этом бесценном уроке по разрешению межрасового и межнационального конфликта, и урок этот мы не забудем до конца дней своих. У меня же эта необычная синхронность, пережитая в холотропном состоянии сознания, породила надежду, что когда-нибудь аналогичное исцеление произойдет со всей нашей планетой.

приложение. Священное и профанное

Мы не понимаем многого — от «Большого взрыва» и до частиц в атомах бактериальной клетки. Перед нами столетия пути через джунгли тайн.

Льюис Томас, биолог

Духовность и религия в современном обществе

Представления о человеческой природе и космосе, характерные для современных технократических обществ, значительно отличаются от мировоззрения древних и доиндустриальных культур. Такое различие вполне предсказуемо, ибо до некоторой степени является естественным результатом исторического прогресса. Веками ученые систематически исследовали различные аспекты материального мира и накопили внушительный объем информации, которая в прошлом была недоступна. Они невероятно расширили, откорректировали и заменили прежние взгляды на природу и вселенную. Однако самое поразительное различие между двумя мировоззрениями вовсе не в объеме и точности информации о материальной реальности, а в фундаментальном несогласии касательно священного, или духовного, измерения бытия.

Все человеческие группы доиндустриальной эры были согласны в том, что материальный мир, который мы воспринимаем и в котором действуем в нашей повседневной жизни, не есть единственная реальность. Их взгляды, хотя и различные в деталях, описывали космос как сложную систему иерархически организованных уровней бытия. В таком понимании реальности, которую Артур Лавджой (Arthur Lovejoy 1964) называл Великой цепью бытия, мир грубой материи был последним звеном. Высшие сферы бытия, включенные в космологии доиндустриальных обществ, были населены божествами, демонами, развоплощенными сущностями, духами предков и могущественными животными. В древних и доиндустриальных культурах существовала богатая обрядовая и духовная жизнь, сосредоточенная вокруг возможности достичь непосредственного контакта с этими обычно сокрытыми измерениями реальности и получить из них важную информацию, помощь или даже вмешательство в ход событий материального мира.

Повседневная деятельность обществ, разделяющих это мировоззрение, основывалась на информации, получаемой не только посредством органов чувств, но и посредством контакта с этими невидимыми измерениями. Антропологов с традиционным западным образованием, изучавших туземные культуры, зачастую озадачивала присутствующая в них так называемая «двойная логика». Явно демонстрируя практический разум, владение необычными навыками и способность изобретать множество вещей, необходимых для выживания и поддержания жизни, аборигены сочетали прагматическую деятельность, такую, как охота, рыболовство и постройка жилищ, с удивительными и нередко сложными ритуалами. В этих ритуалах они обращались к разным сущностям и реальностям, по мнению антропологов воображаемым и реально не существующим.

Эти различия в мировоззрениях находят свое ярчайшее выражение в области, касающейся смерти и процесса умирания. Космологии, философии и мифологии, а также духовная и ритуальная жизнь доиндустриальных обществ отчетливо гласит, что смерть не есть абсолютный и бесповоротный конец всего и что жизнь, приняв другую форму, продолжает существовать

после физической смерти. Сложные эсхатологические мифологии этих культур в общем согласны в том, что духовный принцип, или душа, остается жить после смерти тела и переживает сложную цепь странствий в сознании по иным реальностям.

Это посмертное странствие души иногда описывают как путешествие по фантастическим ландшафтам, которые отчасти сходны с земными, а иногда как встречи с различными архетипическими существами или как последовательное прохождение необычных состояний сознания. В некоторых культурах душа достигает в Запредельном временных сфер пребывания, таких, как, например, христианское чистилище или локи тибетского буддизма, в других — вечной обители: небес, ада, рая или солнечной сферы. Многие культуры независимо друг от друга разработали систему верований в метемпсихоз, или перевоплощение, которая включает в себя возврат единицы сознания к другой физической жизни на земле.

Все доиндустриальные общества, по-видимому, сходились во мнении, что смерть является не окончательным прекращением всего, а переходом к другой форме существования. Переживания, связанные со смертью, рассматривались как посещения важных измерений реальности, которые заслуживают того, чтобы их постигали, изучали и составляли их подробные карты. Умиравшие люди были знакомы с эсхатологическими картографиями своих культур, будь то шаманские карты похоронных ландшафтов или сложные описания восточных духовных систем, таких, как «*Бардо тодол*» (тибетская «Книга мертвых»).

В данном контексте «*Бардо тодол*» заслуживает особого внимания. Этот важный текст тибетского буддизма являет собой любопытный контраст с исключительно прагматическим акцентом на производительной жизни и отрицании смерти, который присущ индустриальной цивилизации Запада. Книга описывает время смерти как уникальную возможность духовного высвобождения из циклов смертей и перерождений, а также как период, определяющий наше следующее воплощение в случае, если освобождение не достигнуто. С этой позиции переживания бардо, или промежуточных состояний между жизнями, даже важнее, чем воплощенное существование. Поэтому считается, что в теперешней жизни нам совершенно необходимо готовиться к этому периоду, систематически занимаясь духовными упражнениями.

Такие описания священных измерений реальности и акцент на духовном прямо противоположны системе убеждений, преобладающих в индустриальном обществе. Наше мировоззрение во многом сформировано материалистической наукой, считающей, что мы живем во вселенной, где реальна только материя. Теоретики различных дисциплин сформулировали представление о реальности, согласно которому история вселенной есть не что иное, как история развивающейся материи. В этом развитии жизнь, сознание и разум представляются более или менее случайными и несущественными вторичными феноменами. Они появились в ничтожной части огромной вселенной после миллиардов лет эволюции пассивной и инертной материи. Разумеется, понимание природы человека и вселенной, основанное на таких предпосылках, в принципе несовместимо ни с одной из форм духовных убеждений. Когда мы соглашаемся с таким представлением реальности, духовность выглядит как иллюзорный, а порой и обманчивый подход к жизни.

Эта кажущаяся несовместимость науки и духовности весьма примечательна. На протяжении истории человечества духовность и религия играли в жизни людей первостепенную роль, до тех пор пока их влияние не было подорвано научной и индустриальной революцией. И наука, и религия — каждая по-своему — суть чрезвычайно важные части человеческой жизни. Наука — наиболее мощное средство получения информации о мире, в котором мы живем, а духовность необходима как источник смысла жизни. Религиозный импульс, несомненно, был одной из самых могучих движущих сил человеческой истории и культуры. Трудно представить себе прогресс человечества, если бы ритуальная и духовная жизнь полностью зиждились на

необоснованных фантазиях и заблуждениях. Чтобы оказывать столь сильное воздействие на ход человеческой истории, религия должна отражать основополагающие аспекты человеческой природы, хотя способы этого отражения зачастую были весьма сомнительны и превратны.

Если бы мировоззрение, созданное материалистической наукой, было поистине правильным, полным и точным описанием реальности, то на протяжении всей истории человечества единственной группой, обладавшей полноценным пониманием человеческой психики и бытия, была бы интеллигенция развитых обществ, подписавшаяся под философией материализма. В таком случае все прочие взгляды и мировоззрения, включая великие мистические традиции мира и духовные философские учения Востока, казались бы примитивными, незрелыми и обманчивыми. Это относилось бы и к веданте, и к различным школам йоги, к даосизму, к буддийской ваджраяне, хинаяне и махаяне, к суфизму, к христианскому мистицизму, каббале и многим другим сложным духовным традициям, являющимся продуктом многовековых углубленных исследований психики и сознания человека.

Поскольку идеи, изложенные в этой книге, в основе своей согласуются с различными школами вечной философии, они, естественно попадают в ту же категорию. Их можно было бы игнорировать, считать нерациональными, необоснованными и ненаучными, заведомо отмечая очевидные факты, на которых они основываются. Поэтому важно прояснить взаимоотношения религии и науки и определить, действительно ли эти два важных аспекта человеческой жизни несовместимы. И если мы увидим, что есть способ объединить эти идеи, то надо будет определить и условия их объединения.

Убеждение, что религия и наука должны быть друг с другом несовместимы, отражает коренное непонимание природы их обеих. Правильно понимаемые истинная религия и истинная наука являются собой два важных подхода к бытию, которые дополняют друг друга и никоим образом не находятся в противоречии. Как тонко подметил Кен Уилбер, между истинной религией и подлинной наукой не может быть противоречий. Если же таковые наличествуют, то мы, скорее всего, имеем дело с «поддельной религией» и(или) с «поддельной наукой» (Wilber 1983).

Многие заблуждения в этой области основаны на ложном понимании природы и функции науки, которое ведет к некорректному использованию научного мышления. Дополнительный источник ненужных проблем создает неправильное понимание природы и функции религии. Вот почему нам очень важно научиться отличать подлинную науку от наукообразия, а духовность — от организованной религии.

Научная теория и научный метод

Современная философия науки прояснила природу, функцию и должное использование теорий в исследовании различных аспектов вселенной. Она выявила ошибки, приведшие к преобладанию материалистического монизма в западной науке, а также, косвенным образом, в мировоззрении индустриального общества. Оглядываясь назад, нетрудно увидеть, как это произошло. Ньютонское представление о физическом мире как о полностью детерминированной механической системе оказалось на практике настолько успешным, что послужило моделью для всех других научных дисциплин. «Думать научно» стало означать «думать в механистических терминах».

Триумфы физики стали мощной поддержкой философскому материализму — позиции, которую сам Ньютон не разделял. Для него творение вселенной было немыслимо без

божественного вмешательства, без высшего разума Творца. Ньютон верил, что Бог создал вселенную как систему, управляемую механическими законами, и потому считал, что, раз она создана, ее можно изучить и понять. Последователи Ньютона восприняли эту модель вселенной как детерминированной супермашины, но понятие разумного творческого принципа сочли ненужным и сомнительным пережитком темного иррационального прошлого. Информация о материальной реальности, получаемая при помощи органов чувств, стала единственным допустимым источником данных во всех отраслях науки.

История современной науки показывает, что представление о материальном мире, основанное на ньютоновской механике, доминировало в биологии, медицине, психологии, психиатрии и во всех прочих дисциплинах. Эта стратегия отражала основное метафизическое положение философского материализма и была его логическим следствием. Если вселенная по сути своей материальна, а физика есть научная дисциплина, изучающая материю, то физики суть последняя инстанция в вопросах природы всех вещей и данным, полученным в других областях, непозволительно вступать в противоречие с основополагающими теориями этой дисциплины. Неукоснительное применение такой логики повлекло за собой систематическое замалчивание или искаженное толкование данных по многим областям, не согласующихся с материалистическим мировоззрением.

Эта стратегия была серьезным нарушением основных принципов современной философии науки. Строго говоря, научные теории используют только те наблюдения, на основе которых они выведены. Их нельзя автоматически экстраполировать на другие дисциплины. Теоретические основы, которые формулируют информацию, доступную в некоей конкретной области, нельзя использовать для определения того, что возможно и что невозможно в какой-либо другой сфере; точно так же они не могут диктовать, что можно, а что нельзя наблюдать в соответствующей научной дисциплине. Теории человеческой психики должны базироваться на наблюдениях психологических процессов, а не на теориях физиков касательно материального мира. Однако именно таким образом ученые-традиционалисты использовали в прошлом концептуальную основу физики XVII века.

Практика неправомерного приложения мировоззрения физиков к другим областям была лишь частью проблемы. Другой серьезной и общей ошибкой, которая еще больше осложняет ситуацию, является тенденция многих ученых не только придерживаться устаревших теорий и обобщенно применять их к другим областям, но и ошибочно принимать их за точные и окончательные описания реальности. В результате такие ученые склонны отвергать любую информацию, которая несовместима с их концептуальной основой, вместо того чтобы рассматривать ее как повод изменить свои теории. Это ошибочное принятие карты местности за саму местность — пример того, что в современной логике называется «ошибкой в определении логических типов». Грегори Бейтсон, блестящий эрудит и философ, посвятивший много времени изучению этого феномена, однажды в шутку заявил, что если ученые и дальше будут совершать подобные ошибки, то в один прекрасный день они, придя в ресторан, съедят меню вместо обеда.

Главное качество истинного ученого отнюдь не беспрекословная приверженность материалистической философии и не непоколебимая преданность теориям вселенной, провозглашенным официальной наукой. Истинного ученого отличает преданность неуклонному и скрупулезному применению научного метода исследований ко всем сферам реальности, т. е. систематическое накопление наблюдений в определенных ситуациях, постоянное экспериментирование в любой сфере бытия, где возможно применение такой стратегии, а также сравнение этих результатов с другими, полученными при подобных обстоятельствах.

Важнейшим критерием адекватности той или иной теории является не то, соответствует ли она взглядам, поддерживаемым академическими институтами, угождает ли нашему здравому

смыслу и насколько она правдоподобна, а то, согласуется ли она с фактами систематического и организованного наблюдения. Теории — незаменимый инструмент исследований и научного прогресса. Однако не следует путать их с точным и исчерпывающим описанием того, как все есть на самом деле. Истинный ученый рассматривает свои теории как наиболее доступную концептуализацию имеющихся данных, и если эти теории не могут вместить в себя новые свидетельства, то они всегда открыты для изменений. С этих позиций мировоззрение материалистической науки стало своего рода «смирительной рубашкой», препятствующей дальнейшему прогрессу.

Наука зиждется не на какой-то одной особой теории, сколь бы убедительной и самоочевидной та ни казалась. В истории человечества представление о вселенной и научные теории, описывающие ее, неоднократно менялись. Науку характеризует метод получения информации и подтверждения или опровержения теорий. Научные исследования невозможны без теоретических формулировок и гипотез. Реальность слишком сложна, чтобы изучать ее во всей полноте, и при построении теоретических моделей диапазон наблюдаемых явлений неизбежно сужается. Истинный ученый, используя теории, сознает их относительность и всегда готов в случае появления новых данных либо уточнить эти теории, либо отказаться от них. Он скрупулезно изучает все феномены, которые поддаются научному исследованию, включая противоречивые и спорные, такие, как, например, необычные состояния сознания и трансперсональные переживания.

В XX веке сами физики в корне изменили свое понимание материального мира. Революционные открытия в субатомной и астрофизической сферах разрушили представление о вселенной как о бесконечно сложной, полностью детерминированной механической системе, состоящей из неразрушимых частиц материи. Когда исследование вселенной сместилось из мира повседневной реальности, или «зоны промежуточных измерений», в микромир субатомных частиц и мегамир далеких галактик, физики обнаружили ограничения механистического мировоззрения и вышли за их пределы.

Лавина новых наблюдений и экспериментальных данных смела представление о вселенной, преобладавшее в физике почти три столетия. Устоявшееся ньютоновское понимание материи, времени и пространства сменилось странным миром квантово-релятивистской физики, полным загадочных парадоксов. Материя, воспринимаемая обычно как «плотное вещество», полностью исчезла со сцены. Отдельные измерения абсолютного пространства и времени влились в эйнштейновский четырехмерный пространственно-временной континуум, а сознание наблюдателя предстало элементом, играющим важную роль в создании того, что ранее представлялось чисто объективной, не зависящей от наблюдателя реальностью.

Аналогичные прорывы произошли и во многих других дисциплинах. Теория информации и теория систем, концепция морфогенетических полей Руперта Шелдрейка, хоლოномная философия Дэвида Бома и Карла Прибрама, исследования диссипативных структур Ильи Пригожина, теория хаоса и объединенная интерактивная динамика Эрвина Ласло — вот лишь немногие яркие примеры таких новых разработок. Новые теории обнаруживают растущее сближение с мистическим мировоззрением и с данными трансперсональной психологии. Они также помогают заново постичь древнюю мудрость, которую материалистическая наука отвергала и высмеивала.

Сокращение разрыва между мировоззрением точных наук и трансперсональной психологии — явление, несомненно, поразительное и вдохновляющее. Однако психологи, психиатры и исследователи сознания совершили бы серьезную ошибку, если бы взамен старых теорий отдали свое концептуальное мышление под контроль новых теорий физики. Как я уже говорил, каждая дисциплина должна базировать свои теоретические построения на наблюдениях в своей

собственной области. Критерием достоверности научных данных и понятий в каждой конкретной области является не сколько их совместимость с теориями другой области, сколько строгость научного метода, с помощью которого они были получены.

Мировоззрение материалистической науки: факт и вымысел

В целом западная наука добилась значительных успехов в выявлении законов, управляющих процессами материального мира, и научилась контролировать эти процессы. Вместе с тем она не слишком стремилась дать ответы на некоторые фундаментальные вопросы бытия: например, как мир возник и стал таким, каков он есть сейчас. Чтобы должным образом оценить эту ситуацию, важно отдавать себе отчет, что так называемое «научное» мировоззрение есть представление о вселенной, основанное на множестве смелых метафизических предположений. Эти предположения зачастую трактуются как факты, доказанность которых не подлежит сомнению, хотя на самом деле основа их довольно шаткая, они могут противоречить друг другу и основываться исключительно на «здравом смысле».

В любом случае ответы материалистической науки на большинство основных метафизических вопросов не более логичны и не менее фантастичны, чем ответы вечной философии. Так, что касается происхождения вселенной, то на сей счет существует много конкурирующих теорий. Самая популярная из них утверждает, что все началось около пятнадцати миллиардов лет назад «Большим взрывом», когда вся материя во вселенной внезапно проявилась к существованию из безразмерной точки, или *сингулярности*. Другая теория — теория непрерывного творения — изображает вечно существующую вселенную без начала и конца, где материя постоянно создается из ничего. Ни одна из этих альтернатив не дает точного, здравого, логичного ответа на этот основополагающий вопрос бытия.

Таковыми же дерзкими и спорными являются теории ученых-материалистов, касающиеся сферы биологии. Как утверждается, явление жизни, включая молекулу ДНК и ее способность к самовоспроизведению, спонтанно возникло из случайных взаимодействий неорганической материи в химической тине первородного океана. Таким образом, эволюция от примитивных одноклеточных организмов до необычайного многообразия видов, составляющих жизнь животных и растений на нашей планете, явилась результатом случайных мутаций генов и естественного отбора. Может быть, самое фантастическое утверждение материалистической науки заключается в том, что сознание появилось в процессе эволюции как продукт нейрофизиологических процессов, происходящих в центральной нервной системе.

Когда мы подвергнем вышеупомянутые концепции скрупулезному исследованию, основанному на современной философии науки, систематическом применении научного метода и логическом анализе, мы обнаружим, что они вряд ли являются здоровыми фактами и что во многих случаях им недостает адекватной поддержки фактов, полученных из наблюдений. Теория спонтанного появления вселенной из *сингулярности* вряд ли покажется нам удовлетворительной. У нас останется множество острых вопросов, например, каков источник материала, появившегося в результате «Большого взрыва», что послужило причиной и началом этого события, откуда произошли законы, управляющие вселенной, и другие. Идея вечно существующей вселенной, в которой материя постоянно создается из ничего, сама по себе ставит в тупик. То же самое справедливо и для других теорий, описывающих происхождение вселенной.

Нам говорили, что вселенная, в сущности, сама создала себя и что вся ее история, от атомов кислорода до *homo sapiens*, не требовала вмешательства разума и что она, вселенная, может адекватно быть понята как результат материальных процессов, управляемых естественными законами. Многие физики признают это предположение не слишком убедительным. Стивен

Хоукинг, которого считают величайшим физиком нашего времени, заявил, что «несообразности теории “Большого взрыва” слишком велики». А физик из Принстонского университета Фримэн Дайсон однажды заметил: «Чем больше я изучаю вселенную и подробности ее архитектуры, тем больше обнаруживаю очевидных доказательств того, что вселенная в некотором смысле должна была знать о нашем появлении».

Реконструктивное изучение ранних процессов, происходящих в первые минуты существования вселенной, открыло удивительный факт: будь изначальные условия немного иными — например, будь величина одной из основополагающих физических констант изменена на несколько процентов, жизнь в созданной таким образом вселенной не могла бы поддерживаться. В такой вселенной люди никогда бы не стали существовать в функции наблюдателей. Крайне низкая вероятность существующего взаимного соответствия величин множества основополагающих физических констант было отражено в формулировке так называемого Человеческого Принципа, сформулированного Барроу и Типлером (Barrow and Tipler 1986). В нем утверждается, что вселенная могла быть создана с определенным намерением или с целью зарождения жизни и человеческих наблюдателей, что указывает на участие высшего космического разума в процессе творения или по меньшей мере дает основания для подобного толкования.

Вероятность того, что жизнь произошла из случайных химических процессов, является астрономически малой величиной, что убедительно продемонстрировали такие ученые, как всемирно известный астроном Фред Хоили (1983) и Фрэнсис Крик (1981), один из авторов открытия структуры ДНК. Фред Хоили нашел решение этой дилеммы в теории панспермии, согласно которой микроорганизмы, распределенные по всей вселенной, попали на нашу планету в результате межзвездного путешествия, по всей видимости находясь в хвосте кометы. Он утверждал, что жизнь — «явление космологическое и, возможно, самый основополагающий аспект вселенной».

Френсис Крик высказался более оригинально. Вот что он утверждал: «Чтобы избежать повреждения, микроорганизмы, как я полагаю, путешествовали в переднем отсеке космического корабля, посланного на Землю высшей цивилизацией, которая где-то развилась несколько миллиардов лет назад... Жизнь здесь началась тогда, когда эти организмы начали размножаться». Подход Хоили и Крика, разумеется, не открывает тайну происхождения жизни: он просто представляет другое время и местоположение. Оба ученых ничего не говорят о том, как жизнь появилась впервые.

Становится все более очевидной неспособность теории Дарвина представить эволюцию и необычайное богатство форм жизни как результат механически действующих естественных сил. Несообразности и слабости теории Дарвина и неodarвинизма были рассмотрены в книге Филиппа Джонсона «Суд над Дарвином» (1993). Поскольку эволюция сама по себе является хорошо продуманным явлением, крайне маловероятно, что она могла произойти без руководства высшего разума. К ней вряд ли можно было бы применить знаменитое определение Ричарда Доукинса: «работа слепого часовщика». В эволюции существует слишком много фактов, несовместимых с таким пониманием природы.

Известно, что случайные мутации в генах, возникновение которых считается основным механизмом эволюции в теории неodarвинизма, в большинстве случаев являются пагубными, и поэтому они вряд ли могли бы послужить источником прогрессивных изменений в организмах. Более того, для появления новых видов потребовалось бы практически невероятное сочетание разнообразных и весьма специфических мутаций. В качестве примера можно привести эволюционный переход от рептилий к птицам, который потребовал наряду с другими факторами одновременного развития перьев, легких и полых костей и совершенно другого

строения скелета. Во многих случаях традиционные формы, ведущие к появлению новых органов, не приводят к эволюционным преимуществам (например, частично развитый глаз) или являются нефункциональными (неполностью сформированные крылья).

Чтобы поставить в тупик последователей теории Дарвина, природа как нарочно поддержала развитие таких форм, которые уж никак не обладают эволюционными преимуществами. Например, красивый хвост павлина служит самцам этого вида для привлечения самок, но в то же время делает их более уязвимыми для хищников. Филипп Джонсон заметил, что такая ситуация гораздо более согласуется с концепцией разумного божественного творения, нежели с теорией Дарвина, ставящей в основу эволюции слепые силы материи. «На мой взгляд, павлин и пава — это лишь один из видов существ, к которым эксцентричный творец проявил благосклонность. Но такой безжалостный механический процесс, как естественный отбор, никогда бы не позволил этим существам развиваться».

Еще одним веским аргументом против дарвиновского толкования эволюции является анализ палеонтологических находок. Несмотря на попытки палеонтологов определить по ископаемым останкам древних животных связь между видами, им это никак не удавалось. По срезу ископаемого пласта признаков перехода от одного вида к другому не обнаруживалось. Основываясь на существующих научных данных, можно сказать, что идея происхождения жизни на нашей планете и развития богатого многообразия видов в результате действия случайных механических сил кажется во многом неправдоподобной. Трудно себе представить, что все это могло произойти без вмешательства и участия высшего разума.

Это приводит нас к самому важному моменту нашего обсуждения: к заявлению материалистической науки о том, что материя является единственной реальностью, а сознание — ее продукт. Этот тезис авторитетные ученые часто представляли как научный факт, истинность которого несомненна. Однако при более подробном изучении становится очевидно, что он ни в коей мере не является и никогда не был серьезным научным утверждением, но выдавал себя за таковое, являясь лишь метафизическим предположением. Это такое утверждение, которое не может быть доказано, и поэтому в нем отсутствует основное требование, предъявляемое к научной гипотезе, а именно возможность проверки.

Сознание и материя

Разрыв между материей и сознанием настолько основателен и глубок, что трудно себе представить, чтобы сознание могло возникнуть как побочный результат сложных материальных процессов, происходящих в центральной нервной системе. У нас есть вполне достаточные клинические и экспериментальные данные, демонстрирующие глубокую взаимосвязь между анатомией, психологией, биохимическими процессами в мозгу и процессами, происходящими в сознании. Однако ни одно из этих открытий окончательно не доказывает, что сознание является порождением мозга. Теория происхождения сознания из материи воспринимается как очевидный факт, основанный на убеждении в том, что материя во вселенной была первичной. На протяжении всей истории никто не смог предложить ни убедительного объяснения того, как материя могла породить сознание, ни должного подхода к этой проблеме.

Позиция западной науки в отношении этого вопроса напоминает знаменитую суфийскую притчу.

Как-то раз один человек, проходя темной ночью мимо фонаря, увидел, как под

ним кто-то ползает на коленках.

— Что ты здесь делаешь? Ты что-нибудь потерял? — спросил он ползающего под фонарем человека. И тот ответил:

— Я ищу ключ.

И прохожий предложил ему свою помощь. После длительных совместных попыток найти ключ прохожий понял, что надо как-то прояснить ситуацию, и спросил потерявшего:

— Ты хоть помнишь, где его потерял?

Ответ был весьма неожиданным. Этот человек, показывая пальцем куда-то вдаль, за пределы освещенной фонарем территории, пробормотал:

— Кажется где-то там.

Помощника это озадачило, и он задал следующий вопрос:

— Так почему же ты ищешь не там, а здесь?

— Да потому, что здесь светло, и я могу видеть, а там у меня все равно не было никаких шансов! — последовал ответ.

Точно так же материалистическая наука систематически избегала проблемы происхождения сознания, поскольку данная проблема не могла быть решена в контексте принятой концептуальной основы. Были и такие примеры, когда некоторые исследователи заявляли, что они нашли ответ на вопрос о связи мозга с сознанием, однако эти попытки при более тщательном рассмотрении оказывались несостоятельными. Самым последним примером такого рода является широко известная книга «Поразительная гипотеза британского физика и биохимика Фрэнсиса Крика» (1994), лауреата Нобелевской премии, которому наряду с Джеймсом Уотсоном принадлежит открытие химической структуры ДНК. Как он пишет в своей книге, «поразительная гипотеза» оказывается не чем иным, как новым утверждением основного метафизического положения материалистической науки: «Вы сами, ваши радости и печали, ваши воспоминания и стремления, ваше чувство личности и свободы воли на самом деле являются не более чем поведением огромного скопления нервных клеток и соответствующих им молекул».

Обращаясь к этому вопросу, Крик сначала упрощает проблему сознания, сводя ее к процессу зрительного восприятия. Затем он продолжает просматривать длинный перечень экспериментов, показывающих, что акт зрительного восприятия связан с деятельностью нейронов, принадлежащих оптической системе. В этом нет ничего нового: давно известно, что, когда мы смотрим на какой-либо объект, в сетчатке глаза, в зрительном канале и в затылочной части коры головного мозга происходят химические и электрические изменения. Более тщательные и подробные исследования и анализ этих процессов не привнесли ничего нового в раскрытие тайны: что же способно преобразовывать химические и электрические изменения, происходящие в коре головного мозга, в субъективно переживаемое, обоснованное факсимиле наблюдаемого объекта?

Материалистическая наука хочет, чтобы мы поверили в способность мозга самостоятельно переводить эти химические и электрические изменения в сознательное субъективное восприятие наблюдаемого материального объекта. Природа и механизм этого процесса неподвластны никакому научному анализу. Утверждение, что такая способность мозга возможна, скорее является не столько научным фактом, поддержанным прочными доказательствами, сколько грубой и неподтвержденной догадкой, основанной на метафизических предпосылках. В книге Крика приведены впечатляющие экспериментальные доказательства связи между сознанием и нейрофизиологическими процессами, но в ней никак

не затрагивается самый важный вопрос, и, таким образом, мы снова возвращаемся к суфийской притче, упомянутой ранее.

Разумеется, идея о том, что сознание является продуктом мозга, не совсем произвольна. Как сам Крик, так и другие последователи этой идеи, дабы поддержать свою позицию, обычно ссылались на результаты многих нейрологических и психиатрических экспериментов, а также на множество весьма специфичных клинических наблюдений из области нейрологии, нейрохирургии и психиатрии. Но когда мы ставим под сомнение это глубоко укоренившееся убеждение, означает ли это, что мы сомневаемся в правильности этих наблюдений? Очевидность тесной связи между анатомией мозга, нейрофизиологией и сознанием несомненна. Проблемой здесь является не природа представленных фактов, но их толкование, а также логика, применяемая при доказательствах и выводы, сделанные из этих наблюдений.

В то время как эти эксперименты ясно показывают, что сознание тесно связано с нейрофизиологическими и биохимическими процессами в мозгу, они очень мало касаются природы и происхождения сознания. Но все же имеются вполне достаточные свидетельства, утверждающие совершенно противоположное, а именно что сознание может при определенных обстоятельствах функционировать независимо от своего материального субстрата и демонстрировать функции, далеко выходящие за пределы возможностей мозга. Это наиболее четко иллюстрируется существованием переживаний вне тела (ПВТ). Они могут происходить либо спонтанно, либо в разнообразных способствующих им ситуациях, таких, как шаманский транс, психоделические сеансы, гипноз, эмпирическая психотерапия, а также присмертные ситуации.

Во всех вышеперечисленных ситуациях сознание может отделяться от тела и, свободно перемещаясь на любые расстояния, сохранять способность чувственного восприятия. Особенно интересны «переживания вне тела, отражающие действительные события», независимая проверка которых показала точность восприятия той или иной среды человеком, находившимся в таком состоянии. Существует много других видов трансперсональных явлений, дающих точную информацию о различных аспектах вселенной, которая прежде не могла быть ни получена, ни записана в мозгу.

Давайте теперь подробнее рассмотрим соответствующие клинические наблюдения и лабораторные эксперименты, а также толкования этих свидетельств традиционной наукой. Без сомнения, различные процессы, происходящие в мозгу, тесно соотносятся с особыми изменениями в сознании. Удар по голове, приводящий к сотрясению мозга и сжатию сонной артерии, ограничивает подачу кислорода в мозг, что может привести к потере сознания. Повреждение или опухоль височной доли мозга часто вызывает в сознании весьма характерные изменения, которые разительно отличаются от изменений, наблюдаемых у людей с патологическими процессами в передней доле мозга. Эти отличия настолько очевидны, что помогают неврологу определить, какая область мозга поражена патологическим процессом. Иногда такая проблема может быть решена удачным нейрохирургическим вмешательством, и тогда сознание человека возвращается к нормальному состоянию.

Эти факты зачастую представляют в доказательство того, что мозг является источником человеческого сознания. На первый взгляд эти наблюдения могут показаться впечатляющими и убедительными. Однако при более пристальном рассмотрении они перестают быть таковыми. Строго говоря, эти данные четко указывают, что изменения в деятельности мозга тесно и весьма особым образом связаны с изменениями в сознании, но почти ничего не говорят о природе сознания и о его происхождении, оставляя эти вопросы открытыми. Здесь, разумеется, можно подумать об альтернативном толковании, которое, используя те же данные, привело бы к совершенно иным выводам.

Проиллюстрировать это утверждение можно связью между телевизором и телевизионной программой. Здесь ситуация упрощена, поскольку подразумевает систему, которая создана человеком. Окончательная форма телепередачи, качество изображения и звука существенно зависят от исправности телевизора и целостности его деталей. Неисправности его деталей сопровождаются специфическими изменениями в качестве транслируемых передач. Одни неисправности приводят к искажениям формы, цвета или звука, другие — к помехам между каналами. Телевизионный мастер, подобно неврологу, использующему в качестве средств диагностики изменения в сознании, может, исходя из природы этих аномалий, определить, какой блок телевизора и какие его специфические компоненты неисправны. Когда выявлена причина, создающая проблему, искажения устраняются путем ремонта или замены соответствующих деталей.

Зная основные принципы устройства телевизора, мы понимаем, что телевизор не генерирует свои передачи и ничего в них не вкладывает: он просто передает их. Мы бы посмеялись над человеком, который в попытках определить, что же в телевизоре создает телепередачи, стал изучать все его транзисторы, цепи и провода. Даже если мы перенесем эти тщетные попытки на молекулярный, атомный или субатомный уровень, мы все равно не выясним, почему в определенное время на экране появляется мультфильм про Микки Мауса, сериал «Звездный путь» или фильм, ставший классикой Голливуда. Да, работа телевизора и качество передачи тесно связаны, но это вовсе не означает, что секрет передачи целиком заключен в самом телевизоре. Однако именно такое заключение о связи мозга с сознанием сделала традиционная материалистическая наука.

Итак, западная материалистическая наука оказалась неспособна привести убедительные доказательства, что сознание есть продукт нейрофизиологических процессов в мозгу. Она сумела удержать свои позиции только путем сопротивления, цензуры и даже высмеивания обширных наблюдений, указывающих на то, что сознание может существовать и функционировать независимо от тела и физических чувств. Такие доказательства приходят из парапсихологии, антропологии, исследований с применением ЛСД, эмпирической терапии, танатологии и изучения спонтанно возникающих необычных состояний сознания. Все эти дисциплины накопили впечатляющую информацию, недвусмысленно свидетельствующую, что человеческое сознание способно делать многие вещи, которые мозгу (как его понимает традиционная наука) едва ли под силу.

Наука и религия

Авторитет материалистической науки в современном обществе сделал атеизм самой влиятельной идеологией индустриального мира. И хотя в последние десятилетия эта тенденция начала менять направление, вместе с научным прогрессом численность людей, серьезно практикующих религию и считающих себя верующими, значительно сократилась. Поскольку развитое общество находится во власти чар материалистической науки, даже верующим зачастую бывает трудно избежать подрывающего и дискредитирующего влияния, которое наука оказывает на религию. Люди, выросшие в религиозной среде, но получившие научное образование, зачастую отвергают религию, так как начинают считать любые духовные притязания примитивными и необоснованными.

Организованная религия, лишенная эмпирической компоненты, во многом утратила связь со своим глубоким духовным истоком и в итоге стала пустой, бессмысленной и все более

оторванной от нашей жизни. Во многих случаях на смену живой духовности, основанной на личном переживании, пришли догматизм, ритуализм и морализаторство. Воинствующие приверженцы официальной религии настаивают на буквальной вере в экзотерические версии духовных текстов, которые для современного образованного ума выглядят наивными и нелепо-иррациональными. Ситуацию усугубляет несостоятельность взглядов религиозных авторитетов на целый ряд важных проблем современной жизни. Например, отказ женщинам в праве на духовный сан идет вразрез с демократическими ценностями, а запрет на применение противозачаточных средств перед лицом таких опасностей, как СПИД и перенаселение, абсурден и во многом безответствен.

Если рассмотреть описания вселенной, природы и человека в материалистической науке, то становится ясно, что они резко противоречат отражению этих аспектов в писаниях великих мировых религий. Истории о сотворении мира, о происхождении человечества, о непорочном зачатии, о смерти и возрождении божественных личностей, об искушении демоническими силами и о суде над умершими, воспринимаемые буквально и оцененные на основе критериев различных научных дисциплин, отнесены теперь к числу сказок или помещены в справочнике по психиатрии. Примирить такие понятия, как Космическое Сознание, перевоплощение или духовное просветление, с базовыми положениями материалистической науки чрезвычайно трудно. Однако если науку и религию понимать правильно, то между ними можно перебросить мост.

Как мы уже видели, путаница в этой области обусловлена главным образом серьезным непониманием природы и функции науки и научных теорий. То, что нам преподносят как научное опровержение духовных реальностей, зачастую основывается скорее на наукообразной аргументации, а не науке как таковой. Дополнительный источник ненужных проблем, касающихся религии, — серьезное непонимание и неправильное толкование духовного символизма священных писаний. Этот подход характерен для фундаменталистских движений в официальных религиях.

Когда наукообразие и фундаментализм сталкиваются друг с другом, то ни та ни другая сторона, похоже, не отдает себе отчета в том, что многие пассажи духовных писаний, вокруг которых возникают разногласия, следует понимать не как ссылки на конкретных персонажей, географические места и исторические события, но как отчет о трансперсональных переживаниях. Научные описания вселенной и истории в религиозных текстах не относятся к одним и тем же реальностям и не претендуют на одну и ту же территорию. Как подчеркивал мифолог Джозеф Кэмпбелл, «непорочное зачатие не проблема для гинекологов, а Земля обетованная не объект недвижимости».

Современные астрономы не обнаружили изображений Бога и ангелов на фотографиях, сделанных с использованием самых лучших телескопов, но это отнюдь не является научным доказательством того, что их не существует. Подобным образом и знание о том, что земля внутри состоит из жидкого железа и никеля, никоим образом не опровергает существования низшего мира и ада. Духовный символизм не соотносится с происходящим в материальном мире нашей повседневной реальности, но точно отображает события и реальности, переживаемые нами в необычных состояниях сознания. Олдос Хаксли очень удачно сформулировал это в своем блестящем эссе «Рай и ад» (Huxley 1959). Есть лишь один научный подход к духовности — исследование сознания, сосредоточенное на систематическом и неуклонном изучении его необычных состояний.

Многие ученые используют понятийный аппарат современной науки способом, напоминающим скорее манипуляции религиозных фундаменталистов. Они ошибочно провозглашают его окончательным описанием реальности и потому авторитарно подвергают

цензуре и замалчиванию все наблюдения, которые бросают вызов его базовым положениям. Взгляды материалистической науки явно несовместимы с теологиями официальных религий, и авторитет, которым наука пользуется в нашем обществе, безусловно, способствует этой несовместимости. Поскольку большинство людей в нашей культуре не осознают различия между религией и духовностью, разрушительное влияние такого рода «науки» не только отражается на религии, но распространяется и на всю духовную деятельность. Если мы хотим достичь ясности в основных вопросах, касающихся этого конфликта, важно провести четкое различие не только между наукой и наукообразием, но и между религией и духовностью.

Духовность и религия

Неумение отличить духовность от религии — по всей видимости, самый главный источник неправильного понимания взаимосвязи науки и религии. Духовность базируется на прямых переживаниях необычных измерений реальности и необязательно требует, чтобы контакт с божественным осуществлялся в особом месте или через официально назначенное лицо. Он подразумевает особые отношения между индивидом и космосом и по сути своей является личным, приватным делом. Мистики основывают свои убеждения на эмпирических свидетельствах. Они не нуждаются в церквях и храмах: среда, в которой они переживают священные измерения реальности, включая свое божество, — это их тело и природа, а вместо священника им нужна поддержка группы соискателей или же руководство учителя, который обладает большим опытом во внутреннем путешествии, чем они сами.

Колыбелью всех великий религий были провидческие переживания их основоположников, пророков, святых и даже обычных верующих. Все величайшие духовные писания (веды, упанишад, буддийский палийский канон, Библия, Коран, «Книга Мормона» и многие другие) основаны на непосредственных личных откровениях. Как только религия становится организованной, она нередко совершенно утрачивает связь с духовным истоком и превращается в светский институт, эксплуатирующий духовные потребности человека, не удовлетворяя их. Вместо этого она создает иерархическую систему, сосредоточенную на погоне за властью, контролем, политикой, деньгами, собственностью и прочими мирскими интересами.

Организованная религия является статуированной групповой деятельностью, происходящей в установленном месте (в храме или церкви), и включает систему назначенных служителей, и здесь неважно, имели они личные переживания духовных реальностей или нет. Религиозная иерархия, из опасения, что ее члены обретут независимость и их станет невозможно контролировать, стремится активно порицать и подавлять их духовные переживания. В такой обстановке подлинная духовная жизнь продолжается лишь в мистических ответвлениях, монашеских орденах и экстатических системах, входящих в ту или иную религию.

Нет сомнения, что догмы организованных религий в корне противоречат науке, независимо от того, использует ли последняя ньютоново-картезианскую модель или же основывается на новой парадигме. Однако касательно духовных переживаний ситуация во многом отлична. За последние двадцать пять лет систематическое изучение этих переживаний стало главным средоточием особой дисциплины, называемой «трансперсональной психологией». Духовные переживания, как и любой другой аспект реальности, могут изучаться научно; их возможно подвергнуть тщательному непредвзятому исследованию. Что ненаучного в беспристрастном и строгом изучении самих этих феноменов и их несоответствия материалистическому пониманию мира? Самым спорным вопросом здесь является природа и онтологический статус мистических

переживаний. Открывают ли они глубокую истину о некоторых основополагающих аспектах жизни или же представляют собой продукт суеверия, фантазии и душевной болезни?

Главное препятствие в изучении трансперсональных переживаний заключается в том, что традиционная психология и психиатрия находятся во власти материалистической философии и не обладают истинным пониманием религии и духовности. В своем подчеркнутом отрицании религии они не проводят различий между верованиями примитивных народов или буквальными фундаменталистскими толкованиями священных писаний, с одной стороны, и сложнейшими мистическими традициями или духовными философскими учениями Востока — с другой. Западная материалистическая наука огульно отрицала любые духовные понятия и виды деятельности, включая и те, что основаны на многовековом систематическом интроспективном исследовании психики. Многие из великих мистических традиций разработали особые методы вызова духовных переживаний и соединения наблюдения и теории примерно так же, как это делает современная наука.

Крайним примером такого неразличения является то, что западная наука отвергает тантру — систему, предлагающую необычное духовное видение бытия в контексте всеохватного и сложного научного мировоззрения. Ученые-тантристы разработали глубокую концепцию вселенной, во многом подтвержденную современной наукой. Она включала сложные модели пространства и времени, понятие «Большого взрыва», а также такие элементы, как гелиоцентрическая система, межпланетное притяжение, сферическая форма Земли и планет и энтропия.

Дополнительные достижения тантры — продвинутая математика, десятичное счисление и введение нуля. Тантра обладала глубокой теорией психологии и эмпирическим методом, основанным на картах тонкого энергетического тела, где указаны психические центры (чакры) и каналы (нади). В тантре разработаны изысканное абстрактное и фигуративное духовное искусство, а также сложная система обрядов (Mookerjee and Khanna 1977).

Какой видит религию психиатрия

С точки зрения западной академической науки материалистический мир есть единственная реальность, а любая форма духовных убеждений отражает недостаток образования, примитивное суеверие, магическое мышление или возврат к инфантильным моделям деятельности. Вера в какую-либо форму существования после смерти не только опровергалась, но и зачастую подвергалась насмешкам. С материалистической позиции совершенно ясно и неоспоримо, что смерть тела, и особенно мозга, есть прекращение всякой формы сознательной деятельности. Вера в посмертное странствие души, в жизнь после смерти или перевоплощение — всего лишь мечтания людей, неспособных принять биологический императив смерти.

В нашей культуре людей, имеющих непосредственные переживания духовных реальностей, считают душевнобольными. Официальная психиатрия не делает различий между мистическими и психотическими переживаниями, считая то и другое проявлением психоза. Из всех оценок мистицизма, высказанных официальными академическими кругами, самой мягкой был отчет Комитета по психиатрии и религии, являвшегося частью Группы продвижения психиатрии. Этот документ, опубликованный в 1976 году, носил название «Мистицизм: духовные искания или психическое расстройство?» и признал, что мистицизм возможно, представляет собой феномен, находящийся на грани между нормальным состоянием психики и психозом.

В сложившейся ныне ситуации ученым с традиционным образованием даже намек на то, что духовные переживания заслуживают серьезного изучения и критического анализа, представляется абсурдом. Серьезный интерес к этой области могут расценить как признак слабости суждения, что способно подорвать профессиональную репутацию исследователя. На самом же деле нет ни одного научного «доказательства» тому, что духовного измерения не существует. Отрицание его существования — в принципе всего лишь метафизическое положение западной науки, опирающееся на неправильное применение устаревшей парадигмы. Фактически же изучение холотропных состояний вообще и трансперсональных переживаний в частности дает нам более чем достаточно информации, свидетельствующей, что мы с полным правом можем постулировать существование духовного измерения (Grof 1985, 1988).

Сильные личные переживания визионеров — божественные прозрения пророков, мистиков и святых — легли в основу всех великих религий мира. Эти переживания, открывающие существование священных измерений реальности, были вдохновенным и животворным источником всех религиозных движений. Будду Гаутаму, медитирующего под деревом бодхи, постигло яркое визионерское переживание Кама-Мары — мастера иллюзий мира, его трех обольстительных дочерей, пытавшихся отвлечь Будду от духовной цели, и грозных его полчищ, старавшихся запугать Будду и помешать достижению просветления. Будда успешно преодолел все эти препятствия и достиг просветления и духовной пробужденности. В другом случае Будда, также созерцая, увидел длинную цепь своих прошлых воплощений и испытал глубинное освобождение от кармических оков.

«Чудесное путешествие» Мухаммеда — мощное провидческое состояние, во время которого архангел Гавриил провел его через семь мусульманских небес, Рай и Ад, — послужило вдохновением для Корана и исламской религии. В иудео-христианской традиции Ветхий Завет предлагает драматическое повествование о том, как Моисею открылся Яхве в пылающем терновом кусте, а в Новом Завете описывается искушение Иисуса дьяволом в пустыне. Подобно этому ослепительное видение Христа, представшее Савлу на пути в Дамаск, апокалиптическое Откровение Иоанна Богослова в пещере на острове Патмос и многие другие эпизоды определенно являются трансперсональными переживаниями, происходящими в необычных состояниях сознания. В Библии есть множество других примеров непосредственного общения с Богом и ангелами. Описания искушений св. Антония и провидческие переживания других святых и отцов-пустынников представляют собой документально подтвержденные факты христианской истории.

Западные психиатры истолковывают такие провидческие переживания как симптомы серьезных психических заболеваний, хотя и не имеют адекватного медицинского объяснения и лабораторных данных, подкрепляющих такую позицию. Литература по официальной психиатрии содержит статьи и книги, дискутирующие вопрос о том, какой клинический диагноз можно поставить тому или иному великому деятелю духовной истории. Св. Хуан де ла Крус назван «наследственным дегенератом», св. Тереза Авильская — «истерической психопаткой», а мистические переживания Мухаммеда отнесли на счет эпилепсии.

Многих других религиозных и духовных деятелей, таких, как Будда, Иисус, Рамакришна и Шри Рамана Махарши, только из-за их визионерских переживаний считали больными психозом. Точно так же некоторые антропологи-традиционалисты спорили о том, какое заболевание следует диагностировать у шаманов — шизофрению, вялотекущий психоз, эпилепсию или истерию. Известный психоаналитик Франц Александер, прославившийся как один из основоположников психосоматической медицины, написал статью, где даже буддийская медитация описывается в терминах психопатологии и именуется «искусственной кататонией» (Alexander 1931).

Религия и духовность были в истории человечества и цивилизации чрезвычайно важными силами. Будь визионерские переживания основоположников религий всего лишь продуктом патологии мозга, трудно было бы объяснить и глубокое воздействие, которое они оказывают на людей в течение многих веков, и архитектуру, живопись, скульптуру, и литературу, вдохновленную ими. Нет ни одной древней или доиндустриальной культуры, где бы ритуальная и духовная жизнь не играли центральной роли. Таким образом, современная западная психиатрия и психология считают патологией не только духовную, но и культурную жизнь всех человеческих сообществ, существовавших на протяжении веков, делая исключение лишь для образованной элиты западной индустриальной цивилизации, разделяющей материалистическое мировоззрение.

Такая позиция современной психиатрии по отношению к духовным переживаниям создает в нашем обществе еще и значительный раскол. В Соединенных Штатах религия официально признана и защищена законом, и определенные круги даже содействуют ее процветанию. В каждом номере каждого мотеля лежит Библия, политики в каждой своей речи — на словах — поминают Бога, коллективная молитва даже является частью церемонии инаугурации президента. Однако в свете материалистической науки религиозные люди считаются необразованными, страдающими коллективными заблуждениями или эмоционально незрелыми.

А если какой-либо человек, принадлежащий к нашей культуре, достигнет духовного переживания, подобного тем, что вдохновляли все мировые религии, то средний священнослужитель вполне пошлет его к психиатру. Во многих случаях люди, которых по причине интенсивных духовных переживаний помещали в психиатрические лечебницы, подвергались лечению транквилизаторами или даже шоковой терапией и на всю жизнь получали ярлык психопатологического диагноза.

Холотропные состояния сознания и образ реальности

Различия в понимании природы, вселенной, людей и сознания западной наукой и древними и доиндустриальными обществами обычно объясняются в терминах превосходства материалистической науки над суевериями и примитивным магическим мышлением туземных культур. Однако тщательный анализ данной ситуации показывает, что причина этого различия не в превосходстве западной науки, а в невежестве и наивности индустриальных обществ касательно холотропных состояний сознания.

Все доиндустриальные культуры высоко ценили эти состояния и тратили много времени и сил на разработку эффективных и безопасных способов их вызова. Они обладали глубоким знанием об этих состояниях, систематически их культивировали и использовали в качестве главного инструмента ритуальной и духовной жизни. Мировоззрения этих культур отражали не только переживания и наблюдения, сделанные в обычном состоянии сознания, но также и те, что явились в глубоких визионерских состояниях. Современные исследования сознания и трансперсональная психология показали, что многие из этих переживаний действительно раскрывают те измерения реальности, которые обычно от нас скрыты, а следовательно, их никак нельзя назвать патологическими.

В визионерских состояниях переживания иных реальностей и нового видения нашей повседневной жизни настолько убедительны и бесспорны, что людям, их имевшим, остается только включить их в свое мировоззрение. Следовательно, идеологически разделяет эти две группы — туземные культуры и развитые общества — именно эмпирическая открытость

трансперсональным переживаниям, с одной стороны, и отсутствие таковой — с другой. Мне еще ни разу не встречался человек, который, пройдя через переживание трансперсональных сфер, продолжал бы подписываться под мировоззрением западной материалистической науки. Это развитие никак не зависит ни от уровня интеллекта, ни от вида и степени образования, ни от профессионального уровня человека.

Холотропные состояния сознания и человеческая история

В этой книге мы исследовали холотропные состояния сознания, их природу, содержание и глубокое воздействие на мировоззрение, систему ценностей и стратегию жизни. То, что мы узнали о холотропных переживаниях, проливает совершенно новый свет на духовную историю человечества, показывая, что духовность есть чрезвычайно важное измерение человеческой психики и бытия, а также изымает истинную религию из контекста патологии, куда она была отнесена материалистической наукой.

В человеческой истории все культуры, за исключением западной индустриальной цивилизации, высоко ценили холотропные состояния сознания и вызывали их всякий раз, когда хотели соприкоснуться со своими божествами, иными измерениями реальности и силами природы. Они также использовали их для диагностики и лечения болезней, развития экстрасенсорного восприятия и творческого вдохновения. Эти культуры много сил и времени отводили разработкам безопасных и эффективных методов вызова таких состояний. Как мы уже говорили во введении к этой книге, «технологии священного» — методы изменения сознания, разработанные древними и туземными культурами в ритуальных и духовных целях, — варьировались от шаманских приемов вхождения в транс до сложных практик различных мистических традиций и духовно-философских учений Востока.

Практика холотропных состояний восходит к самым началам человеческой истории. Она — самая характерная черта шаманизма, древнейшей религии человечества, включающей искусство целительства. Холотропные состояния тесно связаны с шаманизмом, и эта важная связь выражается несколькими способами. Карьера многих шаманов начинается со спонтанных эпизодов визионерских состояний, или психодуховных кризисов, которые антропологи с типичным западным предубеждением называют «шаманской болезнью». Другие шаманы получают «профессию» через посвящение у практикующих шаманов, тогда аналогичные переживания вызываются мощными процедурами изменения сознания, «технологиями священного» (религиозными обрядами), в частности стучанием в бубен, трещотками, монотонным пением, танцами или растениями-психоделиками. Искусные шаманы умеют входить в холотропное состояние по своей воле и контролировать этот процесс. Они пользуются им для целительства, экстрасенсорного восприятия, исследования иных измерений реальности и пр. Они могут также вызывать его у своих соплеменников и обеспечивать им необходимое руководство.

Происхождение шаманизма теряется в глубине веков. Ему, вероятно, по меньшей мере от тридцати до сорока тысяч лет, и своими корнями он уходит в эпоху палеолита. Стены знаменитых пещер Южной Франции и Северной Испании, таких, как Ляско, Фон-Де-Гом, пещера Трех Братьев, Альтамира и др., расписаны прекрасными изображениями животных. Большинство из них представляют собой виды, которые фактически населяли ландшафты каменного века — бизонов, диких лошадей, каменных козлов, мамонтов, волков, носорогов и оленей. Однако другие животные, такие, как, например, «чудесный зверь» в пещере Ляско,

являются мифическими существами и определенно имеют магическое и ритуальное назначение. В нескольких пещерах есть рисунки и рельефы странных фигур, которые сочетают в себе черты человека и животного и, вне всяких сомнений, изображают древних шаманов.

Самое известное из таких изображений — «Колдун» из пещеры Трех Братьев, таинственная, сложная фигура, объединяющая в себе различные мужские символы. У этой фигуры имеются рога оленя, глаза совы, хвост дикой лошади или волка, борода и пенис человека и лапы льва. Еще один знаменитый рельеф, изображающий шамана, в том же самом пещерном комплексе — это «Владыка зверей», который правит Землями Удачной Охоты, изобилующими удивительными животными. Также широко известной является сцена охоты, на стене пещеры Ляско. Здесь изображены раненый бизон и лежащая фигура шамана с пенисом в состоянии эрекции. Грот под названием Ла-Габиллу скрывает рельефное изображение фигуры шамана в движении, археологи называют его «танцором». Вдобавок на глиняном полу одной из пещер исследователи обнаружили отпечатки ног, расположенные по кругу. Это наводит на мысль, что ее обитатели исполняли танцы вроде тех, что по сей день исполняются во многих туземных культурах для вызова трансовых состояний.

Шаманизм не только древен — он универсален; его можно обнаружить в Северной и Южной Америке, Европе, Африке, Азии, Австралии, Микронезии и Полинезии. Тот факт, что множество различных культур на протяжении человеческой истории находило шаманские техники полезными и необходимыми, свидетельствует, что в холотропных состояниях задействуется «первичное сознание», как его называют антропологи, — основополагающий и изначальный аспект человеческой психики, который выходит за пределы расы, пола, культуры и исторического времени. В культурах, избежавших сильного влияния западной индустриальной цивилизации, шаманские техники и процедуры дожили до сегодняшнего дня.

В большинстве примитивных обществ обрядовая и духовная жизнь практически равнозначна работе с холотропными состояниями сознания в контексте ритуалов целительства и различных других сакральных церемоний, проводимых с разными целями и в различных случаях. Особенно важны так называемые ритуалы перехода, которым впервые дал определение и описание голландский антрополог Арнольд ван Геннеп (van Gennep 1960). Эти мощные ритуалы проводились в различных доиндустриальных культурах во время важных биологических и социальных переходов, таких, как обрезание, половое созревание, брак, рождение ребенка, менопауза и смерть.

Как и в шаманских обрядах, в ритуалах перехода используются сильнодействующие методы изменения сознания. Посвящаемые проходят через глубокие трансперсональные переживания, сосредоточенные вокруг психодуховной смерти и возрождения. Истолковывается это как умирание в старой роли и возрождение в новой. Например, в одной из самых важных церемоний такого рода — ритуале, отмечающем половое созревание, — психологическая смерть и возрождение подростков понимаются как смерть мальчиков и девочек и рождение взрослых мужчин и женщин. Важной функцией подобных ритуалов является также обеспечение эмпирического доступа к трансцендентной сфере, утверждение групповой космологии и мифологии и установление или поддержание связи индивида с другими реальностями.

Холотропные состояния сознания играли решающую роль и в древних мистериях смерти и возрождения — сакральных таинствах, в которых посвящаемые переживали мощное психодуховное преобразование. Эти мистерии были основаны на мифологических повествованиях о божествах, символизирующих смерть и преобразование. У древних шумеров это были Инанна и Таммуз, у египтян — Исида и Осирис, у греков — Аттис, Адонис, Вакх и Персефона. Их центральноамериканскими параллелями были ацтекский Кецалькоатль, или Пернатый Змей, и Близнецы-Герои из майяского эпоса «Пополь-Вух». Такие мистерии были широко

распространены в странах Средиземноморья и на Среднем Востоке, примером чему служат шумерские и египетские храмовые посвящения, мистерии митраизма или греческие ритуалы корибантов, вакханалии и элевсинские мистерии.

Впечатляющим свидетельством в пользу силы и воздействия подобных переживаний является тот факт, что элевсинские мистерии проводились регулярно и непрерывно в течение почти двух тысяч лет и всегда привлекали выдающихся людей всего античного мира. Культурная значимость этих мистерий для древнего мира становится очевидна, когда мы узнаем, что среди посвященных были многие знаменитые и прославленные деятели античности. В список неофитов входили философы Платон, Аристотель и Эпиктет, полководец Алкивиад, драматурги Еврипид и Софокл, поэт Пиндар. Известный государственный деятель Цицерон, участвовавший в этих мистериях, замечательно описал их роль в античной цивилизации в своей книге «О законах» (Cicero 1987).

В телестериионе (огромном зале для посвящений в Элевсине) три тысячи мистов-неофитов одновременно переживали глубокое психодуховное преобразование. Участие такого огромного числа людей, включая выдающихся философов, художников и государственных деятелей, удивительным образом повлияло на греческую культуру, а значит, и на историю европейской культуры вообще. Поистине удивительно, что этот важный аспект античного мира остался во многом не признан историками.

Специфика процедур изменения сознания, включенных в эти таинства, осталась большей частью неизвестна, хотя вполне вероятно, что священное питье *кикеон*, игравшее важную роль в элевсинских мистериях, являлось отваром, содержащим алкалоиды спорыньи и сходным с ЛСД (Wasson, Hofmann, and Ruck 1978), и что те же психоделические вещества включались и в вакханалии и другие ритуалы. Какие бы «технологии священного» ни использовались в Элевсине, их воздействие на психику мистов было настолько глубоко, что они оставались в центре внимания на протяжении почти двух тысячелетий.

Холотропные состояния играли важную роль и в великих религиях мира. Как я уже говорил, визионерские переживания основоположников послужили живым источником, вдохновившим эти религии. Изначальные переживания были в той или иной степени спонтанны и стихийны, но на протяжении своей истории многие религии разработали сложные процедуры, специально предназначенные для вызова мистических переживаний. К таким процедурам относятся, например, различные методы йоги, медитации випассаны, дзен и тибетского буддизма, равно как и духовные упражнения даосской традиции и сложные тантрийские ритуалы. Мы могли бы добавить сюда различные методы, разработанные суфиями, исламскими мистиками. В своих священных церемониях, или зикрах, они регулярно использовали усиленное дыхание, религиозные песнопения и танец-верчение, вызывающий состояние транса.

Из иудео-христианской традиции можно упомянуть здесь дыхательные упражнения ессеев и их крещение, когда человека погружали в воду и топили до полусмерти, христианскую Иисусову молитву (исихазм), практики Игнатия Лойолы, а также различные каббалистические и хасидские процедуры. Методы, предназначенные для того, чтобы вызывать непосредственные духовные переживания и способствовать их развитию, характерны для всех мистических ответвлений великих религий и их монашеских орденов.

Особенно эффективным средством вызова холотропных состояний сознания было ритуальное использование психоделических растений и веществ. Знание об этих сильнодействующих средствах восходит к самой древней человеческой истории. В китайской медицине упоминания о растениях-психоделиках относятся к периоду почти трехтысячелетней давности. Легендарный божественный напиток, известный из древнеперсидской «Зенд-Авесты» как *хаома*, а в Индии как *сома*, использовался индо-иранскими племенами несколько

тысячелетий назад и, по всей видимости, был важнейшим источником ведической религии и философии.

В странах Востока, Африки и Карибского бассейна снадобья из конопли разных видов курили и вкушали под различными названиями (*гашиш, чарас, бханг, ганжа, киф, марихуана*) не только для восстановления сил, для удовольствия и во время религиозных церемоний. Они считались священными у столь разных религиозных групп, как брахманисты, определенные суфийские ордена, древние скифы и ямайские растафариане.

В Центральной Америке церемониальное использование различных психоделических веществ тоже имеет длинную историю. Высокоэффективные растения, изменяющие состояние сознания, были широко известны в нескольких доиспанских индейских культурах — у ацтеков, майя, ольмеков и мацатеков. Самыми известными среди них были кактус *пейот*, или *месхал* (*Anhalonium Lewinii*), священный гриб *теонанакатль* (*Psilocybe mexicana*) и *ололиукуи* — семена различных видов вьюнка пурпурного (*Ipomoea violacea* и *Turbina corymbosa*). Эти субстанции по сей день используются как священные мацатеками, уичолами, чичемеками, цора и другими племенами мексиканских индейцев, а также Церковью американских индейцев.

Небезызвестная южноамериканская *йаге*, и л и *аяхуаска*, представляет собой отвар из произрастающей в джунглях лианы (*Banisteriopsis caapi*) с некоторыми растительными же добавками. Амазония также известна множеством нюхательных психоделических снадобий. Туземные племена Африки жуют и вдыхают снадобья, приготовленные из коры кустарника эбога (*Tabernanthe iboga*). Они употребляют их в небольших количествах как стимуляторы, а в больших дозах — во время ритуалов посвящения для мужчин и женщин. В перечне, приведенном выше, упомянута лишь малая часть составов, которые использовались на протяжении многих веков в ритуальной и духовной жизни различных человеческих сообществ по всему миру.

Холотропные состояния в истории психиатрии

Холотропные состояния сознания сыграли очень важную роль в развитии глубинной психологии и психотерапии. Большинство книг об этом движении относят его начало к экспериментам австрийского врача и мистика Франца Антона Месмера. Хотя сам Месмер относил изменения в сознании, переживаемые его пациентами, к «животному магнетизму», его знаменитые парижские опыты подготовили почву для обширной работы с клиническим гипнозом. Сеансы гипноза, которые в парижской больнице Сальпетриер проводил с больными истерией Жан Мартен Шарко, а также исследование гипноза, которым занимались в Нанси Ипполит Бернгейм и Амбруаз Огюст Льебо, оказали серьезное воздействие на профессиональное развитие Зигмунда Фрейда.

Во время учебной поездки во Францию Фрейд посетил Шарко и группу в Нанси, где научился использованию гипноза. Он применял это умение в своих ранних исследованиях бессознательного у пациентов. Однако холотропные состояния в истории психоанализа сыграли важную роль совсем иначе. Ранние аналитические рассуждения Фрейда были вдохновлены работой с одной пациенткой, которая страдала истерией и которую он лечил совместно со своим другом Йозефом Бройером. Эта пациентка (Фрейд в своих работах называет ее Анна О.) эпизодически переживала спонтанные холотропные состояния, в которых она психологически постоянно возвращалась в детство. Возможность наблюдать переживание травматических воспоминаний, происходившее в этих состояниях, а также психотерапевтические результаты этого процесса оказали на идеи Фрейда глубокое влияние.

По многим причинам Фрейд позднее радикально изменил свою стратегию. Он отказался от гипноза и переместил акцент с непосредственных переживаний на свободные ассоциации, с действительной травмы на фантазии эдипова комплекса, с сознательного переживания и эмоционального отреагирования бессознательного материала на динамику переноса. Оглядываясь назад, можно сказать, что эти перемены были неудачны: они ограничили западную психотерапию и задали ей на последующие пятьдесят лет ложное направление (Ross 1989). В результате психотерапия первой половины XX века стала практически синонимом беседы — разговорами один на один, свободными ассоциациями психоанализа и снятием поведенческих обусловленностей.

Как только психоанализ и другие формы вербальной психотерапии набрали силу и завоевали репутацию, статус непосредственного эмпирического доступа к бессознательному драматически изменился. Холотропные состояния, ранее считавшиеся потенциально лечебными и способными предоставить ценную информацию о человеческой психике, стали связываться с патологией. С тех пор основным методом лечения этих состояний, если они возникают спонтанно, стало их подавление любыми средствами. Прошло много лет, прежде чем специалисты начали вновь открывать ценность холотропных состояний и непосредственных эмоциональных переживаний.

Холотропные состояния и современные исследования сознания

Возрождение профессионального интереса к холотропным состояниям проявилось к началу 50х гг., когда, вскоре после открытия ЛСД-25, возникла психоделическая терапия. Оно продолжалось и далее, вместе с новыми революционными разработками в психологии и психотерапии. Группа американских психологов и психиатров, глубоко разочарованных в бихевиоризме и фрейдовском психоанализе, почувствовала и сформулировала необходимость в новой ориентации. На этот призыв откликнулись Абрахам Маслоу и Энтони Сутич, которые заложили основы нового ответвления в психологии — гуманистической психологии. Это направление быстро обрело популярность.

Гуманистическая психология обеспечила базу для развития широкого спектра новых психотерапевтических методов. В отличие от традиционных методов психотерапии, использующих преимущественно вербальные средства и интеллектуальный анализ, эти новые так называемые методы эмпирической терапии делали акцент на непосредственном переживании и выражении эмоций. Неотъемлемой частью этого процесса были различные формы телесной работы. По сей день одним из самых популярных методов, который широко используется прежде всего за пределами академических кругов, является гештальттерапия Фрица Перлза (Perls 1976).

Несмотря на эти существенные отклонения от традиционных стратегий психотерапии, большая часть приемов эмпирической терапии по-прежнему в значительной степени основывалась на вербальном общении и требовала, чтобы пациент находился в обычном состоянии сознания. Однако некоторые из новых подходов были настолько действенны, что могли вызывать в сознании пациента глубокие изменения. Кроме психоделической терапии к этой категории относятся некоторые неорайхианские техники, первичная терапия, реберфинг, холотропное дыхание и др.

Хотя эти эмпирические методы еще не приняты официальными академическими кругами, с их развитием и использованием началась новая глава в истории психотерапии. Они тесно

соотносятся с древними и туземными психодуховными технологиями, которые играли существенную роль в ритуальной, духовной и культурной истории человечества. Если в будущем эти методы будут приняты и их ценность признана, они непременно произведут революцию в теории и практике психиатрии.

Во второй половине нашего столетия значительный вклад в технологию вызова холотропных состояний внесла не только клиническая работа, но и лабораторные исследования. Биохимики сумели выявить активные алкалоиды во многих растениях-психоделиках и воссоздать их в лабораторных условиях. Наиболее известными среди них являются *мескалин*, содержащийся в пейоте (мескале), *псилоцибин*, содержащийся в чудодейственных мексиканских грибах, и *ибогаин*, получаемый из африканского кустарника ибога. Менее известным, но также важным считается *гармалин*, присутствующий в аяхуаске, *тетрагидроканнабинол* (ТГК), содержащийся в гашише, а также *производные триптамина*, обнаруженные в южноамериканских нюхательных снадобьях и в кожных железах особых видов жаб.

Химические исследования добавили к уже существующему богатому арсеналу чрезвычайно сильное полусинтетическое вещество ЛСД-25, а также множество синтетических веществ, в частности МДА, МДМА (Экстази), и другие производные амфетаминов. Это позволило в широком масштабе систематически проводить клинические и лабораторные исследования действия этих компонентов и изучать вызываемые ими физиологические, биохимические и психологические процессы.

Очень эффективным способом вызова холотропных состояний является сенсорная изоляция, подразумевающая значительное сокращение важных сенсорных стимулов. Крайняя ее форма представляет собой погружение пациента в большой, совершенно темный и акустически изолированный резервуар, причем лицо испытуемого закрывают специальной маской с трубкой для подачи воздуха. Сходным образом лишение сна и даже лишение сновидений могут вызвать глубокие изменения в сознании. Лишения сновидений без лишения сна можно достичь, если человека, участвующего в эксперименте, будить каждый раз, когда фаза быстрых движений глаз (БДГ) указывает на то, что он видит сон. Кроме того, существуют лабораторные приборы, дающие возможность индуцировать яркие сновидения.

Другой хорошо известный лабораторный метод изменения сознания — это биологическая обратная связь, процедура, позволяющая с помощью электронных сигналов направить человека в особые эмпирические сферы, для которых характерно преобладание определенных частот мозговых волн. Быстро растущий рынок в настоящее время предлагает богатый спектр приспособлений для изменения сознания, которые могут индуцировать холотропные состояния сознания, сочетая различным образом акустические, оптические и кинестетические стимулы. Перечень новых путей в исследовании сознания будет неполным, если не упомянуть танатологию, дисциплину, сосредоточенную на изучении присмертных переживаний. Танатологические исследования стали источником ряда самых замечательных наблюдений в трансперсональной сфере.

Возрождение интереса к холотропным состояниям, наблюдаемое в последние десятилетия, способствовало накоплению огромного объема революционных данных. Исследователи различных сфер сознания собрали впечатляющие свидетельства, которые бросают серьезный вызов теориям материалистической науки относительно природы сознания. Остается мало сомнений в том, что существующее научное мировоззрение, утверждающее первичность материи и рассматривающее сознание как ее производную, не могут быть адекватно подкреплены фактами наблюдений.

В самом деле, наблюдения трансперсональной психологии прямо противоречат существующему представлению о сознании как побочном продукте нейрофизиологических

процессов в мозгу. Достаточно упомянуть хотя бы о существовании «переживаний вне тела, отражающих действительные события» в присмертных ситуациях, чтобы опровергнуть этот главный миф материалистической науки. Такие переживания показывают, что развоплощенное сознание при определенных условиях способно в точности воспринимать окружающую среду без посредства органов чувств.

В нынешней ситуации, пожалуй, особенно примечательно, до какой степени академические круги умудрялись игнорировать и замалчивать все новые данные, ставящие под сомнение самые фундаментальные метафизические предположения материалистической науки. Признание ограниченности существующих понятийных баз и принятие новой, революционной информации побудило Абрахама Маслоу и Энтони Сутича, основоположников гуманистической психологии, дать начало еще одной психологической дисциплине, которая стала известна как трансперсональная психология. Эта область знания занимается изучением всего спектра человеческих переживаний, включая холотропные состояния, и представляет собой серьезную попытку объединить науку и духовность.

Заключение

Главная задача этого приложения — разъяснить, что космология, описанная в данной книге, входит в противоречие не с научными данными, а лишь с философскими выводами, ошибочно сделанными на основе этих данных. Переживания и наблюдения, описанные в этой книге, бросают вызов не науке, но материалистическому монизму. Надеюсь, я сумел показать, что материалистическое мировоззрение основывается на целом ряде спорных метафизических предположений, которые не находят адекватного подтверждения в фактах и научных свидетельствах.

Истинную науку характеризует открытое и динамичное применение научного метода исследования к любым сферам реальности, допускающим такой подход, сколь бы абсурдными ни казались эти попытки, если взглянуть на них с общепринятой позиции. Я уверен, что именно так поступали первопроходцы в различных областях современного исследования сознания. Они дерзко изучали широкий спектр холотропных переживаний, накопив огромный объем удивительных сведений. Многие из феноменов, которые они наблюдали, представляют собой вызов глубоко укоренившимся убеждениям, которые долгое время ошибочно считались установленными научными фактами.

Более четырех десятков лет, отданных исследованиям сознания, убедили меня, что единственный способ, с помощью которого приверженцам материалистической науки удастся поддерживать свое теперешнее мировоззрение, — это систематическая цензура и ложное толкование всех данных, касающихся холотропных состояний. Несомненно, в прошлом они с успехом использовали эту стратегию, независимо от того, что являлось источником неординарных данных — исторические штудии, сравнительная религия, антропология или различные области современного исследования сознания. То же самое, разумеется, справедливо для парапсихологии, психоделической терапии и методов эмпирической психотерапии. Дополнительными примерами здесь являются танатология и лабораторные методы изменения сознания.

Я уверен, что до бесконечности применять эту стратегию невозможно. Становится все более очевидным, что новые научные данные не обеспечивают адекватного подкрепления базовым предположениям, представляющим собой краеугольный камень материалистического

монизма. Вдобавок объем данных, которые получены из исследований сознания и, по идее, должны замалчиваться и игнорироваться, быстро растет. Недостаточно показать, что претензии трансперсональной психологии несовместимы с мировоззрением материалистической науки. Чтобы замолчать концептуальный вызов, нужно будет продемонстрировать, что наблюдения, полученные из трансперсональной психологии и исследований сознания, включая описанные в этой книге, могут быть адекватно учтены и объяснены в контексте материалистической парадигмы.

Я серьезно сомневаюсь, что традиционные критики-материалисты преуспеют в выполнении этой задачи больше, чем сами исследователи трансперсональной области. Мне выпало счастье знать многих из этих исследователей лично. Все они имеют академическое образование и затратили много усилий, пытаясь найти традиционное объяснение своим наблюдениям, прежде чем решились на поиски принципиально иного истолкования. Я знаю по собственному опыту, что истоком трансперсональной психологии были не иконоборческий пыл и не восторг, но неудачные и мучительные попытки объяснить новые данные при помощи старой парадигмы.

Важно подчеркнуть, что космология, изложенная в этой книге, не противоречит фактам и наблюдениям любой научной дисциплины. Под сомнение ставится уместность философских выводов, сделанных из этих наблюдений. Идеи этой книги не меняют специфических моментов, описанных материалистической наукой. Они просто обеспечивают метаструктуру для явлений, составляющих общепринятую реальность. Согласно материалистическому мировоззрению, вселенная есть механическая система, которая по сути сама создает себя, а сознание является побочным эффектом материальных процессов. Данные трансперсональной психологии и исследования сознания утверждают, что вселенная может быть творением высшего космического разума, а сознание — существенным аспектом бытия.

Нет таких научных данных, которые демонстрируют первичность материи по отношению к сознанию и отсутствие в мировом порядке творческого разума. Добавляя к данным материалистической науки инсайты (прозрения), открывшиеся при исследовании сознания, мы обеспечим более полное понимание многих важных аспектов космоса, для которых пока что отсутствуют удовлетворительные и убедительные объяснения. Эти аспекты включают такие основополагающие вопросы, как сотворение вселенной, происхождение жизни на нашей планете, эволюция видов, а также природа и деятельность сознания.

Кроме того, неотъемлемой частью нового видения реальности является богатый спектр холотропных переживаний и связанных с ними явлений. Это обширная и важная сфера бытия, для которой у материалистической науки не нашлось разумных и убедительных объяснений. После неоднократных неудачных попыток я сам потерял надежду на то, что сумею объяснить свои переживания и наблюдения в контексте понятийной схемы, которую дало мне академическое образование. Если кто-либо из критиков трансперсональной психологии сумеет сформулировать убедительную, трезвую и приземленную материалистическую теорию, объясняющую удивительный мир холотропных переживаний, я первым пожму ему руку и принесу свои поздравления.

Alexander, F. 1931. «Buddhist Training as Artificial Catatonia.» *Psychoanalyt. Rev.* 18: 129.

Ash, S. 1967. *The Nazarene*. New York: Carroll and Graf.

Bache, C.M. 1991. *Lifecycles: Reincarnation and the Web of Life*. Paragon House, New York.

Bache, C.M. 1996. Expanding Grof's Concept of the Perinatal. *Journal of Near-Death Studies*, 1996,

НОВИНКА.

Barrow, J.D. and Tipler, F.J. 1986. *The Anthropic Cosmological Principle*. Oxford: Clarendon Press.

Bohm, D. 1980. *Wholeness and the Implicate Order*. London: Routledge & Kegan Paul.

Bolen, J.S. 1984. *Goddesses in Everywoman: A New Psychology of Women*. San Francisco: Harper and Row.

Bolen, J.S. 1989. *Goddesses in Everyman: A New Psychology of Men's Loves and Lives*. San Francisco: Harper and Row.

Campbell, J. 1968. *The Hero with a Thousand Faces*. Princeton, N.Y.: Princeton University Press.

Campbell, J. 1972. *Myths to Live By*. New York: Bantam.

Chittick, W. 1983. *The Sufi Path of Love*. Albany, N.Y.: State University of New York Press.

Cicero: De Legibus. Newbury Port, MA.: Focus Information Group, Inc. (*Цицерон. О законах*. В кн.: *Цицерон. Диалоги*. М., 1994.)

Crick, F. 1981. *Life Itself, Its Origin, and Nature*. New York: Simon & Schuster.

Crick, F. 1994. *The Astonishing Hypothesis: The Scientific Search for the Soul*. New York: Scribners Sons.

Dante Alighieri. 1969. *New Life (La vita nuova)*. New York: Penguin (*Данте Алигьери. Новая жизнь*. М., 1965)

Dawkins. 1986. *The Blind Watchmaker*. Harlow: Longman.

Einstein, A. 1962. *Mein Weltbild*. Berlin: Ullstein Verlag.

Fromm, E. 1973. *Anatomy of Human Destructiveness*. New York: Holt, Rinehart & Winson.

Gennep, A. van. 1960. *The Rites of Passage*. Chicago: The University of Chicago Press.

Grof, C. and Grof, S. 1990. *The Stormy Search for the Self*. Los Angeles, CA: J.P. Tarcher.

Grof, S. 1975. *Realms of the Human Unconscious: Observations from LSD Research*. New York: Viking Press.

Grof, S. 1980. *LSD Psychotherapy*. Pomona, CA: Hunter House.

Grof, S. and Grof, C. 1980. *Beyond Death: The Gates of Consciousness*. London: Thames & Hudson.

Grof, S. 1985. *Beyond the Brain: Birth, Death, and Transcendence in Psychotherapy*. Albany, N.Y.: State University New York Press.

Grof, S. 1988. *The Adventure of Self-Discovery*. Albany, N.Y.: State University New York Press.

Grof, S. and Bennett, Z. 1992. *The Holotropic Mind: The Three Levels of Human Consciousness and How They Shape Our Lives*. San Francisco, CA: Harper Publications.

Grof, S. 1994. *Books of the Dead: Manuals for Living and Dying*. London: Thames and Hudson.

Grof, S. 1996. «Planetary Survival and Consciousness Evolution: Psychological Roots of Human Violence and Greed». *World Futures* 47:243.

Hahn, T.N. *Call Me by My TrueNames. Collected Poems*. Berkeley, CA: Paralax Press.

Harman, W. 1984. *Higher Creativity: Liberating the Unconscious for Breakthrough Insights*. Los Angeles, CA: J. P.Tarcher.

- Hines, B. 1996. *God's Whisper, Creation's Thunder: Echoes of Ultimate Reality in the New Physics*. Brattleboro, VT.: Threshold Books.
- Hoyle, F. 1983. *The Intelligent Universe*. London: Michael Joseph.
- Huxley, A. 1945. *Perennial Philosophy*. New York and London: Harper & Brothers.
- Huxley, A. 1959. *The Doors of Perception and Heaven and Hell*. Harmondsworth, Middlesex, Great Britain: Penguin Books.
- Johnson, P.E. 1993. *Darwin on Trial*. Downer's Grove, IL.: InterVarsity Press.
- Jung, C.G. 1956. *Symbols of Transformation*. Collected Works, vol. 5, Bollingen Series XX, Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Jung, C.G. 1959. *The Archetypes and the Collective Unconscious*. Collected Work, vol. 9,1. Bollingen Series XX, Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Jung, C.G. 1960. *Synchronicity: An Acausal Connecting Principle*. Collected Works, vol. 8, Bollingen Series XX, Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Jung, C.G. 1973. Letter to Carl Selig, February 25, 1953. C. G. Jung's Letters, vol. 2, Bollingen Series XCV., Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Koestler, A. 1978. *Janus*. New York: Random House.
- Lao-tzu 1988. *Tao Te Ching* (translated by Stephen Mitchell), New York: Harper and Row.
- Laszlo, E. 1993. *The Creative Cosmos*. Edinburgh: Floris Books.
- Leibniz, C.W. von. 1951. *Monadology*. In *Leibniz Selection* (ed. P. P. Wiener). New York: C. Scribner's Sons.
- Lovejoy, A.O. 1964. *The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Marshall, G. and Polig, D. 1990. *Albert Schweitzer: A Biography*.
- Maslow, A. 1964. *Religions, Values, and Peak Experiences*. Columbus: Ohio State University Press.
- Mause, L. de. 1975. «The Independence of Psychohistory». In: *The New Psychohistory* (ed. L. de Mause). New York: The Psychohistory Press.
- Monroe, R. 1994. *The Ultimate Journey*. New York: Doubleday.
- Mookerjee, A. and Khanna, M. 1977. *The Tantric Way*. London: Thames and Hudson.
- Murphy, M. and White, R.A. 1978. *The Psychic Side of Sports*. Menlo Park, CA: Addison-Wesley.
- Odent, M. 1995. «Prevention of Violence or Genesis of Love? Which Perspective?» Выступление на 14-й Международной трансперсональной конференции в Санта-Кларе, Калифорния, июнь.
- O'Neill, E. 1956. *Long Day's Journey into Night*. New Haven: Yale University Press. (О'Нил Ю. Пьесы. Т. 2. М., 1971)
- Origenes Adamantus (Father Origen) 1973. *De Principiis (On First Principles)*. G. T. Butterworth (transl.), Gloucester, MA: Peter Smith. (Ориген. О началах. Самара, 1993)
- Pagels, H. 1990. *The Cosmic Code*. New York: Bantam Books.
- Pauli, W. 1955. «The Influence of Archetypal Ideas on the Scientific Theories of Kepler.» In: *The Interpretation of Nature and the Psyche*. Bollingen Series LI. New York: Pantheon.
- Perls, F. 1976. *The Gestalt Approach and Eye-Witness to Therapy*. New York: Bantam Books.
- Plato. 1961. *Laws*. The Collected Dialogues of Plato. Bollingen Series LXXI. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Plato. 1961. *Republic*. The Collected Dialogues of Plato. Bollingen Series LXXI. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Plotinus. 1991. *The Enneads*. London: Pengein Books (Плотин. Эннефды. Киев, 1995)
- Ring, K. 1982. *Life at Death: A Scientific Investigation of the Near-Death Experience*. New York: Quill.
- Ring, K. 1985. *Heading Toward Omega: In Search of the Meaning of the Near-Death Experience*.

New York: Quill.

Ring, K. and Cooper, S. 1996. Seeing with the Senses of the Soul (Sehen mit den Sinnen der Seele). *Esotera* 12, 16–21.

Roberts, J. 1973. *The Education of Oversoul* — 7. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.

Ross, C. *Multiple Personality Disorder: Diagnosis, Clinical Features, and Treatment*. New York: John Wiley & Sons.

Sartre, J.P. 1960. *The Devil and the Good Lord*. New York: Alfred A. Knopf.

Schuon, F. 1969. *Spiritual Perspectives and Human Facts*. London: Perennial Books.

Smith, H. 1976. *The Forgotten Truth: The Common Vision of the World's Religions*. San Francisco: Harper.

Smoot, G. and Davidson, K. 1993. *Wrinkles in Time*. New York: W. Morrow & Co.

Stevenson, I. 1966: *Twenty Cases Suggestive of Reincarnation*. Charlottesville, VA: University of Virginia Press.

Stevenson, I. 1984. *Unlearned Languages*. Charlottesville, VA: University of Virginia Press.

Stevenson, I. 1987. *Children Who Remember Previous Lives*. Charlottesville, VA: University of Virginia Press.

Stevenson, I. 1996. *A Contribution to the Etiology of Birthmarks and Birth Defects* (новинка).

Tarnas, R. *Psyche and Cosmos: Intimations of a New World View*. New York: Random House (новинка).

Thorne, K.S. 1994. *Black Holes and Time Warps: Einstein's Outrageous Legacy*. New York: W. W. Norton & Co.

Traherne, T. *Centuries of Meditation*.

Wambach, H. 1979. *Life Before Life*. New York: Bantam.

Wasson, R. G., Hoffmann, A., and Ruck, C.A.P. 1978. *The Road to Eleusis: Unveiling the Secret of the Mysteries*. New York: Harcourt, Brace Jovanovich.

Watson, B. (transl.) 1968. *Complete Works of Chuan Tzu*. Colorado University Press.

Watts, A. *Murder in Kitchen*.

Watts, A. 1966. *The Book About the Taboo Against Knowing Who You Are*. New York: Vintage Books.

Wheeler, J.A. 1962. *Geometrodynamics*. New York: Academic Press.

Whitehead, A.N. 1929. *Process and Reality*. New York: Macmillan.

Whitehead, A.N. 1967. *Science and the Modern World*. New York: Free Press.

Wilber, K. 1980. *The Atman Project: A Transpersonal View of Human Development*. Wheaton, IL.: The Theosophical Publishing House.

Wilber, K. 1983. *A Sociable God: Brief Introduction to a Transcendental Sociology*. New York: McGraw Hill.

Wilber, K. 1995. *Sex, Ecology, and Spirituality: The Spirit of Evolution*. Boston, MA: Shambhala Publications.

Wilber, K. 1996. *A Brief History of Everything*. Boston, MA: Shambhala Publications.

Wilber, K. 1997. *The Eye of Spirit: An Integral Vision for a World Gone Slightly Mad*. Boston, MA: Shambhala Publications.

William, G.C. 1996. *Adaptation and Natural Selection*. Princeton, N.Y.: Princeton University Press.